

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№9 (764) 2019

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.



Учредитель — АНП «Редакция
журнала «Юность»».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный
товарный знак. Правообладатель —
АНП «Редакция журнала «Юность»».

Главный редактор — **Сергей
Александрович Шаргунов**

Выпуск издания осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.

Лиц. Минпечати № 112.

Подписной индекс 71120

ISSN 0132-2036

Наша почта: unost-org@mail.ru

Наш сайт: <http://unost.org>

Страница в «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

Адрес редакции: **Москва, ул. 1-я
Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1.**

Для почтовых отправлений: **125047,
Москва, а/я 182, «Юность».**

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-40-74

Главный редактор
Сергей ШАРГУНОВ

Общественный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ

Лев АННИНСКИЙ

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

Алексей ВАРЛАМОВ

Анна ГЕДЫМИН

Сергей ГЛОВЮК

Борис ЕВСЕЕВ

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Елена ИСАЕВА

Владимир КОСТРОВ

Нина КРАСНОВА

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Евгений ЛЕСИН

Юрий ПОЛЯКОВ

Георгий ПРЯХИН

Елена САЗАНОВИЧ

Александр СОКОЛОВ

Борис ТАРАСОВ

Елена ТАХО-ГОДИ

Игорь ШАЙТАНОВ

Редакционная коллегия:

Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

Валерий ДУДАРЕВ

Вячеслав КОНОВАЛОВ

Татьяна МАХОВА

Игорь МИХАЙЛОВ

Анастасия ПОПОВА

Евгений САФРОНОВ

Татьяна СОЛОВЬЕВА

Светлана ШИПИЦИНА

На 1-й странице обложки:

Михаил Пак.

«Дерево». Фрагмент

В НОМЕРЕ:

Проза / ТЕМА НОМЕРА: ШКОЛА
Булат ХАНОВ
НОВЕНЬКАЯ 4
Алексей САМОЙЛОВ
АНТИЛОПА С УЛИЦЫ ХОЛЬЗУНОВА РАССКАЗ 51

Реформат / ТЕМА НОМЕРА: ШКОЛА
Инна КАБЫШ
УЧИТЕЛЬ FOREVER 61

Поэзия
Даниил ТЕСТОВ 73
Юрий СМИРНОВ 75
Андрей ПОПОВ 80

Проза
Андрей ЖВАЛЕВСКИЙ, Евгения ПАСТЕРНАК
ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК 14
Наталья ПОДЛЫЖНЯК
БЕЗ ЯЗЫКА Я ПОВЕСТЬ 28
Ася ПЕТРОВА
СВОБОДНАЯ СТРАНА ОТРЫВОК 63
Ирина СОЛЯНАЯ
ИНВЕНТАРИЗАТОР 84
Наталья НОВОХАТНЯЯ
ЗЛАТОВЛАСКА 94
Алексей А. ШЕПЕЛЁВ
КЛЕЩ ПОД СЕРДЦЕМ РАССКАЗ 101
ЧЕРТИ НА ТРАССЕ РАССКАЗ 105

Штушки
Елена ПОГОРЕЛАЯ
ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК: НЕВЕРНАЯ КОМЕТА
Из главы «Еще одна дуэль на Черной речке» 113

Былое и думы
Алла МАЙКОВА
ЗАПИСКИ 117

Отдел юмора
Генрих ПАЛОЯН
Редактор-корректор
Юлия СЫСОЕВА
Верстка и оформление
Наталья ГОРЯЧЕНКОВА
Фотокорреспондент
Антон ШИПИЦИН
Главный бухгалтер
Алла МАТЮХИНА
Финансовая группа
Лариса МЕЛЬНИКОВА
Отдел распространения
Яна КУХЛИЕВА
Дежурные по редакции
Татьяна СЕМЕНОВА
Татьяна ЧЕРЫГОВА

Война

Василий АВЧЕНКО, Алексей КОРОВАШКО

РОЗОВАЯ ЧАЙКА ДЛЯ ПОЛЯРНОГО СУПЕРМЕНА

Отрывок из книги об Олеге Куваеве —

ГЕОЛОГЕ, ПИСАТЕЛЕ, ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ **121**

Татьяна СОЛОВЬЕВА

«КАРТОЧНЫЙ ДОМИК» РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ

Рецензия на книгу Шамиля Идиатуллина «Бывшая Ленина» **125**

Творческий конкурс

София АГАЧЕР США **128**

Наталья СОЛОВЬЕВА г. Москва **132**

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Авторы несут ответственность
за достоверность представленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

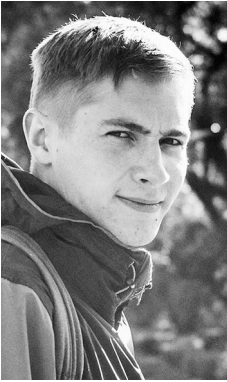
Тел./факс: +7(495) 619-08-30,

+7(495) 647-01-89

E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 3 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №



Булат ХАНОВ

Булат Ханов — лауреат премий «Лицей» (2018, 3-е место) и «Звездный билет» (2018). Дважды финалист русско-итальянской премии «Радуга» (2018, 2019). Автор романов «Непостоянные величины» и «Гнев», а также повести «Дистимия». Публиковался в журналах «Дружба народов» и «Октябрь», в сетевых изданиях «Литература» и «Техтура». Рассказы переводились на итальянский.

Живет в Казани.

НОВЕНЬКАЯ

Каждый уверен, что лучшие сны достаются ему. «Рубин» уступал «Спартаку» ноль-один, а на восьмидесятой минуте Коля выскочил на замену. Он забил дважды: головой и со штрафного. Коля с восторгом рассказывал, как широко расставил ноги, точно Криштиану Роналду, разбежался и ударил в девятку. У вратаря Реброва глаза на лоб полезли. На автограф-сессии к герою матча сквозь репортеров прорвался скаут «Реала» и позвал в Мадрид.

На этом месте Колю перебил Алмаз:

— Скаут «Реала» с тобой на русском, что ли, говорил?

Алмаз во сне сбежал из дома в Донбасс. С ополченцами он устраивал рейды в тылу противника. В решающем бою Алмаз мчался на мотоцикле вдоль вражеских окопов и косил украинских фашистов из автомата. Горячие гильзы струями выбрасывало в воздух. Министр Шойгу лично нацепил герою медаль на грудь.

Мы возмутились. Восьмиклассник против боевиков, ну конечно.

— Да ты в «ГТА» переиграл, — вынес вердикт Коля.

«Боец» обиделся. По его словам выходило так: мы не патриоты и будущее покажет, кто чего стоит на деле.

Алмаза и Колю помирила моя история. Мне снова приснился полет. Снова я кружил над городом, то хватая пальцами облака, то пикируя в самые оживленные перекрестки, чтобы выровнять курс в секунде от столкновения с бампером или асфальтом. Мягкое приземление на детскую площадку, затерянную на

окраине, щекоткой отдалось в пятках. Несмотря на сумерки, свет в окнах высоток не горел. Одиноким мальчик в песочнице бубнил над куличиками, будто накладывал заклятья. Бабушка в расписном платке вышивала на скамейке. Было тихо, как если бы все звуки отловили и заключили под стражу. Я сидел на качели. Зеленая краска на сиденье и подлокотниках местами отколупалась, и качели оттого казались близкими и настоящими, со своей потрепанной душой. Я раскачивался, делал «солнышко» и, сорвавшись, взмывал под серые облака. В груди kloкотало, уши закладывало от ветра, и земное притяжение подчинялось мне.

Наверное, описывать ощущения — не мой конек. Сон с полетом одноклассников не впечатлил. Коля назвал его неэффектным, так как площадок с качелями полным-полно по стране, а клуб «Реал» — единственный на всю галактику. По словам Алмаза, раз сон вторяется, то он скучный, а самое интересное существует в единичном экземпляре. Я с ними не спорил.

Когда мы спускались в раздевалку, Чулпан призналась, что подслушала.

— По-моему, нельзя запросто определить, чей сон лучше, — сказала она.

— Почему это? — спросил я.

— Не с чем сравнивать. Ты же не видел сна Коли или Алмаза, чтобы проверить.

— Это неважно. Любому ясно: полет круче. На войну, тем более на футбол, можно попасть и в жизни.

— У сна другие правила. Важны детали. Без них полет скучнее, чем прогулка до магазина.

Я не понял, что Чулпан имела в виду, поэтому сменил тему:

— Что снилось тебе?

— Как я разбила сервиз и пряталась у сестры под кроватью. Не представляешь, как я испугалась! В темноте, в пыли. Я видела лишь краешек покрывала и ноги. Потом сестра легла, и раздался долгий-долгий скрип. Милана стройная, а я почему-то я думала, что ножки подломятся и кровать рухнет на меня. — Чулпан смотрела широко раскрытыми глазами.

— Тебя нашли?

— Нет. Я не выдержала и проснулась.

Чулпан появилась у нас в феврале. Ее до сих пор считали новенькой. В школе было принято носить синюю форму, а она ходила в черной. На родительском собрании ее мама обещала купить синюю к сентябрю, если Чулпан не переведется в другую школу. Ее посадили за парту со мной. Я был рад. Она выручала меня с математикой и физикой. Ради справедливости я предложил новой соседке помощь с изложениями и диктантами. Она отказалась, так как справлялась с ними не хуже моего. Голос у Чулпан был удивительный, как у доброй мамы из фильмов, которая все понимает и которой нет желания возражать. При этом новенькая не искала дружбы со всеми, поэтому некоторые девочки не любили ее — называли Силой Тьмы за черную форму и пускали слухи, будто Чулпан курит за гаражами и ворует батончики из «Магнита».

Медно-рыжие волосы новенькой завивались у кончиков. Глаза цветом напоминали мрамор. Когда я уточнил, зеленые ли они, Чулпан сказала беззаботно:

— Зеленовато-серо-голубые. Вроде того. У сестры такие же.

— Они похожи на океан.

Хотя она не поблагодарила за комплимент, я видел, как сравнение ей понравилось. На перемене она угостила меня яблоком. Мы как раз изучали мифы Древней Греции, поэтому поспорили, что могущественнее: яблоки Гесперид или яблоко раздора. Я утверждал, что первые: они золотые и редкие, их и Геракл с трудом добыл, а остальным не достать нипочем. Чулпан доказывала обратное.

— На яблоки Гесперид даже не полюбуешься — их Афина вернула в сад. И Геракл зря Антея убил. А яблоко раздора изменило судьбу человечества, — говорила новенькая.

Она умная, а не просто ботаник. Такого я не могу сказать ни об одной девочке, кроме нее.

Дом у нас с виду обычный. Подъезд — обычных из обычных. А поживешь месяц, вникнешь — тогда

странности и самые настоящие аномалии высвечиваются как прожектором.

Двор заставлен машинами, а ближайшие качели — на детской площадке через два дома. Я уже вырос, и теперь катаюсь на качелях только во сне. Детская площадка влекла голубятней, которую построил неподалеку дед в зеленой спортивной куртке и белой кепке. Он из нашего подъезда. О дедушке известны две вещи: он любит голубей и не любит свадьбы, так как молодожены выпускают белых голубей в небо, а те погибают. Мама за глаза называет деда безумным голубятником.

Дом наш девятиэтажный. Я редко поднимаюсь выше третьего, на котором живу. С третьего тоже видно и слышно порядком. В квартире над нами как раз живет дед-голубятник вместе с сыном и его семьей. Летом сын с женой уезжают на дачу, оставляя деда с внуком. Внуку, наверное, лет двадцать пять. Не представляю, куда он девадет деда, потому что летними днями он закатывает такие вечеринки, что пол и потолок дрожат от клубной музыки. Как будто коктейлем Молотова заливает уши. При встрече внук здоровается с моим папой, чуть кланяясь. Я еще не решил, внук с вечеринок и вежливый внук — это один человек или нет.

Вообще, соседи мало общаются между собой. Если верить бабушке, раньше было иначе. О соседях больше узнавали, чем додумывали.

Сложно не заметить татарку из тридцать восьмой квартиры с лицом, как дряблый персик, и черными, с проседью, волосами. Время от времени она визжит на весь подъезд, если кто-то раскидал листовки из почтовых ящиков. У ступенек можно встретить горбатую старуху, кормившую бродячих собак во дворе, до того как их отравили. Старуха ждет, пока ей поднимут тележку до лифта. Дверь в подъезд караулит старик с густыми бровями и красным носом размером с дюлю. Из-за выпирающих щек и лба его глаза будто вдавлены в лицо. Старик всегда в шапке, даже летом, словно она приросла к голове.

У лифта на полу сохранилось темное пятно. Пролетом летом кого-то вырвало, и оттереть эту мерзость до конца уборщице не удалось. Слышали бы вы, как орала татарка из тридцать восьмой. Казалось, ее не то что режут — топором рубят. На каждом этаже, у электрощитов и на лестничных площадках, из пола торчат трубы. На середине они превращаются в покрытые защитным слоем провода, которые врастают в полотно, чтобы на следующем этаже снова вылезти из пола трубами. Я спрашивал у папы, для чего они. Он ответил: «Они передают ток».

Стены раньше говорили бессвязными записями: «14.06.12 Ни кто не забыт, ни что не забыто», «Я твой пупс анон», «Здесь был Борщ», «Дорогу красному

комиссару!», «I hate everything about U! Why do I love U?» Кто-то играл на стене в крестики-нолики, кто-то некрасиво рисовал короны или рожицы. Позднее все художества замазали густым слоем голубой краски. Кое-где неистребимый черный маркер проступал сквозь нее.

За выкрашенной в синий железной дверью есть другая, такая же. За ней — деревянная. За ней живет моя семья.

Мама помешана на фитнесе и диетах из журналов. Она неутомимо жалуется — на память, на цены, на рыжую воду из крана. Папа тоже жалуется, но не в присутствии мамы. При ней он бодр и много шутит. Поводом для шутки служит все подряд: проект в Сколково, заглохший пылесос, паук на потолке. Раньше папины шутки смешили меня, теперь я вырос и, как и все остальные, не смеюсь над ними. Папа говорит, что его цель — не вызвать смех, а разрядить атмосферу. Он носит очки с толстой оправой, они идут к его полосатой рубашке с короткими рукавами. Мама щурится и трет глаза при чтении, но очки не покупает.

Папа с мамой любят друг друга, поэтому всегда мирятся после ссор.

Моя сестра красит волосы каждый сезон, а причёску меняет раз в месяц. Стабильность — это не про нее. Хотя как посмотреть: три года она передвигается по квартире с плеером в кармане шорт и торчащими из ушей проводами. Забавно, когда она одинаковым ровным тоном переспрашивает маму: «А? Что?» Еще сестра развесила по комнате картинки из аниме и постеры с корейскими музыкантами. Музыкантам лет двадцать — двадцать пять, и они похожи на нежных мальчиков. А еще больше — на девочек. Не дура ли?

Красноносый старик в неизменной шапке занял свой пост рано.

С трудом оттолкнув от себя магнитную дверь, в утро четверга я вышел из подъезда. Старик, скривив лицо, издал резкий звук, что-то среднее между криком и мяуканьем. Пакет со сменной обувью едва не выпал у меня из рук. Спустил миг я сорвался с места, потому что красноносый запрыгал на одной ноге, как раненый.

Расстояние до школы я преодолел бегом, дважды чудом не растянувшись на скользком асфальте. Забуксовка вышла единожды: нога пробила тонкую белую кромку льда на луже, словно замершую от страха растаять. Ботинок черпнул холодной мутной воды, но и тогда я не позволил себе обернуться. Каждая секунда дорога.

Первым уроком у нас была физкультура. Султан Азатович, животастый тренер со свистком на груди, увидел меня, несущегося в школу, и посмеялся — дескать, разминку до занятий провел, молодец. Ему о

полоумном старике не расскажешь. А после двух уроков футбола и самостоятельной по математике утренний случай отодвинулся в сторонку. Ну, крикнул. Ну, попрыгал. Может, он от холода затанцевал. Минус три, а погода на пожилых сильно влияет, вам любой скажет. А у меня фантазия взбунтовалась, потому что до лета два с половиной месяца, а от школы сплошная усталость.

Притихший на математике, на обществознании класс оживился. На теме «Государство» Румина Максимовна задала нам проект на дом. В это не сразу верилось: на обществе и истории у нее мы большей частью записывали термины и таблицы с датами, решали тесты. А тут проект. Сварливая и похожая на засохшую ветку, Румина Максимовна, по легенде, мучила детей уже сорок пять лет. Если возвращаться к яблокам, то ей и молодильные не помогли бы. Спуску от нее ждать не приходилось. Год назад двоечник Гомберг (честное слово, такая фамилия), чтобы пошестаться над историчкой, спросил:

— А у вас отца Максом звали?

Учительница просверлила Гомберга взглядом.

— Моего отца назвали в честь великого писателя Максима Горького. А на месте человека с отчеством Соломонович, — Румина Максимовна тщательно выговорила каждую «о», — я бы не слишком обсуждала других.

Гомберг надолго затих, обстрелянный перекрестным хохотом. Через месяц Соломоновича перевели в вечернюю школу. Он украл плеер у Алмаза.

В общем, проект по обществознанию был замечательным. Суть в том, что мы в группах по двое продумывали свое микрогосударство. Им могли стать торговый центр, туристическая фирма, дачный кооператив — да все, что угодно, лишь бы все укладывалось в схему. В схеме отводилось место лидеру, службам образования, охраны и здравоохранения, торговле, развлечениям; а главное, микрогосударство в сумме должно равняться единому обществу, где все взаимосвязано. На задание давалась неделя, затем — защита перед классом.

Я бы без раздумий соорудил бомбовый проект на пару с Колей, но его не было. Наверное, умотал на стажировку в «Реал». Поэтому когда мне предложила партнерство Чулпан, я согласился. Мне хотелось подбодрить новенькую. Про нее пустили новый слух: будто она ехала в автобусе на маминых коленях. К чести Чулпан, она отнеслась к этому с безразличием. И все равно я чувствовал, что поступаю правильно, сделал ей приятное.

Я позвал Чулпан домой. Родители до пяти на работе, а у сестры по четвергам и понедельникам курс по корейскому языку. Конечно, маме не понравится, если она узнает. В октябре, когда мне купили при-

ставку Xbox360, Коля разве что не ночевал у нас в квартире. Один раз он унес джойстик, засунув его во внутренний карман куртки («По чистой случайности, дружище!»). Только чудо и клятва историчке взяты за ум спасли меня от тройки в первой четверти. Мама водить друзей запретила.

Но Чулпан-то другое дело. Во-первых, у нас проект. Во-вторых, мама не узнает. В-третьих, новенькая мне пока не друг.

Чулпан обещала явиться к трем. Я с улыбкой и вроде как строгим тоном велел ей захватить мозги. Типа комплимент. Ее лицо засияло, и мраморные глаза как будто потеплели.

Полоумный старик, скачущий на одной ноге, вспомнился по дороге из школы. В старых книгах о таких говорили, что он бесноватый. Подойдя к своему дому, я осторожно выглянул из-за края. Никого. Я вытащил ключ из портфеля. Никого. Собраться с духом, добежать до подъезда, приставить ключ к магнитному замку, дождаться сигнала и, потянув тугую дверь, ворваться внутрь.

Наши окна не выходили во двор. Чтобы не рисковать, я встретил Чулпан у подъезда. Бесноватый будто испарился.

В подъезде новенькую вмиг привлекла доска объявлений. Взгляд моей гостьи, миновав объявления о лечении компьютеров и о доставке пиццы, остановился на кроссворде. Шесть слов по горизонтали («кухня», «образование», «ремонт», «свадьба», «бизнес», «отпуск») складывались по вертикали в «кредит».

— Как клетка без выхода, — заключила Чулпан.

У лифта висела полная гнева записка на листе А4: «Кто украл дверь, верните!!! Сделайте, пока не поздно!!! А то Аллах вас покорает!!!» Ставлю на три завтрака в школьной столовой, что автор — татарка из тридцать восьмой. Буквы, размером с таракана каждая, были набросаны жирным черным маркером.

— Послание от всей души! — Чулпан улыбнулась и нажала кнопку лифта.

— Не стоило, нам на третий, — произнес я.

Мы все-таки дождались лифта.

Перед тем как открыть дверь, я показал гостье на трубы у электрощита. Те самые, что возникали из пола и, превращаясь в провода на середине, пропадали в потолок.

— Не знаешь, что за штуковины? — спросил я.

— Нет. А ты?

Я пожал плечами.

— Как кровеносная система, — улыбнулась новенькая.

— Здорово! — восхитился я сравнению.

Снимая куртку и сапоги, Чулпан медленно осмотрелась. Не так, конечно, как осмотрелся бы Мауг-

ли, впервые перешагнув порог человеческого дома, а скорее с интересом, не цепляясь взглядом за все подряд. Моя гостья переделалась до прихода — в черную блузку с длинными рукавами и черные, не для школы, брюки. Сила Тьмы, внутренне пошутил я.

Мы расположились в моей комнате, за письменным столом. Прежде я перенес ненужные тетради и черновики на подоконник. Чулпан достала чистый лист в линейку и гелевую ручку.

— Есть идеи по проекту? — Она взяла ручку.

— В смысле?

— Микросударство. Что можно взять за основу?

Она говорила по-взрослому.

— Без вариантов.

— Сначала я думала о театре. Это необычный пример. С одной стороны, у каждого есть функции и задачи: руководитель театра — лидер, режиссеры — министры, вахтер и охранник — служба защиты. И так далее. Кроме того, есть труппа актеров. Каждый из них, мало того что выполняет свою функцию, так еще притворяется кем-то в постановках. Гамлетом, Простаковой, городничим. В театре все как будто не по-настоящему, а как будто и всерьез. Я не могу объяснить... — Чулпан выразительно посмотрела на меня, словно в надежде, что я подхвачу ее мысль.

— Слишком сложно, — сказала я.

— И я так решила. А когда мы поднимались по лестнице, в голову пришла новая идея — подъезд.

Я не поспевал за ней.

— Какой подъезд?

— Твой. Смотри, подъезд в доме не единственный. Вместе с остальными подъездами он образует альянс — не по своей воле, а так получилось, потому что крыша одна. Другие дома и другие подъезды — другие альянсы и государства. У вас есть старший по подъезду?

— Есть, — сказал я. — На седьмом этаже. Хозяинственный мужик с ротвейлером. Под пятьдесят лет.

— Будет лидером. Далее. Граждане не выбирают государство, как и жители не выбирают подъезд. Правда, один ЖКХ на много домов — это не укладывается в систему...

Буквы на листке Чулпан плавно перетекали одна в другую, как у многих девочек.

— Расскажи о соседях, — попросила гостья.

— По этажу?

— По подъезду.

За стеной жила муж и жена, лица которых напрочь выветривались из памяти через минуту после встречи — настолько неприметные. И мужу, и жене можно было дать как сорок, так и пятьдесят. Они всегда одинаково здоровались, никогда не улыбались и не шумели. Никто к ним не приходил. Помимо них, я рассказал о соседях сверху, о татарке, требующей вер-

нуть неведомую дверь, о бесноватом. Припомнилась история о сегодняшнем утре.

Гостья записывала не поднимая головы, лишь иногда искренне восклицая «Ого!» или «Ничего себе!». Я поневоле залюбовался. По переносице у нее разбрелись веснушки. Не ядовито-яркие, как у Антошки из мультфильма, а едва видимые и потому красивые. Тонкое белое запястье украшал браслет небесного оттенка. По-честному, мне нравится голубой цвет. Другьям, понятное дело, об этом не говорю.

В восторг Чулпан привели надписи, замазанные краской.

— А представь, это голоса, которые замуровали в стену! — предположила она. — Они изнывают и оскверняют ауру подъезда. Допустим, кто-нибудь из жителей заболел. Он думает на сырость, на холод и не понимает, что провинился перед голосами, которых не слышит.

— Ты веришь во все эти ауры, кармы? — полюбопытствовал я.

— Не то чтобы. Передачам по телевизору и ведьмам из газет не верю.

— А во что веришь?

— В то, что у всякой вещи есть душа. И в то, что слова и надписи на стенах не случайны. И душа их живет даже под краской.

— Зато когда краску соскоблят, голоса обретут покой, — подыграл я.

Мы встретились глазами и застыли. В кино в такие моменты обычно целуются.

— Это целый мир, — сказала Чулпан, словно затыкая пробоину в разговоре. — Настоящий организм. Электричество — это кровеносная система... Нет, кровеносная — отопление. Электричество — мозг и нервная система. А лестницы, площадки, окна — кости и внутренности. Краска и побелка — кожа.

— Тогда и людей не нужно, — сказал я.

— Нужны, — возразила Чулпан. — Если собрать все части организма и соединить, то жизни еще не будет. Жизнь получается из другого.

— Из души?

— Или из чего-то, что мы называем ей. Люди — это душа подъезда.

— Грешная душа, — сказал я, вспоминая старика в шапке, татарку с «корающим» Аллахом, внука сверху.

— Какая есть. Ведь жизнь сама по себе не хорошая и не плохая. Она просто существует. Вот и подъезд — он просто существует. Просто жив.

Внезапные повороты мысли Чулпан окончательно сбили меня с толку. Между тем она продолжала:

— От подъезда, как и от государства, не стоит ждать сверхъестественного. Подъезд — это ведь «Падик», группа в «ВКонтакте» с якобы мудрыми цитатами. «Прошлое не вернуть», «Меня трудно найти, легко потерять и невозможно забыть». Дрянь дрянная.

Ни разу мне не доводилось видеть Чулпан такой оживленной.

— Ты не считаешь меня высокомерной и занудной? — спросила она.

— Нет, ты что.

— Я не считаю себя лучше других. Но я не люблю, когда другие считают себя лучше меня.

Ее мраморные глаза снова потеплели. Лист с проектом был исписан.

Мы договорились обсудить проект в школе. До выступления оставалась неделя. Я проводил Чулпан до улицы. На прощание она порывисто обняла меня и зашагала прочь, оставив в недоумении.

У лифта я столкнулся с татаркой. В фиолетовом халате, с разворошенными волосами, она испытующе заглянула в мое лицо. Неясно, проверяла она, не я ли украл ее дверь, или у нее такая манера общения. Левый глаз женщины косил. В иной момент я бы съезжился от страха, а сегодня поздоровался.

Пятничным утром требование вернуть дверь исчезло. Судя по тому, что дверь в тридцать восьмой не сменилась, Всевышний глух к просьбам трудящихся. Так сказал папа.

Весь вечер четверга валом валил снег, а ночью подморозило, так что мы с пацанами повытаскивали с балконов ледянки. Мы катались стоя. Не сговариваясь, все приняли негласный вызов: используя ледянки как сноуборд, удержаться на ногах, не упасть на крутом спуске. Каждый все равно падал — кто чаще, кто реже, — и наполнял сапоги и рукава снегом. Алмаз сравнил мартовский снегопад с даром небес.

— Мы понятия не имеем, захотим ли кататься слезающей зимой, поэтому ловите шанс, — сказал он.

Отряхиваясь от снега, облепившего куртку и потемневшие джинсы, я поздно заметил старика у подъезда. Шапка на все случаи жизни сидела на голове как влитая. Есть ли под ней волосы или нет?

— Постой, мальчик. Прошу извинения за вчера.

Я чуть язык не проглотил. Переложив ледянки из левой в правую руку, я повернулся к старику вполоборота.

— Ты решил, будто я сумасшедший?

— Н-нет, — соврал я.

— Тебя не осуждают, мальчик. Всякий бы растерялся. Безумный старикашка — гогочет, прыгает. Постой, — властно велел он, когда я сделал шаг. Я повиновался. — Был сон.

Старик говорил медленно, словно нехотя и торжественно отпуская слова на волю. Ноздри красного по-зимнему носа вздымались.

— Был сон. Не бесцельный. Было велено ждать, пока из храма не появятся четыре женщины. Одна за другой. Было три женщины — и ты порвал хрупкую связь.

Старик коснулся шапки тремя пальцами, точно готовясь перекреститься, и отвел руку.

— Меня мама ждет, — пробормотал я.

— Ступай, — покровительственно произнес старик.

Сердце отскакивало от ребер. Чугунный взгляд из-под густых бровей, нацеленный, как крупнокалиберный пулемет, преследовал меня до вечера. Определенно надо поделиться историей с Чулпан.

Чулпан слушала с восторгом и ни разу не намекнула, что я струсил.

— Важный человек в государстве. Будет службой порядка, — заключила она.

— Вот еще. Ему я телефон подержать не доверю, не то что жизнь, — сказал я.

— А полиции доверишь?

— Ни за что.

— Иногда приходится. Когда выхода нет.

На истории Румина Максимовна напомнила всем о проекте.

— Будьте ответственными, — сказала она. — Игра — это тоже очень серьезно. Будьте чутьчку стратегами, чутьчку архитекторами и всего больше — наблюдателями.

Такое чувство, историчка сама не соображала, что несла.

Я опасался, что новенькая будет таскаться за мной повсюду на правах друга. Не то чтобы я противился. Дело ведь не в Чулпан, а в насмешках, которые на меня посыплутся. Сабина, толстуха с вечными претензиями к учителям и к столовской кормежке, заправляющая всем у девочек, сто процентов настроит класс против меня. Чего-чего, а от девичьих подколов лучше держаться подальше — это самое унижительное. Пацаны, пожалуй, травить не станут. Кроме, наверное, Дударева. Тот еще отморозок, через полгода он составит компанию двоечнику Гомбергу в вечерке.

К счастью, Чулпан меня не доставала. Мы переговаривались редко даже на переменах, в столовой обедали за разными столами. В школу она ходила в длинной белой блузке, поэтому я не мог увидеть, при ней ли браслет небесного цвета. Лишь по пути в раздевалку, после биологии, она догнала меня и поинтересовалась:

— Если бы изобрели операцию по превращению несчастных людей в счастливых, притом без вреда для остальных, ее бы одобрили или запретили, как по-твоему?

Я признался, что не думал об этом.

Ничего себе у нее размышления.

В понедельник снег подтаял. Жижа, от души приправленная дворниками песком и солью, здорово злила. Чулпан предложила остаться в школе после

уроков ради проекта. Такой вариант мне не улыбался, и я позвал ее к себе.

Сестра привычно ушла на корейский. Подозреваю, язык ей нужен не для саморазвития, как она клянется, а для того, чтобы выскочить замуж за нежного корейского музыканта и свалить с ним за рубеж. Ей не втолкуешь, что она тут, они там, а поэтому перспективы у нее нулевые. Пора бы повзрослеть, девятнадцать лет стукнуло, а просвета не видно. Наверное, химические вещества от краски для волос впитались в мозг.

Новенькая поднималась по ступенькам с телефоном в руках, по-исследовательски осматриваясь и оставляя мокрые следы. Второй этаж подарил ей приклеенную скотчем на электрощите памятку, начинавшуюся со слов «Автолюбитель, помни!». Чулпан сфотографировала ее. Между вторым и третьем притаились у батареи пепельница и баллон из-под бутилированной воды. Коллекция моей гостыи пополнилась новым кадром. Я не понимал, что к чему. Пепельница и баллон, тысячи их. Прозрачные некогда стекло и пластик потускнели от пепла и пыли, почти слились с полом — и что особенного? Чтобы продемонстрировать свою пользу, дать Чулпан еще пищи для размышлений, я ткнул ногой в сторону клочка сидящих волос, оставленного неизвестно кем. Новенькая навела камеру и на него. Раздался характерный чмок, сопровождающий снимок.

Расположившись за письменным столом в моей комнате, гостыя вынула блокнот.

— Я набросала схему, послушай, — начала она. — Старший по подъезду — мужик с ротвейлером. Личность незаметная, в скандалах не участвует. Хозяйственный, немолодой. Идеальный лидер.

— Почему идеальный?

— О нем нет дурных слухов?

— Мм, не припомню.

— Устраивает гадости?

— Нет вроде. Однажды собирал деньги на новую дверь для подъезда, потом ее заменили.

— Не считается. Идеальный лидер.

Я не нашел, чем крыть.

— Далее, — Чулпан продолжала, — служба охраны. С придурью, зато следит за входом и выходом. Убедена, ввалится к вам божж погреться или подерется кто — красноносый старик разберется лично. Как и службы правопорядка в России, он держит тебя в напряжении. Ты его не любишь, но пачкать подъезд побоишься.

По сути, он права. Когда разбрасывают листовки и блюют у почтовых ящиков, претензии старику не предъявишь. Предотвратить нарушения полиции не под силу. К тому же красноносый хотя бы не хватает кого попало, лишь бы закрыть следствие...

— Дед с голубятней, — сказала Чулпан, заглядывая в блокнот. — Тонкая натура, ищет лучшего. Постоянно навещает в другую страну, где отдыхает душой. Его трагедия в том, что он неразрывно связан с родным домом, хотя не любит его. Бежать ему некуда, он несчастен ровно настолько, насколько он способен выдержать. Некуда деваться и внуку. Он делает вид, будто жизнь у него славная. За границу он не рвется, потому что она сама приходит к нему. Его дискотеки — что-то наподобие ночного клуба, другого государства, которое на какой-то момент оказывается в государстве у него... Не путано объясняю?

Я кивнул, изо всех сил цепляясь за вереницу рассуждений моей гостьи.

— Внук притворяется довольным. Настоящего ночного клуба в квартире не получится, хотя бы потому, что соседи не дадут провести дискотеку ночью...

— И он тусит днем, — сказал я.

— То есть неполноценно. Вдобавок внук, молодой и амбициозный, мечтает о личной квартире. Родители и подъезд сковывают его самостоятельность, а выбора у него нет, как и у деда. Каждый из них по-своему против государства.

Чулпан говорила складно и с умом. Так пишут в образцовых сочинениях, которые зачитывает нам время от времени учительница по русскому. По мнению моей гостьи, покрытые краской записи на стенах — это подлинная история государства. Затертая, наполовину забытая и домысленная. В памяти сохраняются записи в домовой книге, счета-фактуры, другая документация, а также слухи о жителях, которые каждый будет пересказывать на своем языке.

Жизнь продлится, пока летят искры. А искры летят всегда. Люди как острова. Острова большие и малые, симметричные и непропорциональные, ледяные и тропические, исследованные и не очень. Острова теряют форму, сближаются, смыкаясь в архипелаги или нарушая форму друг друга. Татарка из тридцать восьмой не ищет противоречий с избранными, а посылает волны ярости на всех сразу. Она не бережет ненависти, чувства очень личного, ее гнев распаляется по всему подъезду, ненамеренно заряжая его энергетикой. Непроста в ее проклятиях появляется Аллах, ведь религия — это древнее и грозное средство, десятикратно увеличивающее силы человека верующего. Кто знает, может, клоч седящих волос на полу — дело рук колдуна, бросившего вызов исламу. Волосы — часть обряда, не менее, а то и более древнего и грозного, чем религия. Разгромленное и заглавленное религией, но уцелевшее, язычество мстит — по-тихому, точно, основательно.

Говоря это своим добрым и мягким голосом, Чулпан улыбалась. Было неясно, всерьез она или шутит. Насколько она собрана во всем. На блузке и брюках

ни одной складки и пылинки, распущенные медные волосы зачесаны бережно. Даже веснушки — и те словно рассыпаны в строгом порядке.

— Куда мы отнесем моих соседей, которые ни с кем не ссорятся, не распускают слухов? — поинтересовался я.

— Тоже к государству.

— Притом что они не участвуют в спорах и никак не влияют на государство?

— Они влияют. Незаметно. Уравновешивают жизнь. Представь, что было бы, если бы государство населяли исключительно те, кто прыгает на одной ноге или всегда кричит?

— Тогда бы мы поубивали друг друга.

— Именно.

— Тебе в президенты надо!

— В аналитики.

Она мне подмигнула.

Ничего себе. В книгах бывает, что кто-то там кому-то подмигнул, а в жизни у меня, наверное, впервые такое, если не считать перемигиваний, когда играли в мафию. «Аналитики» — некрасивое слово, похоже на «сифилитиков», однако говорить этого я не стал.

Я обещал подготовить электронную презентацию. Проект ждал триумф, приз за оригинальность уж несомненно.

В подъезде Чулпан выкинула шутку. Без предупреждений позвонив в дверь напротив, она бегом бросилась по лестнице вниз. Растерявшийся на секунду, я помчался следом. Ботинки застучали по каменному полу. Дымивший на лестничной площадке внук проводил нас глазами. Между вторым и первым этажом моя правая нога запнулась о левую, я чудом не рухнул, схватившись за некрашенные шершавые перила. Новенькая дожидалась у доски объявлений, где «кухня», «образование», «ремонт» и прочие складывались в «кредит».

— За нами побежали, — сказал я.

У подъезда привычно дежурил старик в шапке. Несмотря на отступавшую зиму и растекавшийся грязью снег, нос караульщика почудился мне красной обычного. Старик вцепился хищным взглядом в меня и мою гостью. Она прыснула от смеха. Очень смешно. Особенно для тех, кто не живет здесь.

Когда мы скрылись за стеной, Чулпан, все еще улыбающаяся, произнесла:

— Странно, что он не потребовал документы.

— И визу, — сказал я.

— Да ладно, не обижайся.

— Аналитики так себя не ведут.

— Пусть это будет наш социальный эксперимент. — Чулпан снова подмигнула. — А еще мне кажется, люди прячутся за пароллями, как за дверями. Альтернативы

не существует. И каждый чувствует, что ни дверь, ни пароль не спасут в крайнем случае.

— Ты так быстро переходишь от одной темы к другой, — сказал я.

Она прижалась ко мне. От ее волос шел вкусный запах молока, щека обдавала огнем. Мы словно сравнились в росте, сантиметр к сантиметру. Живот наполнился теплом, я прошептал:

— Ты мне нравишься.

Кирпичи в стене слились перед глазами в один красный, гладкий и уносящийся далеко-далеко.

— Ты мне тоже. До завтра.

Готов поклясться, я чувствовал перекрестие прицела на спине, когда миновал старика.

Внук свесил ноги с подоконника и стряхивал пепел в замызганную пепельницу. Ноздри его, втягивая воздух из форточка, подергивались, как у крысы. Белая футболка с Нью-Йорком, размера на два больше нужного, висела мешком, с одной из тапочек свешивалась подошва.

— Зихеришь.

— Здравствуйте, — пробормотал я.

— Думаешь, все просто? Позвонил и смотался?

Я молчал.

— В следующий раз пойдем к соседям, и ты на коленях будешь молить о пощаде. Усек?

— Да.

— Не води сюда никого. Это твой падик. Его надо любить и беречь.

Конечно, на колени меня перед соседями не поставят. Но этот угрожающий тон.

Почему он спускается курить к нам? Ну почему?

Обвинили меня с порога. Не разувшись, мама до тошно осмотрела половик и линолеум рядом.

— Песка натаскала. Если ее дома не приучили ноги отряхивать, мог бы и ты напомнить. Постеснялся? — не столько спросила, сколько заключила мама.

Когда тебя окучивают с ходу, без возможности оправдаться, растеряется кто угодно. Я не исключение.

— У нас проект по обществу. В четверг сдавать. — Я придвинул к маме тапочки.

— То есть ты собираешься водить ее до четверга?

Из дырки на маминых колготках торчал большой палец с крашеным ногтем. Наверное, это самое некрасивое, отталкивающее, что мне встретилось за день. Не старик и не внук, а палец из дыры в полупрозрачных, песочного цвета колготках.

— Мы не включали приставку и компьютер, а занимались уроками. Это не преступление.

В ответ кислотный взгляд — и только. Мама сдержалась, и это не сулило ничего хорошего. Значит, вечером на меня обрушатся с двойной силой. Будут осаждать упреками, пристыжать за сделанное и не-

сделанное, то срываясь на крик, то повторяя дрожащим голосом старые слова. «Ты родителей теперь ни во что не ставишь?», «Скоро до инфаркта доведешь!», «Заврался уже вконец!» В чем бы меня ни винули, выражения выбирались одни и те же. Откапывались проступки пяти-, а то и десятилетней давности. Чаще всего — как я убежал с другом на Ноксу и пропал до одиннадцати вечера. Или как наврал насчет похода в ТюЗ, а выданные на несуществующий спектакль деньги спустил в парке аттракционов «Шурале». Отбиваясь от родительских нападков, я грубил и в итоге заливался слезами в своей комнате.

Грубил, когда грубить не хотелось.

Подозреваю, сегодня меня будут прессовать как никогда. Девочек домой я еще не приглашал.

Мама потащила папу в кухню, едва он переоделся. Подперев дверь табуретом изнутри, родители стали перемывать мне косточки. Я затаился в коридоре, напротив настенного календаря с птицами, чтобы при случае притвориться, будто здесь не за подслушиванием стою.

Мамин голос звучал громче: «Чуть под землю не провалилась, когда мне сообщили... Понятия не имею, чем они два дня занимались... Додуматься до такого... Я не позволю этой дуре таскать песок с улицы... И это восьмой класс! В девятом они на балконе траву курить будут... Ты отец, ты обязан донести до него...» Папа напрасно советовал успокоиться и не оскорблять незнакомого человека. «Тогда он примет ее сторону и ополчится на нас. Ты этого добиваешься?»

Утешало, что папа с мамой не во всем согласны.

Мои одноклассницы запросто сходятся и расстаются с парнями, которым восемнадцать-двадцать, и пропадают до полуночи. Не знаю, что парочки позволяют себе наедине, но у стен школы и на остановках они безбоязненно сосутся. Скажи, что старым заморочкам не осталось места и что восьмиклассники теперь другие, родители не поверят. Им нет дела до остальных восьмиклассников.

Первое июня выпадало на воскресенье, мой день рождения — на пятницу, а тридцать первое декабря — на среду. Когда я, прикинув даты выходных на майские праздники, приступал к осенним каникулам, на плечо мне легла папина рука. Я вздрогнул.

— Поговорим?

По обыкновению тихая, моя комната в сумеречном свете казалась еще тише. Лишь мелкий дождь отбивал дробь на карнизе. Унылое небо за окном будто поглощало остальные цвета: белая пластиковая рама потемнела, а сиреневые обои потускнели. Отец прикрыл дверь и зажег свет, словно тоскливая палитра угнетала и его.

— В знак того, что я явился к тебе с миром, я разоружаюсь.

Папины очки в толстой оправе исчезли в кармане неизменной полосатой рубашки.

— Близорукий я никому не соперник, поэтому настроен исключительно на конструктивный диалог. Идет?

— Идет. — Я улыбнулся.

— Отлично. Мама сказала, что вы якобы разрабатывали проект. Какой, если не секрет?

— Государство, — сказал я и кратко объяснил суть, не умолчав и о подъезде.

Папа потер переносицу, точно поправляя очки.

— Достойный выбор. Винить не смею, не в моей компетенции ломать карьеру перспективному политологу. И все же, между нами, специалистами, — папа заговорщицки подмигнул, — назревает конфликт из области внутренней политики. Понимаешь?

Я помотал головой. Чулпан подмигивала естественно, а папа — вымученно. Впрочем, он желал пойти на мировую.

— Конфликт у нас извечный: между властью и народом. Ты народ. Я посредник, ищущий компромисса.

— А мама — это власть?

Папа засмеялся.

— Нет, мы определенно должны сохранить такого специалиста, как ты, для страны! Власть... Выразимся так: наши с мамой функции взаимодополняющие. Какими бы монстрами мы тебе ни казались, власть осознает причины народного негодования и народом обеспокоена...

Так, с помощью метафор и сравнений, отец объяснил, что от меня требуется. Приводить Чулпан домой я не мог, при этом общаться с ней разрешалось. Наперед, если вдруг я задумаю привести кого-нибудь в гости, я должен предупреждать за день. Отец сказал:

— Я верю, у вас с одноклассницей все по-дружески. Нет ничего зазорного в общении с девочками. В конце концов, все равны. Но все же мой тебе совет: испытай ее по-дружески. Выдержит испытание — значит, дружба настоящая.

Напоследок папа рассказал притчу о женихе. Жених вместо приглашения на свадьбу отправил приятелям эсэмэски, прося о помощи. На свадьбу не явился никто.

Ужинали без сестры. Прошмыгнув в наушниках к плите, она накидала в тарелку риса и цветной капусты и унесла к себе. Мама вздохнула, слушая, как ноги в носках, белом и розовом, скользят по коридору. Проведи в комнату водопровод, клади еду под дверь и плати за Интернет — и сестра из комнаты вылезать перестанет. Однозначно.

Честное слово, я и не помышлял о дружеском испытании, а элементарно забыл о презентации. В конце концов, в восьмом классе всего не упомнишь. Даже

теперь, спустя два дня после выступления, не совсем понятно, что от меня требовалось. Сфотографировать батареи и электрощиты? Заставить внука позировать с сигаретой? Снять ролик с танцующим стариком? Взять интервью у татарки из тридцать восьмой, где она приподнимет завесу над тайной ее борьбы с колдунами? Что за чушь!

Как бы то ни было, Чулпан рискнула сбежать с физкультуры, чтобы состряпать презентацию на скорую руку, да Султан Азатович буквально схватил новенькую за воротник у крыльца. С наказанием физрук не замедлил. Класс выстроился на паркете, за чертой баскетбольного щита, и наблюдал, как проштрафившаяся наматывает два лишних круга. Я искренне жалел ее тогда, хотя и не нашел разумного предложения присоединиться. К моему облегчению, над Чулпан никто не шутил. На физкультуре смеяться позволялось только с одобрения Султана Азатовича. Состричь означало бежать кросс вместе с новенькой.

Перед общественным кабинетом нас долго не впускали в кабинет: Румина Максимовна на все лады распекала трех одиннадцатиклассниц, пропустивших электив по ЕГЭ.

— И чего я разоряюсь, и чего я разоряюсь! Вас на принудительные работы отправлять пора, — кричала она на весь коридор.

Пыль, высвеченная на солнце, словно замерла в воздухе от страха. Учителя не казали носа из кабинетов. Чулпан держалась за моей спиной, не вспоминая о казусе на физкультуре.

Несмотря на то что Румина Максимовна встретила нас без крика, все суетились. Крепили магнитами самодельные таблицы и схемы на зеленую доску, скидывали презентации с флешек на учительский ноутбук. Ручки и магниты срывались на пол.

Кроме нас с Чулпан, все команды состояли либо из девочек, либо из пацанов. Первые рассказывали о семье или о магазинах. Вторые — о классе или о дворе. Алмаз, наряженный в рубашку цвета брызги шампанского и синий с желтыми полосками галстук, на выходе поклонился. На манжетах поблескивали черные запонки. «Класс — это государство, потому что мы едины. А кто един, тот непобедим», — начал Алмаз.

Чулпан прикрыла лицо ладонью. А мне понравилось. Верно, как ни крути.

Наш план меня устраивал. Чулпан выступала, я с умным видом стоял рядом и подхватывал речь, если компаньон запнется. Только импровизация, только хардкор, как любят повторять в школе вслед за молодым обэжэшником, Аделем Маратовичем. Дураку ясно, это цитата из Интернета. И тем не менее она ассоциируется с Аделем Маратовичем. Мало ли кто и что сочинил, надо еще и сказать вовремя.

Мы провалились с первой же секунды, с первой фразы.

— Извините нас, пожалуйста, мы не выполнили презентацию. Мы забыли, — обратилась к историчке Чулпан.

— В таком нежном возрасте уже подводит память? — ядовито сказала учительница.

В классе раздался смешок. Чулпан крепче сжала альбомный лист с пометками.

— В качестве микромодели государства мы выбрали подъезд, — сказала она. — Средний подъезд среднего русского человека.

— А чего не татарского? — выкрикнул двоечник Дударев с третьего ряда.

Ударами линейки по крышке стола Румина Максимова прервала раздавшийся смех.

— Тихо! — рявкнула она. — А вам не мешало бы точнее излагать свои мысли, чтобы не давать повода для идиотских вопросов, — добавила учительница, поворачиваясь к доске, где мы с новенькой переминались с ноги на ногу.

— Под русским я имела в виду среднего человека в России, — поправилась Чулпан.

— Сразу и конкретизируйте, что россиянина, — проворчала Румина Максимова. — Слушаю.

Чулпан начала. Слова растягивались и с тяжестью наваливались друг на друга, из ниоткуда вылезли многочисленные «э-э-э», «вот», «то есть». За слова-паразиты нас нещадно ругали на русском, и именно они завелись в речи новенькой в самый неподходящий момент. Тихий, голос Чулпан сделался еще тише. До жути смущенный оттого, что мне некуда девать руки, я долгое время не отводил глаз со стеклянных створок шкафа у дальней стены. Когда я украдкой посмотрел на новенькую, я тут же отвернулся. Ее лицо покраснело настолько, что веснушки не были видны.

— Что касается населения, людей, населяющих государство... — Чулпан умолкла и коснулась моего запястья.

Я вздрогнул, как от сигнала скорой помощи, и заговорил:

— Например, старик или бабка у подъезда — это как бы охрана. А старший по дому — это почти как

главный в государстве. Другие, например, жители — тоже горожане...

— Кто главный в государстве? — спросила Румина Максимова.

— Президент. Или царь.

— Это существенная разница. Есть чем дополнить?

Чулпан боялась поднять взгляд. Я сказал сердито:

— Нет.

— Три. Идея самостоятельная, воплощение бездарное. Таблиц нет, презентации нет, выступление скомканное.

Чулпан прошествовала к парте, сложила вещи в рюкзак и вышла из кабинета. Какого черта она сразу призналась насчет презентации? Спасибо, хоть не уточнила, по чьей вине ее нет.

— Побежишь за своей взбалмошной подружкой? — Румина Максимова прищурилась.

— Она не моя подружка.

Под гогот класса я вернулся за парту. В спину мне ткнули ручкой.

— Твое государство — это подъезд? — Алмаз оскандил зубы.

— Я опозорился?

— А семейник — это президент типа? Дорогие граждане, сдайте, пожалуйста, по сорок рублей на починку домофона...

— Тихо! — крикнула историчка.

— Я сильно опозорился? — прошептал я.

— По правде, нет. Скучно было.

— Тихо!

Историчка бубнила себе под нос, раздавала замечания направо и налево, прописывала по пунктам общие недочеты всех команд. Мел врезался в зеленую доску, крошка сыпалась, но оцепенение уже прошло. Скучно — это не позорно. Скучное забывается.

Чулпан поймала меня у раздевалки.

— Как ты? У меня родителей вызывают, — спросила она.

— Ничего. Твоя истерика закончилась?

— Я не истерила! — вспыхнула новенькая.

Я помахал рукой на прощанье.

В сентябре объявили, что Чулпан перевелась в другую школу.



Андрей ЖВАЛЕВСКИЙ
Евгения ПАСТЕРНАК

Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак — белорусские писатели, живут в Минске, но пишут на русском.

Первая совместная книга «М+Ж. А черт с ним, с этим платьем» вышла в 2003 году.

За 15 лет совместной работы создали несколько десятков книг, большей частью для подростков. Эти книги отмечены многочисленными премиями: «Заветная мечта», «Книгуру», имени Крапивина, «Русская премия» и др. Общий тираж книг этих авторов приближается к 800 000.

В Минске Жвалевский и Пастернак ведут литературную студию для подростков, периодически работают в российском образовательном центре «Сириус», где обучают одаренных подростков основам писательского мастерства.

ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК

Рисунок Настасьи Поповой

-А сегодня, на исходе второго дня нашей региональной Школы стартапов, у нас особенный гость! Можно сказать, что это самый успешный молодой бизнесмен города, но он уже давно перестал быть молодым и стал просто успешным. Можно назвать его настоящим патриотом области — ведь он сумел покорить Москву, но все-таки вернулся на родину. Однако сам он не любит пафоса. Можно назвать его гуру бизнес-тренинга, но иностранных слов он тоже не любит. Поэтому просто...

Ведущий выдержал отлично выверенную паузу.

— ...Андрей Лазуркин!

Зал, разогретый приветственной речью, взорвался аплодисментами. Впрочем, юные стартаперы, которых второй день учили правилам поведения в бизнесе, уже успели выучить — после эффектной паузы нужно бурно хлопать в ладоши.

На сцене появился Лазуркин.

В свои сорок он был похож на студента: стройный, подвижный, румяный. Ни одного седого волоса или, не приведи господь, намечающейся лысины. Отлично сидящий костюм, белоснежная сорочка, но без галстука. Единственный зримый признак богатства — поблескивающие на руке швейцарские часы.

Андрей дождался, пока овации утихнут, и начал:

— Понятия не имею, о чем с вам говорить.

Зал благосклонно засмеялся.

— Поэтому начну с того, до чего мы все равно дойдем: с ваших вопросов. Дело в том, что некоторые вопросы повторяются с пугающей регулярностью. Например, «Когда вы решили стать предпринимателем?».

Он сделал вид, что припоминает.

— Не помню, чтобы я принимал такое решение. Просто так сложилось. И потом — что значит «стать предпринимателем»? Главное — выработать в себе правиль-

ные качества: целеустремленность, самодисциплину, ответственность. Мне в этом помогли родители. Они меня, сами того не осознавая, стали готовить к предпринимательству, когда еще и слова такого не было...

* * *

Андрюша очень боялся. Он весь вечер видел, как мама с папой куда-то собираются, и опасался, что его забудут. Он специально старался держаться поближе к маме, а папа об него даже споткнулся.

— Что ты под ногами вертишься? — нахмурился отец. — Иди в свою комнату!

Андрюша тут же пошел. Он был хорошим мальчиком и всегда слушался маму и папу. Но дверь на всякий случай оставил открытой.

Когда мама появилась на пороге, благоухающая духами и вся в красивом черном платье, сердце Андрюши екнуло. Он подскочил и схватил маму за руку.

— Сынок, — мама присела на корточки, — нам с папой нужно уйти. Ненадолго. На пару часов.

Андрюша в свои пять лет уже усвоил, что «час» — это очень долго, когда чего-то ждешь. Он вцепился в мамину ладонь изо всех сил.

— Это балет, — продолжала втолковывать мама, стараясь не морщиться от боли. — Самый лучший в нашем городе. Называется «Икар». Про дядю, который хотел долететь до солнца. Папа билеты с таким трудом достал...

— Лена! — донесся из прихожей голос папы. — Опоздаем!

Мама продолжала уговаривать. Андрюша уткнулся в ее плечо и не слушал. До него доносились отдельные слова: «Бабушка не смогла...», «Такая возможность...», «Ты уже большой...». «Можешь смотреть телевизор». Андрюша только прижимался и старался не дышать. Ему казалось, что так они и будут стоять всю жизнь — и тут сильные папины руки оторвали его от мамы.

Он расплакался не от боли, а от обиды.

— Так! — строго сказал отец. — Мы тебя хотели с собой взять, но ты плохо себя ведешь! Ревешь, как девчонка! Поэтому ты наказан. Остаешься дома один.

Андрюша изо всех сил попытался остановить слезы, но стало только хуже — он начал рыдать в голос.

— А если не начнешь вести себя хорошо, — папа начал злиться, — то мы вообще не вернемся! Найдем себе другого сына! Хорошего мальчика!

Андрюша сквозь слезы ничего не видел, почувствовал только короткое касание маминых губ и быстрый шепот: «Мы обязательно вернемся, не бойся».

Хлопнула дверь.

Андрюша поплакал еще немного. Потом пошел в ванную и умылся. Он был самостоятельным ребенком, уже умел умываться самостоятельно, у него для этого был свой стульчик. Походил по пустой квартире. Свет везде был предусмотрительно включен. Посидел перед телевизором, но включить побоялся. А вдруг это тоже будет плохое поведение? Вдруг папа с мамой и правда поменяют его на другого мальчика? Послушного?

Андрюша изо всех сил вспоминал, что делать, чтобы быть хорошим мальчиком. За что его хвалили? За книжки! Его хвалили, когда он пытался читать!

Он вытащил из шкафа большую книжку с выцветшими картинками и принялся декламировать:

— Идет бычок, качается, вздыхает на ходу...

Андрюша хитрил. Он не умел еще читать, просто выучил стихи, которые ему читали много-много раз. Но умел водить пальцем по нужным строчкам и делал вид, что разбирает буквы. На маминых и папиных го-стей это производило неизгладимое впечатление.

Потом он снова испугался. А вдруг его хитрость — это тоже плохое дело? Вдруг его посчитают не хорошим мальчиком, а плохим вруном? Он торопливо спрятал книгу и снова погрузился в размышления.

Нужно было найти дело, которое делают хорошие мальчики. Не есть землю? Не плевать? Не ковырять в носу? Все это он не делал, но разве этого достаточно?

Наконец он придумал. Нужно помыть посуду! Мама всегда вздыхает, что ей приходится мыть гору посуды. «Хоть бы кто помог».

Андрюша направился на кухню. Как назло, раковина была пуста. Но он не собирался сдаваться. Открыл холодильник и нашел блюдечко, на котором лежал кусочек сливочного масла. Сначала он съел масло — родители почему-то ужасались, когда он делал это в их присутствии, — а потом торжественно отнес блюдце до раковины... и понял, что не дотягивается до крана. Пришлось нести из ванной табуретку, на которой он мыл руки, устанавливая ее, крутить кран (ее справился — папа, наверное, закрутил). Все это так измучило Андрюшу, что блюдечко он помыл из последних сил. А когда потянулся за полотенцем, случилось кошмарное.

Пальцы сами разжались, и блюдце грохнулось на пол. Секунду Андрюша стоял неподвижно, а потом сорвался с места и, рыдая, помчался к своей кровати. Там он забрался под одеяло прямо в одежде, накрыл голову подушкой и продолжал плакать, повторяя про себя «Я плохой! Я плохой!» От ужаса он уснул.

Проснулся он от того, что мама его раздевала. Не открывая глаз и стараясь не расплакаться, он прошептал:

— Прости меня, мама! Я больше не буду! Я буду хорошим мальчиком! Только не выбрасывай меня!



На следующее утро Андрюша вскочил по маминому будильнику, заправил, как смог, кровать, аккуратно сложил на подушку застиранную любимую пижаму.

Нашел программку, которую принесли родители. На ней действительно был дядя с крыльями. Андрюше картинка понравилась, и он положил ее себе под подушку.

Потом заметался, потому что не мог решить, что нужно делать сначала — идти чистить зубы или сказать «доброе утро» родителям. Выбрал второе.

— Доброе утро, мамочка и папочка, — сказал он.

— Угу, — отозвалась мама. А папа хрюкнул что-то неразборчивое.

А к тому моменту, когда они встали, одетый Андрюша с чищенными зубами сидел на кухне, сложив ручки на коленях.

— Я сейчас попью чаю и пойду в садик, — сказал он, — и там буду очень хорошо себя вести.

Мама потрогала сыну лоб.

— Да нормально все, — сказал отец, зевая, — просто раньше не надо было сопلي жевать.

Всю следующую неделю родители не могли нарадоваться своему послушному сыну. А потом привыкли.

* * *

— ...Но уметь строить собственную судьбу — это поддела. Есть еще одна проблема... Кстати, про нее у меня тоже почему-то часто спрашивают во время тренингов и просто вот таких встреч.

Лазуркин обвел взглядом притихшие ряды. Все шло гладко, будущие акулы регионального бизнеса слушали его, приоткрыв рот от старания.

— Меня спрашивают, как строить отношения с большинством. Ведь в нашей стране большая часть людей относится к предпринимателям как к дармоедам и криминальным элементам. Тут я могу дать взвешенную и проверенную практикой рекомендацию. Запомните, а лучше — запишите!

Очередную драматическую паузу Лазуркин оборвал решительным:

— В задницу большинство!

Зал захихикал. Этот прием — грубое слово после пафосной подводки — всегда хорошо работал.

— Большинство лениво и инертно, — он говорил решительно и жестко, помогая себе жестами, — оно будет тянуть вас за собой. Сбивать с пути. Отвлекать от цели.

Рано или поздно вам придется встать одному против всех и сказать: «Я не такой!» И поверьте моему опыту: лучше сделать это пораньше. Я пошел один против всех еще в школе. В пятом, кажется, классе.

* * *

Идея сбежать с математики возникла стихийно. Математичку в 5 «Б», мягко говоря, не любили. Она и так зверствовала, но сейчас, в конце четверти, когда все остальные учителя дали возможность расслабиться, ее самостоятельная по новой теме выглядела просто издевательством.

— Пусть сама пишет!

— В гробу я эту математику видела!

— А вот возьму и уйду!

— И я!

— И я!

— И пусть сидит одна!

Человек десять из класса, возмущенно размахивая портфелями, двинулись в сторону к выходу. Остальные неуверенно посмотрели им вслед.

— Вы что, правда уйдете? — робко спросила отличница Катя.

— А че, слабо? — аргументированно ответил ей главный хулиган класса по кличке Серый.

«Слабо» — это был аргумент. У кабинета осталось буквально пять человек.

— Кто остался, тот вонючка! — крикнул Серый, и весь класс с грохотом и хохотом ломанулся вниз по лестнице.

Андрюша рефлекторно пробежал пару пролетов с ними, но на первом этаже понял, что его ноги тяжелеют. Он не мог уйти с урока. Хорошие мальчики с уроков не уходят. А Андрюша был очень хорошим мальчиком. Ему очень нравилось быть хорошим мальчиком, и он не понимал, почему все вокруг не могут быть такими. Это же так просто. Поступаешь всегда правильно, и все тебя хвалят. Родители, учителя — все всегда хвалят. Он на секундочку представил себе, как расстроится учительница математики, когда увидит, что она осталась одна. Как расстроятся родители, когда узнают, что он ушел с урока. Андрюша чуть не заплакал, развернулся и пошел обратно.

Самостоятельную он написал один. Получил заслуженную пятерку и очень собой гордился.

И когда на следующий день его перед всем классом хвалили на экстренном родительском собрании, он тоже очень гордился. И папа ласково потрепал его по голове, и мама обещала ему мороженое. И до следующего утра он был самым счастливым ребенком на свете, заснул с улыбкой и проснулся, предвкушая, как весь класс будет шестым уроком отрабатывать математику, а он пойдет домой. И ему даже домашку не надо будет делать, потому что добрая учительница его от нее освободила.

Но на подходе к школе случилось странное. Его догнал Серый, как-то нехорошо ухмыльнулся, а потом Андрюша споткнулся и упал. И его больно ударило по голове. Андрюша попытался встать, но вместо этого упал опять. А на этот раз его ударило по спине. Очень больно.

Андрюша заплакал. Он вдруг понял, что лежит на грязной земле, что он испачкал брюки и мама расстроится. Он заплакал еще громче. И увидел, как содержимое его портфеля полетело в грязь. Его идеальные тетрадки, библиотечные учебники, аккуратно завернутые в одинаковые обложки, его тонко наточенные карандаши и хорошие, немажущие ручки. Все это валялось, раскиданное по двору.

Андрюша чуть с ума не сошел, ему показалось, что он сейчас умрет.

— Еще раз заложишь, гаденыш, — сказал ему в ухо Серый, — вообще убью.

Андрюша стал на колени и в ужасе поднял глаза на одноклассника. Так это он его ударил? Так он специально?

— Шестерка. Вонючка. Шавка подзаборная. — Серый выплевывал страшные ругательства, и Андрюше хотелось закопаться в грязь. — Еще раз, шваль, рот свой развяжишь, брат мой придет и тебя уроет, понял?

Андрюша кивнул. И заметил, что бил его Серый один, но у него за спиной маячило еще несколько одноклассников.

— Шухер! — сказал кто-то.

И в одну секунду Андрюша остался один. Мимо проходящая женщина, глядя на Андрея, поджала губы.

— Что, добегаешь? — хмуро спросила она. — Вставай, простудишься.

Андрюша был умным мальчиком. Он быстро учился.

На следующий день он сам предложил Серому сделать за него домашку по математике.

— Ладно, прощаю, — сказал Серый. — И добавил с ухмылкой: — Хороший мальчик!

* * *

— Итак, запомнили и записали: большинство — в...

Еще одна пауза, на сей раз ироничная.

— ...в пекло.

Зал отозвался вяло. «Надо убирать цитаты из «Игры престолов», — подумал Лазуркин, — молодежь уже не в теме».

— Но! — Он предостерегающе поднял палец. — Это правило не есть догма. Да, вы должны отстаивать свое мнение, когда речь идет о вещах важных, принципиальных. Когда уступить — значит предать. Однако, к счастью, такие ситуации случаются нечасто. Обычно мнение большинства просто раздражает вас, но не мешает делать дело. И как тогда поступить?

Он требовательно посмотрел в зал, как будто действительно ждал ответа.

— Правильно, использовать большинство в своих целях. Если дует неприятный ветер, не обязательно от него прятаться. Можно построить ветряную мельницу или наполнить этим ветром паруса. Если вам противна группа «Хан-Хой»...

Народ радостно оживился — фрики из «Ютьюба» по-прежнему были в тренде.

— ...можно морщить нос и отворачиваться, а можно построить свою рекламную кампанию на джинглах из

«Хан-Хоя». Не нужно ложиться под толпу, но — если вы ее расположите к себе нужной стороной — толпа ляжет под вас...

* * *

Целый год после побега с математики их класс не прогуливал уроки. Каждый раз, когда Серый или кто-нибудь еще предлагал свалить, остальные вспоминали, как им влетело, и вяло отказывались.

И при этом опасливо косились на Андрюшу Лазуркина. Как он ни старался искупить свою вину, как ни давал списывать всему классу, клеймо предателя и стукача приклеилось к нему навсегда.

Тогда он составил и осуществил хитрый план.

Случай его осуществить подвернулся, когда Андрюше нужно было сходить к врачу. Ничего особенного, ежегодный профосмотр. Мама дала ему записку для классной, чтобы та отпустила с последнего урока. Тем более что последний урок — русский — сама классная и вела.

Записку он сунул в стол классной в учительской еще до занятий, специально пришел пораньше. И до предпоследнего урока сидел тише мыши. А на последней перемене вдруг заявил:

— Вот же... Домашку забыл сделать.

Одноклассники, которые слышали это, удивленно посмотрели на него. Сам факт, что Лазуркин пришел без домашки, был поразительным. А дальше началось вообще нечто странное.

— Да ну его, этот русский! — сказал Андрюша, захихивая учебники в портфель. — Чем пару получать, пусть лучше прогул запишет.

Тут уж все наострили уши. На их глазах рушились основы мироздания. В классе повисла настороженная тишина. Даже Андрюша, который знал, что ничем не рискует, почувствовал холодные мурашки между лопатками. Но все равно взял портфель и направился к выходу, бросив через плечо:

— Серый, ты остаешься?

Серый, который как раз собирался скатать домашнее задание у Андрюши, встрепенулся:

— Я валю! Кто с нами?

«Нами» согрело душу Андрюши, но Серый тут же подпортил настроение:

— Э! Тормоза! Даже Лазуркин сваливает! А вы чего, хуже?

Никто не хотел быть хуже Лазуркина. Через минуту класс с гоготом и шуточками выбежал из школы. И Андрюша на сей раз шел в первых рядах. Это было щекочущее и пьянящее чувство — быть частью толпы. Более того — вести ее за собой.

Но Андрюша не расслаблялся. Предстояла вторая, самая сложная часть плана.

Классная на следующее утро ревела, как сирена во время учений по гражданской обороне. Она высказала все, что думала про бестолочей, которые сбегают с уроков. Напророчила им всем карьеру дворников и уборщиц, после чего потребовала дневники на стол.

Андрюша нес свой с замиранием сердца. Но классная то ли не нашла его записку в своем столе, то ли забыла о ней. Глянув на макушку поникшей Андрюшиной головы, она сказала:

— Ну, Андрей, от кого, от кого, а от тебя...

Дома Андрюше предстояла последняя часть его интриги. Протягивая маме дневник с замечанием, он почти не играл, выдавливая из себя слезы. Ему было реально страшно.

— Она что, вообще?! — возмутилась мама. — Ты записку ей отдал?

— Еще утром, — выдавил из себя Андрюша.

— Я пойду и все ей объясню! — Мама решительно поднялась.

Андрюша умоляюще сложил ладони:

— Мам! Не надо! Вера Николаевна и так из-за нас расстроилась. Говорят, у нее даже сердце болело... Если ты еще на нее наругаешься...

— Но так же нельзя! — упрямо качала головой мама. — Это несправедливо! Я до директора дойду!

Теперь следовало пустить в ход тяжелую артиллерию.

Андрюша порывисто прижался к маме и сказал:

— Мам! Ну ты же знаешь, что я не виноват? А на остальных мне плевать! А учительница... Ей от директора уже влетело! Не расстраивай ее еще больше, ладно?

— Хороший ты человек, Андрюша. Добрый. — Голос мамы дрогнул, когда она обняла сына в ответ. — Тяжело тебе будет в жизни.

Андрюша, не отрываясь от маминого бедра, ликовал.

Он как раз был уверен, что теперь-то ему станет гораздо легче жить.

* * *

— Еще один вопрос, который почему-то волнует многих. Страшный вопрос. Каждый раз ставит меня в тупик.

И снова мастерски выдержанная пауза.

— «Как у вас с женщинами?»

Заинтересованный гул. Быстрые взгляды от редких в этой аудитории девушек.

— Не знаю, почему это волнует так многих. Возможно, потому, что я попал в какой-то рейтинг женихов...

— Топ-10 самых завидных холостяков города! — крикнул задорный женский голос.

— А, вот как? Спасибо. Так или иначе, к женщинам я отношусь очень хорошо. Я все-таки мужчина, как легко понять по вторичным половым признакам. Например, по порше, который ждет меня во дворе.

Снова одобрителbный гул.

— Я не монах. Время от времени у меня случаются... скажем так, небольшие романы. Но...

Лазуркин надел на лицо выражение потрагичнее.

— Не хочу ворошить прошлое... Если кратко, в юности у меня была девушка. Я ее очень любил. Но... мы не смогли быть вместе.

* * *

К девятому классу Андрюша вырос красивым мальчиком. Кроме того, он тщательно следил за собой. Пусть в семье не было денег на дорогие шмотки, честно говоря, у них в семье последние лет пять ни на какие шмотки денег не было, но он старался, чтобы то, что было, выглядело идеально.

Одноклассницы Андрюшу любили. Он был безобидный — не пил, не курил, не бил. Он всегда давал списать. Он умел слушать и всегда улыбался.

При Андрюше сплетничали, поправляли колготки, а однажды даже показывали друг другу новые чудо-прокладки, которые только появились в магазинах. Но эта информация была для Андрюши лишняя, он покраснел, вжался в стенку и незаметно по ней отполз.

Он не хотел этого знать. Он хотел, чтоб женщина — это такое вот вкусно пахнущее и нежное. Он много раз представлял себе, как целует, как обнимает, раздевает... Он много чего себе представлял. А вот эта гадость — явно перебор и ошибка природы. Он подумал, что у его девушки никаких «этиx дел» не будет. И у мамы нет. Точно нет. Он ни разу не видел, чтоб она бегала с какими-то там прокладками.

Но даже знание о том, что у одноклассниц давно «все началось», несмотря на то что сами девчонки Андрюшу за мужика не считали, не делало их в глазах Андрюши менее привлекательными и волнующими. Особенно Оксану.

Они сидели вместе на английском, и Андрей не валил предмет только потому, что знал его лучше учительницы. Оксанины формы сводили его с ума.

Оксана была позором школы. Год назад она сбегала из дома, где-то шлялась четыре дня, ее искали. А потом она вернулась. Что было — сразу покрылось мраком тайны, но пацаны рассказывали такие вещи, что Андрей покрывался испариной. А потом сидел рядом с ней на английском и думал, что если она уже все это один раз делала, то ей уже должно быть все равно. И почему бы ей не сделать этого всего еще раз с ним, Андрюшей? Он же хороший! Он ее не обидит!

Оксана обращалась с ним ласково. Один раз поправила воротник рубашки, один раз смахнула с плеча волос. А однажды, перегибаясь через проход, так прижалась к нему грудью, что Андрюша окаменел на следующие три урока.

Отношения у них начались случайно. В самом конце учебного года, когда уже сирень билась в окно, Оксана потянулась, нежно улыbnулась и сказала:

— У меня сегодня день рождения.

Андрюша сглотнул.

— Поздравляю, — ответил он.

— Этого мало, — хитро прищурилась Оксана.

— Еще раз поздравляю! — сказал Андрей. Он малость отупел и не смог придумать ничего пооригинальнее.

— Приходи ко мне к семи, — сказала Оксана, — все наши будут. Родаки на выходные свалили.

То, что «все наши будут», Андрея сильно расстроило, он предпочел бы остаться с Оксаной наедине. Но, с другой стороны, возможность увидеть ее комнату, побыть у нее дома опьяняла.

— Но у меня нет денег на подарок, — сказал он.

Андрюша давно понял, что лучше быть бедным и честным. Если ты пытаешься изображать крутого, это выглядит нелепо. Если честно признаешься в том, что нищий, тебя даже уважают. В конце концов, Андрюша не виноват, что его родители не вписались в новый безумный мир, где недостаточно быть научным сотрудником, чтобы содержать семью.

— Не надо никаких подарков, — сказала Оксана, — ты — лучший подарок.

Андрей завис.

— В семь, — повторила Оксана, — буду ждать.

* * *

В половине седьмого Андрей принимал холодный душ и пытался составить план действий. Если он придет вовремя, то заставят пить. Пить он не хотел — пару раз видел, как надирались до поросычьего визга одноклассники, и не собирался повторять их подвиги. Поэтому нужно опоздать. На полчаса, не больше. Он придет, все уже будут под градусом, можно взять бокал или рюмку и делать вид, что пьешь. И тогда можно продержаться до конца вечеринки, когда все разойдутся, и они с Оксаной останутся наедине.

И тогда...

Он крутанул душ, вода пошла ледяная.

В семь тридцать Андрей дрожащим пальцем нажал на кнопку звонка. Не открыли. Прислушался — внутри грохочет Offspring. Нажал еще раз и держал, пока дверь не распахнулась.

На пороге, слегка покачиваясь, стояла сама именинница. В руке она держала открытую бутылку вина.

— Андрюшка! — обрадовалась она. — А мы тут уже вовсю голливудим! Заходи!

Она сделала широкий приглашающий жест. Очень широкий. Верхние пуговицы ее рубашки оказались не застегнутыми. Вид открылся такой, что у Андрея пот по вискам потек. Он шагнул внутрь. Оксана сунула ему бутылку, и он чуть было не отхлебнул из нее — но вовремя вспомнил о плане. Замотал головой, но Оксана обиженно надула губки:

— Ты чего? Будешь, как дурак, ходить тут трезвый?

Андрюша криво улыбнулся в ответ. Он все никак не мог оторвать взгляда от полурасстегнутой рубашки Оксаны. Тогда она хитро улыбнулась, отхлебнула из бутылки и, не проглотив, впиалась губами в губы гостя.

Вкуса Андрей не почувствовал. В него вливался живой напалм. Когда Оксана оторвалась от него, то посоветовала:

— Ты дыши, Андрюша, дыши!

Она качнулась в сторону, и Андрей схватил ее. Сначала хотел поддержать, но руки сами полезли не туда, куда должны лезть руки интеллигентного мальчика.

— Тихо-тихо-тихо! — хихикая, сказала Оксана, отклеивая от себя Андрюшины ладони. — Людей полная квартира.

И в прихожую тут же вывалился Серый. Гостя он не заметил, потому что очень спешил в ванную. Слушая, как Серого рвет за дверью, Андрей слегка пришел в себя. И с удивлением понял, что зря боялся пить: вино растворилось в его глотке, как капля воды на раскаленной сковороде.

Весь вечер Оксана его дразнила — подсаживалась рядом, но как только он пытался положить руку на что-нибудь запретное, она вспархивала и отправлялась болтать в противоположный угол комнаты. И танцевала весь вечер с кем угодно, только не с Андреем. У него начался тремор. Он все-таки выпил пару бокалов. Просто чтобы руки не колотились.

Когда вечер кончился, очень долго копошился в прихожей, пытался спрятаться в туалете, но и оттуда его выкурили подвыпившие одноклассники. И только когда все вывалились на улицу, он сообразил соврать, что забыл у Оксаны ключи от дома.

Она открыла не сразу и была уже в домашнем халате.

— Ты чего? — спросила Оксана заплетаясь языком.

Он не ответил. Целый вечер ожидания и терзания ревности вышибли все предохранители. Андрей захлопнул за собой дверь и повалил Оксану на пол, срывая с нее халат.

— Не надо! — слабо отбивалась она. — Ты чего, Андрюша? Не надо...

— Что, — рявкнул он, — всем можно, а мне нельзя? Потому что у меня денег нет?

— Да ты что?! — Оксана пыталась запахнуть халат, который рвал на ней Андрей. — Я никогда! Ни с кем! Вранье это все! Пожалуйста, пусти...

Если бы она орала на него, обзывалась, угрожала, он бы, наверное, отпустил. Но это жалобное блеяние только раззадорило.

* * *

В понедельник Оксана в школу не пришла. «Перепила», — подумал Андрюша.

В воскресенье у него еще мелькала мысль, что он сделал что-то не то, но она ушла вместе с похмельем.

Оксана позвала его сама? Сама! Соблазняла весь вечер? Соблазняла! Целовала? Целовала! Он просто сделал то, что она хотела! И мало того, что хотела, она еще и просила его об этом!

А то, что сопротивлялась, так это все эти бабьи дела, они все сопротивляются, на то они и бабы.

От процесса Андрюша, честно говоря, ждал большего. Все случилось как-то слишком быстро, но это, скорее всего, потому, что Оксана оказалась неопытной.

Но ничего. Она обязательно научится! В этом деле главное практика, так все пацаны говорят.

А Андрюша уже был готов практиковаться.

Из девчачьих разговоров он выяснил, что Оксана дома, и отправился к ней сразу после школы.

Оксана открыла ему. Даже бурлящие гормоны не помешали Андрею заметить, что выглядела Оксана чудовищно.

— Ого! — сказал Андрюша. — Ты что, заболела?

И не успел отклониться от удара, а бить Оксана умела. И пока он валялся в коридоре и глотал воздух, Оксана орала на него, что он ублюдок, последняя мразь и должен сдохнуть.

Андрюше было больно и очень обидно. Он хороший! Он никогда не делал ничего плохого!

— Это не я, — прохрипел он.

— Что? — заорала Оксана. — Что ты там сипишь?

Андрюша сжал зубы. Это было ужасно унижительно, валяться в ногах у девчонки. Он не за этим к ней пришел! Но чувство, что он сделал что-то не то, опять вернулось, Оксана смотрела сверху вниз, и Андрюше показалось, что он маленький мальчик и его будут ругать.

Дальше началось уж совсем странное. Андрюша начал хватать Оксану за руку, у него на глазах выступили слезы, он затряс головой и начал клясться, что больше не будет.

Оксана этого явно не ожидала и замолчала. А Андрюша, увидев, что она смягчилась, заговорил бы-

стро-быстро. Что он не понимает, что на него нашло, что это не он, он не помнит ничего, ему нельзя пить, это все вино, это все пацаны, это все май... Его спровоцировали, заставили, обманули...

— Что ты несешь? — спросила Оксана.

Андрей схватил ее за руку, она ее брезгливо отдернула.

— Вон пошел! — сказала Оксана.

Андрей встал и, покачиваясь, вышел.

Уже через полчаса он не понимал, что на него нашло. С какого перепугу он так размазался перед какой-то там одноклассницей.

Оксана так и не появилась в школе всю последнюю неделю, и Андрей о ней старался не вспоминать. Сознательно вычеркнул ее из памяти со всеми ее прелестями.

* * *

А через несколько недель к ним домой пришла классная, отодвинула Андрея, который пытался быть вежливым, и заперлась с его родителями на кухне.

Андрей полчаса изнывал от любопытства и пытался подслушивать, но кроме одного маминогo восклицания: «Он не мог!» ничего не услышал.

Но поскольку он точно знал, что хороший мальчик, что год закончил на отлично с примерным поведением, то начал перебирать одноклассников и придумывать, кто ж из них так накосячил, что классная по домам бегает.

Когда его позвали, он был совершенно спокоен. Взрослые — наоборот.

— Ты же знаком с Оксаной? — спросила его мама.

Андрей хлопнул глазами.

— Андрей, я знаю, что ты хороший мальчик, — начала говорить классная, — мне очень все это неприятно. Но с Оксаной случилась нехорошая история. И она говорит, что в этой истории виноват ты.

Андрей хлопнул глазами еще раз.

— С Оксаной? — переспросил он.

— О боже, — заломила руки мама, — зачем мы его мучаем? Ну очевидно же, что он не мог!

— Какая история? — спросил Андрей.

Мама мучительно покраснела.

— Эта девочка говорит... Она говорит...

— Она говорит, что ты изнасиловал ее, — договорил папа.

Мама дернулась. Андрей хлопнул глазами в третий раз и застыл. А потом ему стало жарко. Жар медленно поднимался по телу, сначала стало горячо в животе, потом запылало лицо, шея и уши.

— Ч-ч-что она? — спросил Андрей.

— Да вы посмотрите на него, — ухмыльнулся папа, — он еще вообще об этом не думает! Ему пестик с тычинками покажите — он покраснеет!

Мама закрыла лицо руками. Классная встала и аккуратно положила руку Андрею на плечо.

— Я знала, что это не ты, — сказала она, — ты хороший мальчик.

* * *

Потом были летние каникулы — последние школьные каникулы, которые он по традиции провел у бабушки в деревне. Начался выпускной класс, Оксаны в нем не оказалось. То ли перевелась в другую школу, то ли вообще бросила учебу.

Андрей не вникал, он старательно выгрызал свою золотую медаль. Сам! Без всяких репетиторов (за что родители были ему безмерно благодарны). Только однажды, в ноябре, до него докатились новости про Оксану. Говорили, что она то ли сделала подпольный аборт, то ли самоубилась. Андрей изо всех сил старался гнать от себя мысли об Оксане — и не мог. Ему почему-то было важно убедиться, что она умерла. Через несколько дней не выдержал и позвонил. Трубку подняла сама Оксана.

— Алло, — сказала она бесцветным голосом. — Алло. Вас не слышно. Перезвоните.

Андрей аккуратно положил трубку и уверил себя, что с души упал камень. Ничего страшного не случилось.

Он сосредоточился на учебе.

Блестяще окончил школу, получил золотую медаль (которая оказалась маленькой и по виду латунной). Родители сидели в первом ряду и сияли сильнее, чем та медаль. Вуз для поступления ему выбрали экономический — все понимали, что будущее за юристами и экономистами.

И началась новая жизнь, студенческая. Вольная и взрослая. Андрей уже знал, как расположить к себе и преподавателей, и однокурсников: не слишком выдвигайся, будь скромн, относись ко всем доброжелательно, не бойся посмеяться над собой. Через полгода он был лучшим старостой группы, отличником и предметом пристального внимания девушек — милый, аккуратный и вежливый.

Перед зимней сессией одна из однокурсниц, хлопая ресничками, пригласила его в гости — помочь подготовиться к зачету. Она бы папу с мамой попросила, но они, как назло, укатили в другой город на свадьбу к родственникам. Намек был более чем прозрачным. Андрей запасся презервативами, захватил бутылку белого сухого и принял душ.

Все шло как по маслу. Однокурсница оказалась ласковой и покорной. Под руками Андрюши она просто таяла и заранее постанывала.

Но когда они уже без одежды лежали на огромной кровати (видимо, ее родителей), случилось страшное.

Он увидел Оксану. Она смотрела на него пустыми мертвыми глазами и беззвучно шевелила губами.

Это было всего долю секунды, но Андрея парализовало.

А потом он вскочил и торопливо принялся одеваться. Однокурсница лепетала что-то, кажется, спрашивала, что не так. Андрей не слушал.

Он пришел в себя на морозной улице. Пригоршей схватил снег и принялся втирать в лицо, пока оно не перестало гореть.

Еще несколько раз он пытался закрутить с девчонками, один раз при этом крепко выпил — ничего не помогало. В самый важный момент появлялась Оксана и все портила.

После третьего курса Андрей прекратил эксперименты. Все силы бросил на учебу.

— Вот образцовый студент! — ставили его в пример преподаватели. — Не прогуливает, не пьянствует, жениться не спешит! А как учится!

«Хороший мальчик», — добавлял про себя Андрей Лазуркин.

* * *

— ...И с кем бы я ни пытался после этого завести серьезные отношения... Я всегда...

Лазуркин отвернулся от зала, как бы скрывая слезы, налил и выпил стакан воды. Все в звенящей тишине. «Так, — подумал он, — не пережать бы с романтикой».

— В общем, — голос Андрея обрел былую силу, — это, пожалуй, единственная часть моей жизни, где мой опыт для вас бесполезен. Дети, не делайте, как дядя Андрей! Не влюбляйтесь раз и навсегда!

Зал с облегчением выдохнул, кто-то даже захопал.

— Давайте лучше про бизнес, — продолжил Лазуркин, позволив себе легкую улыбку. — Большинство из вас хочет сразу открыть свое дело, арендовать офис, платить налоги, а уж потом разбираться, что именно делать-то. Это не очень грамотное решение. Да, бизнесмену нечего делать в офисном планктоне. Но я бы советовал все-таки начать именно с этого. Поработайте наемным работником. Вникните в область бизнеса, которым хотите заняться. Почувствуйте себя на месте подчиненного — ведь скоро у вас самих будут подчиненные, вам важно понимать их психологию. А там...

Он легко взмахнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху.

— Если в вас есть, что называется, бизнес-жилка, вы недолго пробудете в нижней части карьерной лестницы. Знаете, сколько времени мне потребовалось, чтобы из стажера дорасти до начальника отдела крупной корпорации? Я про «ЦветоПринт», я там начинал.

Молодежь заинтересованно загудела. В последние полгода «ЦветоПринт» сильно вкладывался в рекламу и производил впечатление гиганта оперативной полиграфии.

— Ну? Так какие варианты? Поиграем в «горячо-холодно»!

— Год! — крикнул все тот же задорный женский голос.

— Ну... так... тепленько.

— Два!

— Холодрыга!

— День!

Общий смех.

— Спасибо за комплимент, но даже я на такое не способен.

— Два месяца!

— Бинго!

Лазуркин вскинул палец, указывая на победителя. Соседи завистливо посмотрели на счастливого, как будто тот действительно что-то выиграл.

— Строго говоря, — продолжил Лазуркин, — месяц и двадцать дней. Без связей, без протекций, без каких-то шахер-махеров...

* * *

Красный диплом позволял остаться на кафедре, но Андрей никогда эту возможность всерьез не рассматривал. Он видел, на какие крохи живут преподаватели, и не собирался идти путем собственных родителей — интеллигентных нищобродов.

Отличник Лазуркин еще на пятом курсе присмотрел себе парочку фирм, которым нужны «молодые, энергичные и коммуникабельные работники». На одной из них его взяли — пока не в штат, а на стажировку, но Андрею от судьбы был нужен шанс, остальное он собирался устроить сам.

Его сделали помощником Жанны — девицы бодрой и, наверное, талантливой художницы. Но как начальник отдела дизайнера Жанна была никакой. Бумажки наводили на нее уныние, переписка с соседними отделами ставила в тупик, а подчиненные вили из нее веревки. Особенно поразил Андрея случай с закупкой оборудования. Фирма расширилась, нужны были новые графические станции, фотоумножительный аппарат, несколько крутых принтеров. В общем, заказ на круглую сумму. Поставщики осаждали Жанну и некоторые откровенно называли процент отката. Но эта дурочка закупила просто самое навороченное оборудование, ни копейки не положив себе в карман. Когда Андрей посчитал упущенную личную выгоду, потом три дня ходил с головной болью.

* * *

В фирме Лазуркина приняли хорошо. Коллектив был молодой, задорный, не обремененный семьями, на работе жили, да и почти все выходные проводили вместе. В общих пьянках Андрей не любил принимать участие, обилие служебных романов его раздражало, а вот по пятницам с мужиками в баню ходил с удовольствием. Их разговоры его развлекали и во многом были школой настоящей жизни.

В этот раз солировал Дмитрий — высокий широкоплечий менеджер по продажам.

— Не, ну нормально? — возмущенно кричал он. — Вот скажите, мужики, это нормально? Это вообще нормально?

Андрею в руки сунули бутылку пива.

— Что случилось? — спросил Лазуркин.

— Пей, — сурово сказали ему, — у Дмитрия проблемы.

Андрей выпил. Понятнее не стало.

— Она, главное, такая, как будто это нормально! — Дмитрий уже был изрядно пьян и изъяснялся невнятно.

— Баба ушла? — спросил Андрей.

Если в разговорах мелькала «она» — то баба, если «они» — то заказчики.

— К черту она ушла! — выплюнул Дмитрий.

— Послушай, — попытался остудить Дмитрия его друг. — Но она ж тебе сказала правду, могла и не говорить.

— Вот и молчала бы! — поддержал разговор еще кто-то. — Честная она слишком.

— Кто? — спросил Андрюша.

— Да Жанка наша.

Андрей застыл. Отставил пиво. Теперь он хотел знать все.

Оказывается, эта Жанна была просто клиническая дура. Мало того что залетела, так еще и собиралась навесить ребенка на Дмитрия. А когда этот тюфяк расплозся и согласился с ней жить, она призналась, что не уверена, что ребенок от него.

До парилки в этот раз почти никто не дошел. Дмитрий пил. Мужики подливали. Быстро перешли на обсуждение секса с Жанной. По их рассказам выходило, что она переспала со всей фирмой, кроме Андрюши.

— Молодой еще, — сказал кто-то, — но я тебя научу...

— Сунешься к ней, убью! — мрачно сказал Дмитрий.

Он был совсем пьян.

— И ее убью! — добавил он.

Андрей смотрел на этого большого, уверенного в себя мужика и не понимал, как можно так убивать ся из-за какой-то телки. Ну залетела, и что? Жить

будет. Они, бабы, для этого природой и предназначены.

Но потом, уже дома, понял, что судьба преподнесла ему подарок.

* * *

На следующее утро он час сидел под дверью генерального, но сумел все-таки к нему просочиться.

— Так, — сказал генеральный, не отрывая глаз от монитора, — у меня очень мало времени. Фирму поглощают, сейчас мы становимся холдингом. Забот выше головы. Так что в темпе.

— Я как раз пришел избавить вас от одной заботы, — сказал Андрей. — У вас скоро не останется начальника отдела дизайна.

Шеф наконец перевел рассеянный взгляд на стажера, наморщил лоб, осознал.

— Жанку переманивают, что ли? Вот, блин, не вовремя. Ладно, спасибо, сейчас я ей прибавку обещаю...

Директор потянулся за трубкой телефона, но Лазуркин его торопливо перебил:

— Не переманивают! Но она все равно через полгода уйдет. В декрет.

Директорская рука зависла над трубкой.

— От тебя, что ли? — подозрительно спросил он.

— Упаси боже! Я-то с ней как раз не спал, — Андрей слегка подчеркнул «я».

— Ты на меня намекаешь? — взревел шеф.

— Нет-нет! Отец ребенка — Дмитрий Малышев из отдела продаж! Но проблема не в отце, а в декрете! Жанна уйдет в декрет — и как минимум года полтора ее не будет. А у нас, — и «нас» он тоже слегка подчеркнул, — ответственный период. Надо будет искать замену. Потом вводить назад Жанну. А как работают женщины с маленькими детьми, вы же знаете?

— Знаю, — вздохнул директор. — У самого двое. С обоими жена с больничного не вылезала, пока маленькие были... Но не могу же я Жанку уволить...

— И не надо! — улыбнулся Лазуркин. — Я узнал в отделе кадров: она на контракте. И на днях он заканчивается. Вы можете просто не продлить. Без объяснения причин.

Директор надолго задумался, барабанив пальцами по столу.

— Слушай, — сказал он, — Сергей, кажется?

— Андрей.

— Андрей. А ты же ее помощник, так?

Лазуркин кивнул.

— И ты решил начальницу утопить, чтобы место ее занять?

Лазуркин улыбнулся еще шире:

— Я бы так не формулировал. Я хочу уберечь компанию от ненужных проблем. И надеюсь, что руководство компании это оценит. Кроме того, мне не нужно входить в суть дела...

Шеф несколько раз смерил стажера взглядом. Андрей продолжал безмятежно улыбаться.

— Шустрый ты, — неодобрительно сказал директор. — И наглый. Мне сейчас такие нужны. Свободен пока.

Вечером за семейным ужином Андрюша не сдержался и похвастался родителями:

— Кажется, меня берут на постоянную работу.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась мама. — А какая зарплата?

— Погоди поздравлять, — буркнул отец. — Какая там у него поначалу может быть зарплата? Тебя кем берут? Вторым помощником младшего менеджера?

— Начальником отдела дизайнера, — небрежно ответил Андрей.

— Андрюша всегда хорошо рисовал! — вспомнила мама. — В пятом классе его рисунки на школьной выставке...

— Погоди, — перебил отец. — Что, реально? Начальником отдела?

— Да повезло просто, — пожал плечами Андрей. — Прежняя начальница в декрет уходит, а я уже в курсе всех дел.

— Везет сильнейшим! — Мама гордо посмотрела на отца.

Тот молча уткнулся в газету. Это было что-то вроде горячего одобрения сына.

* * *

Конечно, Жаннино увольнение дорого далось всем. Эта эгоистка свалила, не передав дела, и Лазуркину пришлось ковыряться в ее рабочих контактах и самому разбираться в базе данных.

Несколько крупных заказов чуть не сорвалось. Сотрудники отдела Андрея саботировали, а одна девица даже уволилась, устроив перед уходом дикий скандал.

Она ворвалась в курилку и сказала, что желает им, чтоб они все разорились и что от судьбы они не уйдут и когда-нибудь кто-нибудь обязательно отыграется если не на них, то на их беременных женах или дочерях.

— А я не женюсь! — сказал Лазуркин, когда девица эффектно развернулась, чтобы выйти.

— Конечно, не женишься! — сказала она. — Никогда. Потому что никому ты не нужен. И до глубокой пенсии ты будешь жить с мамой.

Лазуркин криво улыбнулся. Это было очень смешное пророчество, он уже пару лет не жил с родителями.

На остальных мужиков истерика произвела нехорошее впечатление, выходили они из курилки, не глядя друг на друга. А на следующий день шеф наорал на Андрея из-за бракованного тиража, который эта девица должна была вычитать, а вместо этого уволилась.

Честно говоря, если бы не слияние фирм, Андрей бы не выжил. Но на счастье, отделы объединили, пришла куча новых людей, все как-то перемешалось, перераспределилось, заработало по-новому.

Обстановка в фирме изменилась, стала более рабочей. В баню Андрея больше никогда не звали.

А через полгода он ушел, получив первую запись в своем резюме.

Которое очень скоро начало наполняться новыми и новыми строками.

* * *

— И конечно, — продолжал Андрей, — ни одна встреча не обходится без вопроса, много ли я накопил. Зал заинтересованно загудел.

— Задавать этот вопрос мужчине так же неприлично, как спрашивать женщину о возрасте.

Разочарованный вздох.

— Скажу так, — Андрей прошелся по сцене, — если я сейчас потеряю весь свой бизнес, все банковские счета, всю недвижимость, то не расстроюсь. Все это ерунда, все это легко восполняется. Гораздо ценнее другое. Знаете что?

— Порше? — спросил бойкий парнишка из первого ряда.

Под общий смех Лазуркин с улыбкой покачал головой.

— Есть кое-что, что стоит дороже даже порше!

— Мазерати? — продолжил шутник.

На сей раз Андрей поморщился — он не собирался передавать ведение встречи молодому нахалу.

— Я имею в виду репутацию. Помните Паратова из «Бесприданницы»?

Стартаперы принялись смущенно переглядываться, только пяток типичных отличниц радостно закивали. Наглый остряк хотел что-то сказать, но передумал.

— Человек все потерял! — вещал Лазуркин. — Он продает свой любимый пароход «Ласточка!» Но это неважно, ведь у него остается его репутация, его слава делового человека. Поэтому мы понимаем: все у Паратова будет хорошо.

Андрей резко остановился и посмотрел прямо в глаза остряку.

— А если у человека репутация лузера, то он останется лузером навсегда... даже если у него случится полоса везения!

Наглец опустил глаза и раскраснелся.

* * *

За двенадцать лет Андрей Лазуркин успел засветиться в шести крупных фирмах и пяти мелких. Везде его резюме («начальник отдела», «руководитель направления», «директор департамента») производило должное впечатление. Его тут же брали на очередную руководящую должность — а через полгода оказывалось, что обаятельный и коммуникабельный Лазуркин завалил всю работу. Ему предлагали уйти по соглашению сторон — и через месяц он оказывался начальником чего-нибудь в соседней фирме.

Андрея поначалу все устраивало. Хорошие оклады плюс откаты, которые он всегда успевал организовать, позволили купить квартиру и съехать от родителей. И даже купить машину своей мечты — подержанный порше. С девушками у Лазуркина по-прежнему не складывалось, поэтому денег на жизнь хватало, еще и откладывать получалось.

Но потом выяснилось, что в городе-миллионнике «не мир тесен, а круг узок». Все чаще на собеседовании Андрей слышал: «А-а-а... Лазуркин... Наслышан-наслышан» — и это означало, что его не берут. Он уже сменил сферу деятельности, но и за пределами мира полиграфии его скоро начали узнавать и презрительно кривить губы.

Наконец ему удалось закрепиться в одном рекламном агентстве, где он впервые в жизни не просто руководил и подписывал бумажки, но и предложил несколько креативных идей. Его похвалили не просто за то, что он «хороший мальчик», а за сделанное дело. Это было так приятно и так щекотало самолюбие, что Андрей принялся генерить идею за идеей. Большая часть его предложений шла в корзину, но одно из десяти доходило до реализации.

Однажды он предложил автосалону слоган «Любой каприз» и добавил к нему сексуальный подтекст. Генеральный пришел в восторг и дал карт-бланш. Лазуркин провел тщательный кастинг и выбрал модель — не самую красивую, но чем-то она его зацепила.

Только потом, когда плакаты «Любой каприз» были расклеены по всему городу, Андрюшу осенило: модель была очень похожа на Оксану. Не на ту раскрепощенную истеричку, что являлась ему в кошмарах, а на Оксану, которая была персонажем снов юного Андрюши. Это открытие оказало волшебное действие. Андрей почувствовал себя всемогущим, прямо демиургом. На корпоративе он позволил одной из молодых сотрудниц заманить себя домой — и впервые за долгие годы у него все получилось! Призрак Оксаны перестал являться!

А на следующее утро явился другой призрак из прошлого. Та самая дурочка Жанна, которую Лазур-

кин когда-то убрал со своего пути, накатала злобный пост про его «Любой каприз». Журналиги с блогерами радостно подхватили, выводя новость в хайп. Генеральный, естественно, слил его, заявил, что он ничего не ведал и не видел. Заставил Лазуркина ехать к Жанне извиняться... Но она за эти годы стала вообще психованной, вытолкала их взащей.

Андрей оказался вышвырнут из нормальной жизни. Пришлось подключить все связи, надавить на дуру Жанку, чтобы выпутаться из этой ситуации и устроиться на работу к шведам.

* * *

Довольно быстро Андрей выяснил, что работать с европейцами невозможно. Ладно мелкая бытовая дичь, это не страшно, хотя и ужасно бесит. Но они просто глобально не умеют работать. После того как бухгалтер второй раз вернула Лазуркину счет с припиской «у вас ошибка в ценообразовании», Андрей раздраженно швырнул его в мусор и тут же получил замечание, что «это для пластика».

На своего бухгалтера Андрей бы просто рявкнул, что это не ее дело, что ее дело документы распечатывать, но эта европейская стерва тут же побежит жаловаться директору. А у них, понимаете ли, голос повышать неприемлемо. А бабы — это вообще святые коровы, на них даже смотреть нельзя. Дикая страна, не зря у них там сплошные геи и передачи про какашки по телевизору показывают.

Кроме того, директор навесил на Андрея ближайшую рекламную выставку. Конечно, это была не первая выставка в жизни Лазуркина, но в нормальных фирмах ему выделялся бюджет и десяток сотрудников, и все проходило очень легко. А тут мало того, что требовали отчет за каждую копейку, так еще и людей не дали. Время шло, работы было валом, каждый день возникали какие-то непонятные ситуации, которые нужно было разруливать. Дошло до того, что Лазуркин несколько дней просидел на работе до девяти вечера и к своему ужасу понял, что лучше не стало. Проблемы накапливались как снежный ком.

Буклет получился чудовищный, даже в визитки он умудрился вляпать опечатки, потому что решил сэкономить на дизайнере и сделать все сам, монтаж стенда он забыл оплатить вовремя, и теперь у него требовали штраф, а когда Андрей покупал билеты на самолет для каких-то там гостей, перепутал дату.

Короче, нужно было срочно валить, и тут Андрюша в очередной раз убедился в том, что он везунчик. Потому что ему позвонила Марина.

Маринка была из прошлой жизни и из нормальных теток. Разговаривала нормально, нормально выглядела и нормально себя вела.

И на этот раз она позвала его сугубо по делу. Оказывается, она собиралась уехать из родного города, но рассталась со своим бизнес-партнером, а процесс уже завертелся и отступать некуда. Просила помочь разобраться с документами.

Лазуркин был так себе финансист, но Маринка в этом совсем ничего не понимала. Андрею даже стало ее жаль — красивая тетка, а выглядит такой подавленной.

Он пытался ей что-то объяснить, но Марина быстро схватилась за голову и взвыла, что никогда ничего не поймет, что все это безнадежно, что для бизнеса нужны мужские мозги и придется, видимо, все это бросать или нанимать специалиста за бешеные деньги.

— Найми меня, — предложил Андрей.

— Ну что ты, — сказала Марина, — твой уровень я не потяну... Но разве что...

Тут она сделала паузу.

— Разве что... Впрочем, зачем тебе эта афера, ты все равно не согласишься.

Андрею же афера все больше нравилась. Он, правда, отвлекся от документов и смотрел на Маринкину грудь. И, надо сказать, не зря смотрел. Потому что потом они поехали к ней домой «посмотреть еще пачку документов» и так удачно их посмотрели, что Андрей на утро первый раз в жизни подумал, что жить с теткой не такая плохая идея. Просто ее нужно правильно выбирать.

Вернее, когда женщина нормальная, так и все сразу нормально.

Правда, начало очень сильно подгорать на работе, денег на то, чтобы разруливать косяки, шведы давать категорически отказались, Андрей попытался побыстрому решить вопрос с Жанкой, в конце концов, она ему карьеру сломала, так пусть бы и заплатила, но не хватило времени.

Потому что Маринка таки предложила ему стать соучредителем, нужно было срочно ехать в Москву, снимать там квартиру и вообще разбираться с документами.

Чтоб не бегать к Маринке за каждой подписью, Лазуркин оформил все так, чтоб если что, он все мог решить сам.

* * *

Андрей понемногу примерял на себя роль владельца небольшого, но и не маленького торгового центра, но однажды все изменилось. Марина принесла в клювике договор на строительство чего-то огромного и фантастически дорогого.

— Все это прекрасно, — вздохнул Лазуркин, — и если бы мой папа был Билл Гейтс...

— Ты про деньги? — Марина вытащила из сумки еще один договор. — Так я на кредит договорилась! Надо только подписать!

Чтение кредитного договора заняло три минуты. За это время Андрей испытал эмоции в диапазоне от «Она совсем идиотка на таких условиях кредит брать?» до «Наконец-то и мне повезло!». Нужно было изменить всего несколько строк, чтобы весь кредит повис на Маринке, а деньги реально оказались в руках Андрея. Правда, самому Андрею в этот момент стоило оказаться за границей, в какой-нибудь Аргентине.

— Я покажу юристам. — Лазуркин постарался, чтобы голос не дрожал. — Пару дней займет. Это терпит?

— Они сказали — в течение недели.

На исправление договора ушло пятнадцать минут. Еще полчаса на покупку билетов и бронирование гостиницы. Дольше всего — день — Андрей возился с открытием счета в офшоре.

И только после этого переслал исправленный договор Марине с просьбой согласовать изменения с кредитором. Кредитору было, судя по всему, по барабану, с кого потом жилы тянуть, потому что добро они получили моментально.

Андрею было даже немного совестно перед Мариной. Он завтра будет купаться в лазурном море и размахивать платиновой «Визой», а ей придется отдуваться... Но он быстро отогнал от себя совесть. «А меня кто-нибудь когда-нибудь жалел?» — спросил он себя. Не получив ответа, распечатал договор и направился к Марине подписывать.

Однако бутылку красного все-таки купил. Хотелось отпраздновать. Правда, Маринка оказалась настолько криворукой, что опрокинула открытую бутылку на договор.

— Я сейчас распечатаю! — виновато сказала Марина. — У меня в почте есть.

Потом они торжественно подписали три экземпляра (по одному на совладельца плюс экземпляр кредитора) и подняли бокалы.

Проснулся Андрей только к полудню со странно тяжелой головой. В Марининой постели, но один. На самолет он безнадежно опоздал. Договора под рукой не было. Как и загранпаспорта в кармане.

Он еще пытался успокоить себя, дозвониться до Марины, выяснить, что случилось, но через три дня пришли люди в одинаковых костюмах. Они подробно объяснили, что кредит, оформленный на Андрея Лазуркина, вызвал внимание правоохранительных органов, так как через десять минут после поступления на счет средства были перечислены малыми долями на счета подставных фирм...

Андрей слушал и ужасался. Он так ей верил! Он любил ее! Спал с ней! А она... Холодная стерва, она все заранее просчитала и подготовила!

К счастью, большую часть денег успели перехватить — Марина слишком торопилась их перевести,

некоторые банки сразу почуяли неладное и заморозили переводы. Так что Лазуркин обошелся малой кровью. Пришлось распрощаться с квартирой, машиной, всеми сбережениями и залезть в долги — но на свободе он остался.

— Андрюша, — сказал ему напоследок следователь, который за полгода стал как родной, — вали ты из этой Москвы. Она тебе не по зубам. Сожрет и не поморщится. Вали. Ты же хороший...

Лазуркину показалось, что сейчас следователь скажет «мальчик», но тот закончил:

— ...парень.

* * *

Лазуркин бросил взгляд за кулисы. Ведущий угрожающе хмурил брови и стучал указательным пальцем по запястью — там, где у Андрея красовались дорогие часы.

— Прошу прощения, — сказал Лазуркин с искренним огорчением. — Мое время вышло. Но я не прощаюсь. Со многими из вас мы встретимся на тренингах. А с кем-то... кто знает... станем конкурентами! Спасибо, коллеги!

За «коллег» стартаперы щедро расплатились аплодисментами.

Ведущий за кулисами сунул Андрею конверт и проворчал:

— Я ж просил, пятнадцать минут! У нас банкет еще!

Лазуркин открыл конверт и принялся изучать содержимое.

— Двадцать штук, как обычно, — сказал ведущий.

— Зал в восторге, — задумчиво произнес Андрей. — Сколько ты с них с каждого слупил?

— Завязывай, — поморщился ведущий, — если они узнают, какой ты бизнес-гуру на самом деле, копейки не заплатят.

Этот разговор резко испортил настроение, хотя обычно Андрей с таких лекций уходил, наполненный эндорфинами и прочими гормонами удовольствия.

Он даже не стал заезжать в ресторан, чтобы выпить вечерний кофе. Сразу отправился в прокатную контору, где сдал часы и машину (приемщик попытался было обвинить его в царапине на бампере порше, но был послан). Переоделся в джинсы с рубашкой, упаковал костюм в чехол и поехал домой на троллейбусе.

У самого подъезда позвонила мама.

— Сынок, ты скоро? — Голос у мамы был тревожный.

Андрей поморщился. После смерти отца мама всю свою заботу обрушила на сына.

— У нас тут еще банкет, — соврал Андрей.

— Зачем тебе тот банкет? Я котлеты приготовила.

— Мам, прости, мне по другой линии звонят! — соврал Андрей. — Это по поводу переоформления документов на квартиру. Ты помнишь, что мы завтра идем?

Андрюша получил утвердительный ответ и торопливо нажал сброс. Ничего криминального, он все равно единственный наследник. А маме почти 80, и, конечно, в специальном заведении ей будет лучше. А он ее не бросит, будет регулярно заезжать.

Андрей покосился на чехол с костюмом на своем плече и направился в ресторан «Гуд Бой». Там у Дамира после девяти можно было взять шаурму с хорошей скидкой.



Наталья ПОДЛЫЖНЯК

Наталья Подлыжняк — журналистка, писательница. Окончила магистратуру ВШЭ «Литературное мастерство», до этого училась в МГЛУ по направлению «Международная журналистика». В свое время писала репортажи для «Русского репортера», Les.media, общественно-делового журнала «Подмосковье». Ее свежие тексты можно читать на сайте «Теории и практики». Три года проработала редактором, сценаристом и продюсером документального кино. Участвовала в организации мастер-классов в рамках ярмарки Non/fiction2017, выступала в качестве ассистента и рецензента в рамках курса Creative Writing School «9 месяцев». Один из авторов портала «Многобукв» о литературном мастерстве. Член Союза журналистов России. Сейчас работает ассистентом продюсера проектов National Geographic.

БЕЗ ЯЗЫКА Я

ПОВЕСТЬ

Рисунок Настасьи Поповой

ГЛАВА 1

Площадь трех вокзалов

Я слышал, есть карта мира, которая покрыта золотой пылью. На ней надо стирать монеткой те места, в которых ты побывал. Внутри все страны раскрашены в разные цвета, поэтому чем больше стираешь, тем ярче твоя карта. И ты уже не просто зануда, который просидел всю жизнь на одном месте, а классный путешественник. Я придумал себе такую карту сам. Это была схема пригородных поездов.

Конечно, поначалу я всегда стартывал с Площади трех вокзалов. Когда я вышел там в первый раз, то ужас и страх после побега наконец сменились восторгом: вокруг была целая куча народу, все бежали, шныряли внутрь вокзала и обратно, дергали за двери, как будто хотели оторвать их с корнем. Машины друга подпихивали, топились на солнце, как масло

в каше. А я крутил головой, будто ненормальный, и, по-честному сказать, даже не дышал. Прямо вот так на одном месте стою, а все вертится, в ушах стук сердца, перед глазами пятна, а в голове мысль, что мне устроили темную. Я даже подумал, что слепну, а это мой самый большой, прям-таки вселенский страх. Только потом понял, что это со мной был обморок.

Тут звук сердца сбился из-за толчка в спину. Я обернулся — передо мной оказался хмурый охранник в сером.

— ...Тебя спрашиваю! Че встал, как истукан? Шлагбаум не видишь?

Его слюни разлетелись и попали мне на плечо. Он еще что-то кричал, а я уже уносил ноги от него подальше. Несколько зевак смотрели мне вслед. Вот по-

зор-то! Только десять минут среди людей, а уже так засветился. Откуда я знаю, может, он вызовет полицейского или врача. Тогда мне крышка. Я еле успел забежать в закрывающуюся деревянную дверь и выдохнул.

Изнутри в лицо сразу подул сквозняк и звоняло чем-то приторным, смесью гнилых объедков и как будто мочи. Дверь опять распахнулась и уже не закрывалась — через нее набилась куча народу с сумками и чемоданами. Все обходили сидевшего на корточках мужика. Так это от него этот запах! Вроде нормальный мужик в огромной кожанке и джинсах. Он закрыл глаза под черной шапкой. Неприятное у него было лицо: такое опухшее, красное, с подтеком под глазом. Как, если на улице минус тридцать? Я обалдел: почему никто ему не поможет? Не успел я что-то придумать, как он весь вздрогнул и захрапел. Люди оборачивались, но сразу отводили глаза и вставали в очередь к металлоискателям. А за ними опять мелькнули охранники. Руки за спиной, глаза заглядывают каждому в лицо. Я развернулся, чтобы выйти, но какой-то человек поставил у моих ног спортивную сумку и теперь пытался обвязать ее скотчем.

Не надо привлекать к себе внимание. Среди толпы нужно потеряться, а не стоять, как вкопанный, и не идти против движения. Сразу могут начать кричать или, еще хуже, что-то спрашивать. А разговоры, как вы понимаете, не мой конек. «Пустите!» — все равно завопил я мысленно и вырвался обратно на улицу.

Интересно, что после всех моих странствий этот запах не вызывал у меня отвращения и всегда напоминал о первом дне на свободе. Я думаю, он был похож на то, как пахнут почки и трахеи в забегаловках в Италии. Я об этом знаю благодаря Безымянному. Он такой умный и так много знает, что его часто хочется называть Безымянопедией. Свои факты он вставляет в разговор куда и как попало.

— Прикинь, в Средневековье богатые итальянцы выкидывали ненужные внутренности животных на улицу, а бедняки их ели. — Эту историю он вспомнил, когда на ужин нам наложили печенку с макаронами. — В Италии их до сих пор готовят и называют национальным блюдом. Всякие трахеи, диафрагмы, желудки телят или коровы. Жесть! Называется зато красиво. Запоминай по буквам: л-а-м-п-р-е-д-о-т-о.

Вот божу бы польстило такое название! Но трахеи трахеями, но все-таки я так тогда и не понял, что со мной случилось. Этот мой обморок — это страшно? Может, я болен? «С холодной головой и жарким



сердцем» — точно пронеслось тогда у меня в голове. Фраза, конечно, опять не моя, так любил говорить про командиров, типа Наполеона, мой интернатский историкан — с торчащими усами и слюнявыми большими губами, а потом делать паузу и обводить класс глазами, как будто он тот самый великий полководец.

— Да-да, буду хладнокровным, решительным там. Только не лезь мне больше в голову, — послал я его про себя. — Я сам себе хозяин. Теперь.

Короче, несмотря на позорный обморок, Площадь трех вокзалов мне понравилась: на ней я мог выбрать любое направление и вернуться обратно только спустя день. Новые города и остановки я всегда помечал на своей карте пригородных поездов. В тот самый первый день у меня ее еще не было (я выпросил ее позже у торговца на казанском направлении), но уже был план — в рюкзаке лежал пакет с разноцветными лентами и два ободка. Ленты, сколько успел, я выкрал из кабинета технологии для девочек («экспроприировал», как с умным видом говорил уже про советских комиссаров историкан. Я называл его про себя Урод. Он иногда занимался дополнительно с другими

мальчиками, а со мной — никогда, потому что терпеть меня не мог. И поэтому всегда морозил меня своим прищуром). Ободки тихонько вытащил из тумбочек Близняшек (на самом деле, они вовсе не близняшки, просто их так прозвали за то, что делали одинаковые прически и держались за ручки, даже когда разговаривали). Я не знаю, почему решил украсть именно это, просто привык полагаться на интуицию. Она меня еще никогда не подводила.

Еще в интернате, готовясь к побегу, я сделал на ободках разноцветные розочки из лент. Это было несложно, я всегда любил делать что-то руками, а ленты меня всегда завораживали. Мягкие длинные цветные струйки я нанизывал на нитку и складывал в бутоны. Иногда они получались плотные, как будто сейчас лопнут, а иногда почти распущенные, с легкими лепестками. Но даже просто в пакете с заготовками ленты оставались красивыми: цвет их всегда был чуть темнее внутри и светлее снаружи, и, закручиваясь спиралью, они переливались. Я бы использовал их везде: в одежде, в украшениях для девочек или для комнат. Эх, пожалуй, я мог бы стать великим дизайнером. Но для начала я решил, что должен стать великим путешественником.

Москва Ярославская — Сергиев Посад (платформы Лось, Заветы Ильича, Правда поезд проследует без остановки)

Я уже был голоден, когда шел по длинному первому вагону поезда с конечной станцией Сергиев Посад. Руки тряслись от страха, я боялся задеть кого-то из стоящих пассажиров или натолкнуться в тамбуре на контролеров. Перед собой я крепко держал два своих ободка. Один я сделал с синими и розовыми цветами, которые прикрепил к ободку зеленой лентой, а второй был с мелкими оранжевыми, красными и фиолетовыми шариками — я подсмотрел эту технику на одном из уроков технологии, куда меня иногда пускали. Практически никто не обращал на меня внимания. Иногда я подозревал, что могу стать невидимым.

Солнце освещало правую сторону вагона, и тени пассажиров превращались в вытянутые кабачки и стручковую фасоль. В середине вагона было открыто окно, и я почувствовал, что мы удаляемся от Москвы, потому что ветер стал задувать запах лип и теплой земли. В конце вагона воздух не проветривался, там пахло жженым железом и немного пролитым пивом. Здесь покачивались спящие седые. Один дед вдруг резко опрокинул назад голову с открытым ртом, как

будто собираясь проглотить висящий над ним пакет. От этого женщина рядом, вздрогнув, оторвалась от книги, посмотрела в сторону спящего. Кажется, тоже заметила пакет и улыбнулась.

Я все думал, как привлечь хоть чье-то внимание. Набрал воздуха побольше и выдавил его животом наверх. Это всегда работало, если нужно было окликнуть кого-то в длинном коридоре интерната, подействовало и сейчас: один скучающий мужик с опухшим лицом покосился на меня. «Нет, неприятный тип», — шепнул мне внутренний голос. За ним две толстые школьницы в блузках — белая ткань застряла в складку их животов — с испугом сразу повернули ко мне головы. Я протянул им ободки, лица их сделались еще круглее, и они сразу отвернулись к окну, но как только я прошел дальше, начали оглядываться. Не нужно иметь на затылке глаза, чтобы это почувствовать. Подняла голову и та женщина. Неморщинистое, гладкое лицо, а в уголке рта — родинка. Она просветила мою голову взглядом, наклонилась, чтобы увидеть меня целиком, когда я поравнялся с ней. Да, зрелище не из лучших, знаю. Я был в своих старых, где-то затертых землей джинсах, с большой заплаткой на колене. Ее я пришил после драки с Безымянным из-за того, что он обозвал меня выскочкой. Потом еще долго все обсуждали его рассеченную губу. Футболку перед побегом я надел свежую, но она полиняла пару лет назад, а в такую жару сразу стала вонючей — запах мыла я перестал чувствовать еще на вокзале.

Вот она посмотрела на меня и протянула ладонь — чистую с розоватыми подушечками и длинными пальцами. С утра она мазала их кремом, кожа чуть-чуть лоснилась, и я различил запах розы.

— Сам, что ли? — спросила она, касаясь каждого цветка.

Я кивнул.

— Люблю розы.

«Знаю», — подумал я и улыбнулся.

— Продашь оба?

Ого! Я офигел от счастья. Все эти безучастные кислые лица, которые рассматривали меня, а не мои ободки, пронесли в голове. Я запомнил их всех и каждому мысленно сделал фигу. Я кивнул.

— А сколько они стоят?

Пауза.

Красава, продавать было офигенной идеей, а за сколько? Десять, двадцать, пять тысяч? И сколько мне нужно, чтобы добраться до моря? Десять, двадцать тысяч, миллион? И как этот миллион выглядит? Нет, конечно, у меня были расчеты. Я планировал покупать ободки в журнальных киосках, а продавать — в два раза дороже. Но «в два раза» — это сколько?

Она ждала. И я показал ей два дрожащих пальца и указал на один.

— Один за двести? — активно артикулируя, радостно спросила она. Я кивнул.

Ясное дело, она поняла, кто я, но такое отношение тоже не очень приятно, я вполне умею понимать по губам, для этого необязательно шевелить ими, как будто я даун. Но обижаться было не время.

Тут рядом с ней оживился тот старик, который все это время так и спал с откинутой головой. Он поморгал глазами, глянул в окно, на женщину, на меня, на ободки в ее руке и близоруко сощурился на проход. Старик двигался, как неповоротливая коала, рассматривая свои брюки и щупая карманы. Рот его при этом постоянно шевелился. Тут в его костлявых пальцах мелькнул белый листок. Он вытянул его и расправил на коленке. Билет! Я резко обернулся и увидел в ряду от себя двух контролеров. Они стояли спинами к друг другу и тянулись в разные стороны к пассажирам у окна. Вдвоем они были словно осьминог с четырьмя щупальцами, который готов был меня сожрать! Я обернулся в сторону другого выхода: облокотившись на стеклянную дверь, там стоял охранник. Окружили. И как я их не заметил? «Бдительность врага можно усыпить отвлекающими факторами», — довольно сказал в голове Урод, который это наверняка подстроил. Я взглянул на женщину. Хватать ободки и бежать сейчас? Но ведь она хотела купить оба. А покупать билет на что?!

Все это время она внимательно следила за мной. Я в нетерпении протянул руку, начал кивать ей и трясти ладонью, чтобы она поторопилась. Нечаянно от волнения опять выдал из себя воздух, и она вздрогнула, засуетилась, достала из цветного пакета коричневый кожаный кошелек. Ободки она все еще держала в руке. После холодных мурашек совсем близко я ощутил сладкий запах пота и укладочного лака. Ноги подкосились, и я сел напротив женщины, не оборачиваясь. Из-за моего плеча в ту же секунду выплыла толстая рука, за которой потянулся белый рукав блузки, синяя безрукавка, черная набухшая сумка. Дед откупился от руки своим билетом. Быстро рука шмякнула его на автомат с кнопками, чиркнула по нему ручкой. Потом она проплыла, отдала проверенный билет старику и замерла в ожидании напротив женщины. Та, наверное, что-то проговорила и достала из кошелька деньги. Я сидел, вжавшись в скамью, и сердце билось в мою грудную клетку. Все пропало, они снова запрут меня. Я не хочу возвращаться обратно. Я не хочу больше видеть его.

Тут крепкий запах контролерши чуть развеялся. Из окна прорвался ветерок. Я поднял голову и увидел широкую спину в синей безрукавке. Она стояла уже в следующем ряду. А меня просто не заметили. Я невидимый? Я реально могу становится невидимым!

Напротив все так же сидела женщина с родинкой, которую она уже успела спрятать в ухмылке. Она оза-

боченно посмотрела на меня и протянула фиолетовую бумажку с купленным билетом.

— Держи. Это без сдачи.

Вот это ата! Я развернул ее — в глаза ударили обведенные жирным пять ноль ноль. И я растрогался до шипучки в глазах — я еще всем задам в этом большом мире! Интересно, она одна такая в вагоне? Или каждый в душе добряк и поступил бы так же? Стоп, или ей что-то от меня нужно? Женщина, все еще держа ободки в руках, наклонилась ко мне, ведь я все еще сидел напротив нее, как истукан.

— Я подарю твои ободки своим дочкам, Аните и Лолите, одной сейчас пять, а другой девять, — четко проговорила она. — А тебе?

Ага, у нее семья. А на что ты рассчитывал? Что она купит тебе билет, а потом заберет домой, даст пирожки с теплым молоком и уложит спать в чистую постельку? Еще чуть не развеялся перед ней, а теперь она увидела, что ты мелкий, и попытается выпытать, почему ты один.

Деньги были уже у меня. Я быстро вскочил и уже хотел проскользнуть в проем, но она схватила меня за руку.

— Где ты живешь? Сколько тебе лет?

У нее была мягкая, приятная кожа. А моя была похожа на древесный гриб. Но из-за ее прикосновения я начал размокать, как будто меня кинули в горячую воду. Держала она мягко, но крепко, вопросительно. Я всегда различаю цель, с которой меня коснулись: разбудить, позвать, показать, наказать. Она ждала моего ответа, сигнала, что мне нужна помощь, тогда, я видел это по ее позе, она тотчас начала бы что-то делать. Урок после драки с Безымянным я вспомнил быстро. Схватили за кисть, выворачивай руку в сторону большого пальца — один он слабее, чем четыре других. Так и сделал.

Мне ведь правда нечего было ответить ей на вопрос, где я живу.

Сергиев Посад — Москва Ярославская / Ленинградский вокзал...

Каланчевская — Шаховская / Москва Казанская — Луховицы

Я уже несколько дней разъезжал на электричках. Трижды доезжал до конечной станции, выходил в незнакомый город, когда было светло, делал новые ободки и покупал себе еды. Если был вечер, как вчера, то я пересаживался на электричку в другом направлении и ехал обратно. В ночных поездах я спал. Сначала было непривычно: поспать получалось что-то около двух-трех часов, потому

что потом обязательно кто-то будил или прогонял. Поэтому сегодня я заснул в зале ожидания на Ленинградском вокзале прямо посреди всех его запахов: горячей кукурузы, туалетов, пива, пота. Умылся уже в электричке от Каланчевской — она была повышенной комфортности, в расписании такие стояли с зеленой пометкой. Заработанные деньги отложил в тайный карман. За эти дни в него, пришитый к штанам с внутренней стороны, сложил где-то шестьсот рублей, только не одной, фиолетовой, а бумажками разных цветов.

Я усвоил, что должен быть настороже: в начале и в конце вагона проверять, нет ли контролеров. Нужно, чтобы нас разделял вагон, тогда легко перебежать на остановке в предыдущий и улизнуть (так делают очень многие). Я также заметил, что на центральных станциях везде стоят турникеты, но каждый раз, где бы я ни вышел, узенькая цепочка людей, как муравьи, вела куда-то в сторону: к широкой дырке под забором или по путям к спуску с моста, где уже лежала деревяшка или камень, чтобы удобнее было прыгать. Никто не знал, кто это сделал, но все пользовались. На Каланчевской такой ход был у граффити с бело-синими красными буквами «ЖИЗНЬ».

Моя цель — накопить достаточно денег и однажды пересесть на поезд дальнего следования. Здесь я всегда находился в опасности — кто-нибудь из интерната точно начал бы меня искать. Поэтому я решил не тратить много денег, часть откладывать, а на остатки покупать еще ободков. Ленты быстро заканчивались, поэтому их тоже пришлось искать. На те первые пятьсот рублей от Феи (так я прозвал ее) я сразу же купил десять дешевых ободков в Сергиевом Посаде. Начинать свой бизнес с обмана, украв ободки и ленты, конечно, было не очень правильно, но что я мог сделать? Зато теперь я вел свое дело честно.

Ободки покупали. Я просто умирал от желания посмотреть на лица Безымянного да и всех остальных ребят, если бы они увидели меня здесь. Моя молчаливость была мне только на руку. В электричках было много торгашей и много попрошаек. Часть из них я потом видел у «Продуктов» на вокзале, они пили водку или пиво, ели и совсем не были похожи на калек. Я боялся встречаться с ними лицом к лицу, но заметил, что если я шел после них, люди охотнее покупали мои ободки. Я сразу решил действовать не как они, а по-другому.

Только войдя в вагон, я уже сразу видел людей добрых, скучающих или раздраженных и усталых. Кто-то даже не поднимал глаз от телефона, кто-то, наоборот, с интересом начинал меня разглядывать. Я изучал каждого, больше всего женщин. Какая-то одета официально, но сумка или лак на ногтях чаще всего яркий, а какая-то сама вся в пестром. Женщин с маленькими

девочками я считал подарком. В общем, подходил к их ряду и выбирал из ободков, которые висели на руке, тот, что мог бы им понравиться. Они отворачивались, подвигали ребенка к себе, но я улыбался им, кивал и показывал листок. На нем я с ошибками написал: «Здравствуйте. Харошей вам дароги! Эти абодки я зделал сам». Если они начинали говорить, то показывал, что не могу им ответить. Я угадывал их любимые цвета, и многие крутили ободки в руках и покупали. Я назвал свой прием «индивидуальный подход к каждому клиенту» — как на надписи, которую я прочитал на огромной рекламе банка.

Но в тот вечер я испугался по-настоящему, не так, как боялся застрять в темном углу на чердаке интерната, съесть червяка или потерять все заработанные деньги. Я испугался так, что потом челюстью чуть не прикусил язык, потому что дрожал и захлебывался от слез.

Было уже около девяти часов вечера. Я собирался доехать до станции Луховицы по Казанскому направлению. На улице было тепло, поэтому я думал поспать пару часов в электричке, потом еще на платформе под навесом и, может, еще немного в поезде на Москву. Я не торговал ночами, пассажиры были сонные и многие не очень приятные. Ночами я старался выспаться. Мне нравилось спать в электричках: не было никакого хаоса перед глазами, и лишь головы спящих синхронно покачивались. «В Африке люди могут жить внутри баобабов, такие они огромные», — рассказывал Безымянный. Он вообще обожал Африку, в особенности Эфиопию. «Ты знал, что это единственная страна, которая не была колонизирована? Эфиопы всегда давали отпор», — восторженно говорил он. Мне кажется, он знал об Эфиопии все. Я ехал в вагоне и, засыпая, представлял себя в эфиопском баобабе.

На платформе было много народу. Электричку ждали уже полчаса, а следующая должна была пойти только через полтора. Только что прошел весенний дождь, асфальт был под тонким слоем воды. В нем плавало розовое небо. Под навесом стояли черные фигурки, крупные, как ладьи и слоны, с круглыми головами, как король с королевой, и пару мелких пешек. У платформы было два пути, и большинство фигур скопилось у первого — они как будто перевешивали платформу и собирались вот-вот ее перевернуть. Я чувствовал влагу в воздухе, на мокрой щетке у рельс, на моей одежде. От прохладного ветра поднялись волосы на руках и занемели пальцы.

Поужившись, я обернулся и напоролся на злой взгляд исподлобья. Я узнал его, это был полоумный хромой, который продавал в электричках журналы и газеты. Он таскал их целыми стопками, что-то про красоту, авто, кроссворды и советы для садово-

дов. С его произношением было что-то не так, потому что я никогда не мог прочесть по губам, что конкретно он говорил. И люди редко что-то покупали у него. Я видел его уже несколько раз и каждый раз боялся встречи. Он останавливался в тамбуре, и пока я продавал ободки, глядел на меня своими косыми глазами, шурился и шевелил губами. Один раз он, завидев меня, ринулся мне навстречу, а когда порвнялся, то с непроницаемым лицом больно толкнул плечом, как будто меня не заметил. Кажется, он меня ненавидел.

Мы ехали уже около часа. Я шел, протягивая вперед ободки, и никак не мог понять, что меня так беспокоит. К моему затылку будто приклеили тяжелый горячий утюг. Я оборачивался каждую минуту, но не выхватывал ничего подозрительного. Меня уже начали раздражать даже ободки, болтающиеся на руке, — ни одного не продал.

Захлопнув раздвижку и оказавшись в тамбуре, я заметил, что у дверей спиной ко мне стоят двое мужчин. Я рассмотрел только их широкие спины, когда тянул дверь, чтобы перейти в другой вагон. И не успел я еще полностью открыть ее, как внутри мелькнули острые глаза, и на меня выпрыгнул Хромой. Он с силой толкнул меня в грудь, и я полетел прямо в объятия двух теней, которые стояли уже ко мне лицом. Их жесткие немые много дней руки, как я понял по запаху, сцепили мне плечи, а Хромой подошел и вмазал мне прямо в лицо. Я оказался в глухой темноте, в своем самом большом вселенском страхе.

Конечно, мы в интернете знали, что отличаемся от большинства людей. На биологии нам рассказывали про органы чувств, про то, что другие могут без жестов понимать сигналы, им необязательно прикасаться, чтобы позвать друг друга. Но думать об этом было так же тупо, как и о том, как Иисус ходил по воде. Я бы тоже попробовал, но одежду бы сначала снял — зачем зря намочать, если все равно не веришь в успех. В интернете мы не чувствовали себя обделенными. Большинство не чувствовало. Я же еще в шестом классе начал задумываться: «Почему если они твердят нам, что там за забором не страшно, нас туда не отпускают? Почему я не могу сходить в цирк или супермаркет?» Мы учились читать по губам, но между собой общались жестами, хоть это не очень приветствовалось. Были в интернате поварахи из столовой и охранник, которые не знали нашего языка. Но и мало говорили. Я пытался узнать у них про их жизнь, писал им записки, но они отвечали редко, а если отвечали, то банальности.

Когда я решил, что сам хочу побывать на воле, то понял, что нужно молчать. У нас было много стукачей. Но Безымянный был не такой. Я проговорился ему, когда мы забрались на чердак и молча сидели, фонарем подсвечивая старые кровати, шкафы и тряп-

ки. Я часто думал, кто был тут, когда это была еще не груда хлама, а новенькие вещи, и куда все они делись. Это было «наше» место, тут мы могли перекинуться парой записок о еде в столовке, драке во дворе, а один раз даже об Уроде (на чердаке мы общались перепиской, потому что в темноте было сложно различать жесты, а светить фонарем в лицо — неприятно). «Вчера историкан оставил после уроков Димона», — написал Безымянный. Я почему-то вспомнил про печенье, которое Димон прятал под подушкой. Мне нечего было ответить. Раньше Урод оставлял лишь старших ребят, всегда самых жалких и нелюдимых. С историей у них были проблемы. Димон учился плохо, но был из мелких. Из моей комнаты.

— В Африке, если старшая сестра не рождает, то муж берет младшую.

— Сам? Типа насильно?

Безымянный смутился.

— Ну им ок. Это традиция.

Упоминания Урода и африканских нормальностей меня как-то взволновали, но потом мне стало неприятно, что Безымянный делится своими мыслями со мной. Поэтому я решил и в ответ написал: «Убегу».

В тот день Безымянный назвал меня идиотом, но согласился помочь придумать план, а в конце написал: «А в Корее едят собак». Наверное, он имел в виду, что в Корею мне лучше не соваться.

Мы встречались на чердаке и думали, куда я могу поехать. Это Безымянный помог мне с идеей, чем я могу заработать.

— Что ты делаешь лучше всех? Что-то руками.

Но позже, чем чаще мы встречались на чердаке, тем грустнее становились его факты и злее становился сам Безымянный.

«Ты кидаешь своих и идешь к **этим**, — однажды написал он мне. — Они не друзья нам. Ты вот знал, что границы Африки такие прямые, потому что это были колонии и их просто по линейке разделили на карте? И рабов там угнетали».

При чем тут рабы, Африка и мой побег? Почему и Безымянный туда же?! Зачем они все так различают нас? Делят на «оттуда» и «отсюда»? Наши няньки и учителя — нормальные люди «оттуда», и они понимают нас.

«Им за это платят», — писал Безымянный коряво, причем буквы «м» и «т» у него получились одинаковые, поэтому я сначала даже не разобрал.

Вот если бы у такого умника, как Безымянный, была карта с пыльцой, то он никогда бы в жизни ничего на ней не стер, сколько бы фактов он ни знал!

«**Ок!** — продал я жирно на листке. — Как я был зол на него в этот момент. — Что будешь делать, когда будет **пора?**» — Я написал и подчеркнул это слово два раза.

Он уставился на мой вопрос, и я даже решил, что он заснул. Грудь его практически не поднималась.

— Не знаю, — пожал он плечами и скомкал бумажку.

Отношения наши испортились. Он злился на меня за то, что я знаю, что буду делать. Этот Безымянный, который знал все на свете. Перед тем как мы подрались, он выкатывал глаза и махал руками, как ошпаренный: «Все будут тебя ненавидеть. Ты калека». Естественно, я ему врзал. Я докажу ему, что это не так.

Выходит, Безымянный был прав? Я барахтался и цеплялся за качающуюся электричку, чувствуя теплую кровь во рту. Куда меня несло, я не видел. Как и того, что говорил Хромой, склонившись надо мной, если вообще что-то говорил. Он такой же калека, он такой же Урод. Фея спрятала родинку, по-доброму ухмыляясь. Безымянный скомкал белый лист. Я нащупал шелковую розочку на ободке и открыл глаза — в тамбуре никого не было. Нет, я не останусь в темноте.

ГЛАВА 2

Москва Курская — Щербинка (платформу Битца поезд проследует без остановки)

Из вещей, которые я бы взял в поезд дальнего следования, кроме карты моих пригородных путешествий, непременно были бы спички. Лет с пяти я все время таскаю их с собой. Не чтобы что-то или кого-то поджигать (хоть и охота иногда), а просто чтобы быть уверенным, что не останусь в темноте, если не захочу. Темнота пугает — в ней я беспомощный. Всегда один. Бывает, ночью я лежу на кровати, но не чувствую этого. Пытаюсь нащупать пальцами предметы, но их нет, — вокруг полное ничто. Единственное, что я всегда могу найти в кармане — это коробок. Уже просто сжав его, чувствую уверенность. Чирк, и вот они — комната, кровать, мое тело. Но чаще всего я спички даже не зажигаю, а просто кручу в руке: коробок или каждую по отдельности. «В эпоху палеолита без них не выжили бы», — по привычке отбивался я от Безымянного, который любил светить мне в лицо маленьким фонариком и докапываться, че я их не выкину. Этот брелок, кстати, первый нашел я, но он мне совсем не понравился: светил голубоватым светом и на ощупь был всегда холодный, поэтому я и подарил его Безымянному. В конце этого нашего спора «спички против фонарика» он всегда цокал и на мой аргумент говорил, что «палеолит» от слова «палево», а я со своими спичками когда-нибудь

«спалюсь». При этом он махал руками так, что фонарь устраивал лазерное шоу получше, чем в «Звездных войнах».

Мне стало не по себе от мысли, что я больше никогда не увижу Безымянного. Я открывал коробок и рассматривал головки серы. Отштампованные на заводе, спички были одинаковые только на первый взгляд. Закрывал и снова открывал, оставляя узкую щель. Под дверью Урода тоже была щель, а в ней — свет.

В тот вечер я, как всегда, слонялся по пустому этажу и заглядывал в классы. Перегородки между ними и коридором были наполовину стеклянные, а наполовину фанерные. На ощупь они были в выпуклых подтеках, потому шершавые. Я думал, что как-то не верится, что по этому пустому чистенькому коридору днем носятся толпы наших. Даже большие листья растений в классах, что были видны за стеклом, если встать на цыпочки, казались искусственными.

Слонялся я только для вида, а на самом деле шел в кабинет технологии, чтобы взять еще лент для побега (украсть сразу целый моток боялся, поэтому каждую ночь отрезал по кусочку от разных лент). Я знал, что технологичка хранит ключ под горшком у входа, потому что не любит заходить в учительскую с утра. Она не любила взрослых. Или просто стеснялась с утра своих мешков под глазами.

Линолеум в коридоре был весь в разводах от мокрой тряпки уборщицы. Она развела очень красивый узор, за которым я следил глазами, двигаясь вдоль стены. Тут-то я и споткнулся о свет под дверью. В тот вечер я не вытащил ключ из горшка и не зашел в кабинет технологии, а убежал.

Я закрыл коробок. Сейчас зазвонит телефон. Я почувствовал волны и уставился на карман мужика, который сидел напротив. Прошел день с того момента, как меня ударили в тамбуре, и ничегошеньки хорошего не случилось. «В жизни черная полоса, затем обязательно светлая», — любила говорить технологичка, которая и шить любила полосками. Брехня. Губа болела, хотя кровь уже и не шла. Пассажиры в электричках на меня косились, и я не продал за день ни одного ободка. Если эти уроды еще раз ко мне сунутся, я их сожгу.

Мужик напротив вздрогнул и полез в карман. Достал и чуть не уронил вибрирующий и вспыхивающий экран телефона. «Лучше б уронил, — подумал я. — Или не! Лучше бы мне отдал». А что? Один раз вытащить из кармана такой вот айфон и смотаться отсюда. Я же начал бизнес с кражи. Так и закончу.

А вот в детдоме сейчас отбой. Воскресенье. Пахнет постиранным бельем. На батарее засыхают футболки с подтеками от мыла, которое нам всегда в лом смывать. Под подушкой Димона пахнет печенью. Он един-

ственный из нас, кто помнит мамку. Она сама привела его лет в восемь, из-за этого он часто злится. Говорит, что тем, кто ее никогда не видел, как нам, легче. Димон обычно засыпал на вздутой подушке, а с утра кровать была вся в крошках. Но это до того, как Урод взялся его воспитывать. А как бы ты повел себя на месте Димона? Ведь это стыдно. И как это объяснить?

К концу недели в комнате станет пахнуть привычнее. Все няньки будут зажимать нос и смешно бежать к форточке. Этот особый вонючий запах был нашим главным козырем — он отпугивал всяких, кого мы в комнате видеть не хотели. Девчонок там. Но сегодня воскресенье — стирка, уборка, и белье на ощупь жесткое и картонное. Отыскиваю коробок. Сколько внутри? В детстве я представлял, что это целая семейка, какой-нибудь загородный дом, и на праздник набилась целая куча родственников.

Кажется, я начал клевать носом, поэтому помотал головой и уставился в окно, чтобы рассмотреть, где мы. Как будто в густом лесу. Тайге. Так темно, что вместо нее в стекле были видны только вагон и люди. Даже не замечают, что я слежу за ними. А что если это и не люди живые даже, а экран с фигурками, и я в вагоне один?

Тут меня пробрало холодом. Я перестал моргать (да, у меня есть суперспособность — на спор могу не закрывать глаза целую вечность). Одно лицо смотрело. Прямо на меня. Огромные белые глаза, в которых блестели черные пуговицы. Глаза тоже не моргали. Кроме них на лице ничего. Как будто это и есть темнота.

Поезд дернулся. За стеклом все побелело, электричка на скорости резко подъехала к освещенной платформе. Глаза дернулись тоже. В шоке я обернулся. Человек двигался к выходу, но перед тамбуром повернул ко мне свое полностью черное лицо и оскалился. Может быть, это была добрая улыбка, но она была одна на его лице вместе с блестящими белками глаз, и это выглядело жутко. Вау! Негр! Живой! Вылитый эфиоп!

Я моментально выбежал за ним на платформу, и двери захлопнулись. Электричка подумала, завибрировала и тронулась. А он уже шел против движения, и люди обтекали его с двух сторон, а затем налетали на меня. Я задел сумку какого-то мужика так, что она слетела с его плеча. Да я бы даже не заметил, но он успел толкнуть меня в ответ. Я обернулся и увидел, что мужик плюется словами типа «ишь», «малышка», «прещь». Люди стали оборачиваться. Я испугался, что негр заметит нас, и быстро рванул подальше от этого мужика. Так рванул, что чуть не свалился на рельсы. На секунду даже потерял спину в кожаной куртке, но потом отыскал — негр спокойно, засунув руки в карманы, просачивался сквозь людей. Никто не подавал

виду, что видит что-то странное. Хотя он шел к ним лицом!

Мы по мосту перешли пути и спустились в город. Я шел за ним на расстоянии, останавливаясь у ларьков с шаурмой и самсой, как бы собираясь что-то купить. Джинсы на нем висели длинные, по идее, думал я, они должны были задевать землю, но отчего-то не задевали. Негр-призрак. Мне повезло! Может быть, его вообще вижу только я?! Как наблюдательный человек, я заметил и еще одну деталь. Почему он так тепло одет? На нем была объемная кожаная куртка, хотя на улице было градусов пятнадцать.

Мы шли по освещенной улице мимо пятнистых высоток. Один дом среди них внезапно оказался кислотного цвета, такого же, как кожа у зеленых человечков в комиксах. Но мы, странное дело, прошли мимо. Людей и фонарей становилось все меньше. На повороте в переулок призрак вдруг остановился и повернулся в пол-оборота, пряча от ветра зажигалку. Я успел разглядеть его белые ладони, перед тем как огонь потух. Может, это все типа утренняя перодеванием? Мне показалось, что он постоял чуть дольше, чем нужно, но потом, засунув руки обратно в карманы, двинулся дальше.

Так мы свернули в совсем другую часть города. Я это понял по низким домам, в окнах которых практически нигде не горел свет. Зброшенные темные двухэтажки — одна точная копия следующей. И следующей. Мы прошли мимо корявой площадки. То тут, то там вырастали из темноты большие деревья. Куда же он может идти? Никаких вибраций, даже шагов моего призрака, я не ощущал. Я терпеть не могу темноту, но тогда страха не было. Я сжал в кармане коробок. Интуиция вроде молчала.

Я отстал от него и не заметил, куда он свернул. Дойдя до последнего дома, я увидел раскачивающуюся дверь и забежал внутрь. Перепрыгивая ступеньки, задыхаясь, я добежал до второго этажа. Где-то в квартирах были движения, но вибрации ускользали, и в итоге я остался один в темноте подъезда. Все.

Ну конечно, зачем ему заходить в кислотно-зеленый дом, если кожа у него черная! Такой райончик лучше подходит. Пахнет плесенью, а жопе холодно на ступеньке. Теплее рядом с горячей, ай, сильно горячей трубой. Рядом с ней и не так грязно. Зря я делал вид, что покупаю шаурму, надо было реально купить! Жрать охота. Но я бы его упустил. Все равно упустил! Зараза. На фига я здесь? В доме с призраками, ха-ха.

Где взять денег, чтоб сразу много. За пятьсот рублей до океана не доедешь. Сколько там ободков еще? Черт, молния заедает. Один, два, вот этот особенно удачный. Ленты. Мягкие. Короче, пять. Утром в ларек, сделаю побольше, надо быстрее. Засиделся. Ай, затекла. Горячая! Где я? В Москве?

У стояка было тепло, и я, кажется, заснул... сидя на корточках в длинном темном коридоре. Справа много-много дверей, и все они закрыты. За окном серый туман, хоть глаз выколи, ничего не видать. У меня в руках мокрая половая тряпка. От нее воняют руки. На ней грязные катышки и длинные волоски, потом они остаются на моих мокрых пальцах. Я хочу домыть до дальнего темного угла, но сколько ни тру вздутый линолеум, ближе не становлюсь. Тут я понимаю, что справа от меня перед белой дверью кто-то стоит. Я вижу его боковым зрением. Дверь закрыта, но он стоит к ней лицом практически вплотную. Я могу узнать его, пытаюсь, но боюсь повернуть голову. Тут он начинает снимать обувь, стягивает кофту. Я хватаю ботинок, что он отбросил, ползу дальше. Хватаю второй, но это оказывается шлепок Димона. Я загребаю и его. Коридор почему-то наклоняется, и я начинаю медленно сползать по скользкому полу. Нет, нет! Ползу быстрее к углу — он теперь выглядит безопаснее, чем бездна сзади. Не оглядываясь, я чувствую ее затылком. Там кто-то есть. На пути попадает еще какая-то тряпка. Я подношу руки к глазам, кожа на подушечках пальцев вздулась от воды. Узнаю розовую футболку Близняшки. Кажется, я уже не ползу, а карабкаюсь по отвесной скале, вижу разбросанные на разных выступах вещи моих детдомовских. Поднимается такой ветрище, что я чуть не падаю вниз, но удерживаюсь на одном отступе. Рядом вижу джинсы Безымянного. Я узнаю их по заплатке на коленке. Где он? Начинаю оглядываться: я на высоченной горе, облака подо мной, и страшно даже приблизиться к краю. Вжимаюсь в скалу, чувствую, какая она ледяная, но в скукоженных пальцах все равно пытаюсь удержать джинсы Безымянного. Он что, в бездне? И тут вдруг скала сзади ка-ак дрогнет, и я падаю спиной вниз. Кричу, но не разбиваюсь. Ничего не чувствую, полностью темно. К горлу поступает панический страх, уже такой знакомый, легкоузнаваемый. Но тут вижу огонь. Он жжется, как будто я поднес спичку к самому лицу. Вот они, вот все мои. Сидят у костра, все почему-то голые, и смотрят на меня. Безымянный сидит на земле и держится за коленки. Я бегу, хочу протянуть ему джинсы, но понимаю, что у меня их нет. Смотрю на свои руки, спички вместо пальцев. Поднимаю голову, и тут за спиной Безымянного вижу его. Его усы подпалены костром. И волосы на груди. Я не вижу его одежды. Ее нет.

Сквозь сон я почувствовал, что кто-то поднял меня. В нос ударил запах мужского тела: пот, смешанный с запахом новых журналов. Потом меня опустили на что-то жесткое. Я подумал, что это часть сна. Но сразу после мне представилось уже другое: светило солнце, я шел по теплему песку и под ногами находил разные золотые предметы: кувшин, бусы, статуэтку слона. Мне было тепло, и страх прошел.

Наутро я проснулся не в подъезде, а в квартире. Меня не расчленили и не продали на органы. Рюкзак лежал под головой, а сам я на ковре из колючего сена. Пахло довольно необычно: запах печатной краски смешивался с каким-то неизвестными мне, но яркими специями. Вся комната было завалена пакетами, коробками, некоторые из которых были покрыты простынями. Вместе они сливались в одну большую холмистую поляну. Между ними была прорыта узкая тропинка к балкону и к моему углу.

Я оказался в квартире того самого призрака, который теперь пристально смотрел на меня с фотографий в рамке, что стояли на тумбе. Они на плетеной салфетке были единственным чистым островком без пыли. На одной фотке на оранжевом песке рядом с Призраком стоял огромный мужчина в льняных штанах, женщина в цветастом платье и еще несколько подростков — две девочки, одна чуть выше другой. Призрак и девочка повыше были одеты нарядно и держались за руки. За ними на фотке было здание с деревянным крестом.

Приподнявшись на локтях, я заметил, что штора — вся в ромбиках из разной ткани — дергается на фоне пасмурного неба. Да, штора танцевала, если не сказать, плясала. Я выглянул из-за пакетов и увидел, что под ней сидит девчонка. Она не отрывала от меня огромных карих глаз, такого же цвета, как ее кожа. Опять белки показались мне единственным ярким пятном на всем лице. На затылке у девчонки был полосатый, как зебра, платок, и отчего-то он не спадал, хотя череп ее был гладкий, как бутылка пива.

Кажется, она решила играть со мной в ту же игру, что и Призрак. Мне было плевать, надо было выбираться отсюда, пока меня реально не расчленили. Медленно вставая и поднимая рюкзак, я все еще чувствовал ее взгляд. Она меня как будто раздевала.

Я решил ей махнуть. Больше для того, чтобы отмахнуться от ее пристального взгляда. И вдруг ее словно включили. Девчонка рванула из своего угла в мой, ловко огибая все пакеты. Она широко открывала рот и задирала руки так, что по ее черной коже побежали бусины и фенечки. Подбежав вплотную (мне от неожиданности быстро пришлось с ногами забраться обратно на сено), она двумя ладонями схватила меня за щеки и потянула кожу в разные стороны, постоянно что-то говоря сквозь оскаленные белые зубы. Я не мог прочитать ни слова. Мне стало до слез обидно и, между прочим, еще и больно. Я с силой отпихнул ее, так что она упала на пакеты, и побежал к выходу. Кажется, я обо что-то споткнулся и упал. Слезы подступили к горлу. Какая противная заноза, высокомерная выскочка! Она небось решила, что старше меня и может вот так со мной играть. Да ничего подобного!

В дверях кто-то встал и отбросил тень. Фигура плавала в каплях, вытягивалась и сжималась. Я моргнул, и на пол упали две большие слезы, пыльный, он стал чище в двух местах. На колени передо мной опустилась женщина. Она была словно статуя, вырезанная из дерева. Тоже черного, но тут я уже перестал удивляться. Прямые брови, скулы, нос, который лишь на конце был широкий. Что-то было общее у нее с этой выскочкой и... Ну конечно! Две девчонки с фотографии, одна поменьше, а другая повыше... Сестры. Она протянула мне ладонь. Смешно, ее кожа на тыльной стороне была тоже белой, как у Призрака. Я вспомнил картинку со слонами, которую любил рассматривать Безмянный. То ли потому, что они пачкались в пыли, то ли потому, что стирали о камни свою серую кожу, ступни у них тоже были светлые. А ведь люди должны жить там же, где и все слоны. По идее.

Гадкая девчонка уже встала и теперь с безучастным видом поправляла платок. Ладонь женщины оказалась теплой. Ни слова не говоря, она потянула меня за собой. Держась, как за хобот слона, я тащился за ней по заваленному хламом коридору. В квартире было еще две комнаты. Дверь в одну была открыта полностью: там на полу в кругу каких-то обрезков сидела старая африканка. Она подняла голову, но я не увидел ее лица. Другая комната была открыта на чуть-чуть — на стене висел еще один большой деревянный крест.

Хобот притащил меня на кухню. Все там облупилось и отваливалось. В ящик без дверки были свалены ржавые кастрюли и медные сковородки, а на выцветших обоях висели вырезанные старые картинки из календарей: глазастая лошадь, коза в ромашках, обезьяна на ветвях. Сверху был наклеен петух с огромным красным гребешком, на который заезжали цифры два, ноль, один, семь. Похоже на вполне русскую квартиру. Хотя я в квартирах не бывал, могу и ошибаться.

Статуя указала на стул и поставила передо мной болотную кашу из каких-то маленьких кружочков. Сначала она мне показалась очень странной, это уже после я к ней привык. Просто они ели ее каждый день. На завтрак каша была пресная и больше походила на пюре, а на обед кружочки легко отлипали друг от друга и были то острые, то какие-то совсем необычные. Это все из-за красных и желтых специй, что лежали у плиты в пузатых целлофановых пакетах. Ими пахли и руки женщины.

В тот первый день, думаю, они хотели накормить меня и выгнать. Но не торопились. И мне самому почему-то не хотелось уходить. За завтраком все молчали, а каша была густой, как сопля при гриппе. Но я был ужасно голодный. В один момент я даже испугался, что каша закончится, а я не наемся. Но как только

я перестал жадно засовывать в себя ложку, женщина положила рядом кусок белого хлеба с тонким слоем масла. Прямо как на полднике! Я хотел как-то ее поблагодарить, поэтому поглядел ей в лицо и улыбнулся. Ну точно — высокая девочка с фотографии. Только она была уже гораздо взрослее и вела себя здесь как самая главная.

После я не раз использовал свою способность становиться невидимым и подолгу разглядывал, как они ведут себя с друг другом. Например, Статуя (так я про себя называл высокую девочку-уже-женщину с фотографии) могла погладить по голове девочку, когда та сидит спиной, или сама девочка укрывала старуху пледом, когда та засыпала за своим рукоделием. Они любили еще что-нибудь приговаривать друг другу на ушко, и несмотря на то что я не понимал их языка, я все равно догадывался по улыбочкам на их лицах, что это ласковые слова. Так это все выглядело приторно-сладко, что становилось противно, как будто мы в каком-то сериале про идеальную семью.

Я доел хлеб с маслом, встал и пошел к выходу. Оказалось, Статуя и девчонка пошли за мной. Уже в прихожей я подумал, что невежливо так просто уйти, снял рюкзак и достал один ободок. («Так ты ничего не заработаешь, — подумал я тогда. — Но они вроде добрые люди, может, с черных начнется белая полоса?») Я протянул его девочке. Да, он удался, ленты были персиковые, а белые розочки получились как настоящие. Она медленно взяла его в свои светло-бежевые ладони и начала рассматривать. Забавно, что она уже не была похожа на ту агрессивную девочку — держала спину прямо и двигалась спокойно. Подражала Статуе. Девчонка потрогала каждую розочку, вопросительно посмотрела на нас и вдруг убежала с ободком в комнату со старухой. Ясно, ни спасибо, ни красиво, молодец. Я шагнул к двери, но Статуя взяла меня за плечо, и по прикосновению я понял, что она требует подождать. Через минуту из комнаты выглянула девчонка и рукой позвала меня. Я заметил, что она вовсе не лысая, как мне показалось сначала, — в ее голову, как по спирали, вращались тонкие косички. Косичка — такое имя я тогда для нее придумал.

В комнате было душно. Прямо как в нашей детдомовской спальне! Меня-то таким не испугаешь, меня так просто не прошибешь, поэтому я не укололся о взгляд старухи, которая сидела в центре в той же позе, что и час назад, подоткнув под себя ноги. Все ее лицо было в глубоких сухих складках. Я представил себе черепашку. Не только из-за кожи. У нее был вдавленный внутрь нос, черные веки и губы (тут-то я понял, что кожа у них у всех совсем не черная, а коричневая). И сидела она в кругу из разноцветных трубочек и тряпок, медленно передвигая лапами, загибая себе

по одной и накручивая ее на толстую иглу. Она замедлилась, когда мы вошли. Позже, конечно, оказалось, что она очень даже скоростная черепаха, что касается плетения. Да я бы мечтал научиться так же!

Она кивнула, и рука сзади надавила мне на плечо. Я сел на пол. За спиной старухи под черным платком я разглядел горб, ну точно панцирь. Она сощурилась, показала беззубый рот — и я понял, что она мне улыбается. Никогда не видел улыбающихся черепах.

А после она просто снова начала плести. Только спустя какое-то время я заметил, что в комнате мы одни. Надо было, наверное, встать, взять рюкзак и свалить оттуда. Но она, как будто иглой, пришивала меня к своим обрезкам. Нет, вшивала меня с ними, и мы туго ложились один на другой, куда покажет большая игла. Немного кружилась голова от постоянного вращения, которое становилось все быстрее. Уже. Теснее. Хрясь! Она потянула нитку на себя и закрепила на дне.

Я моргнул и отделился от обрезков. В своих ластах Черепаха крутила неглубокую плетеную корзинку. Не знаю, сколько прошло времени, но я запомнил каждое движение. Мне захотелось попробовать. Но тут я понял, что дверь открыли, обернулся к входу и увидел Призрака.

ГЛАВА 3

Щербинка — Дедовск

Электричка громко свистела сквозь железные перекладины моста. Под нами была Москва-река, потому что остановка, которую мы только что проехали, называлась Москворечье. В обеденное время все расселись по свободным лавкам и не мешали друг другу. Я выбрал место у окна, а напротив опять оказался мужик с телефоном в руке.

Может, все это мне приснилось? Призраки, черепахи, косички... Я открыл рюкзак и нашел те самые ободки с белыми и персиковыми розочками. Правда, немного потрепанные. Я вспомнил, как стоял в проеме Призрака и указывал мне на дверь, как Косичка, подпрыгивая, пыталась зацепиться за его руку и помешать мне выйти, как спустя секунду на лестничную клетку вылетели вот эти мои ободки.

У черных и сердца черные. Хотя Статуя и Косичка — добрые, да и Черепаха, думаю, тоже. Они накормили меня и не хотели, чтобы я уходил.

По привычке я обернулся и проверил обстановку в вагоне. У дальних дверей стоял дед. Он был похож на Шерлока Холмса, но не нового, которого крутили обычно поздно по «Первому», а старого, что так любили включать няньки по выходным на канале

«Звезда», в такой клетчатой кепке. Глаза его были чуть прикрыты, и весь он сосредоточился на том, что широко и неестественно открывал свой рот.

Я опустил голову вниз и принялся переделывать розочки. Надо было снова расплести их и собрать. Вспомнились руки Черепахи и тряпки, которые скручивались в тугие стенки корзинки. Это же был гипноз! Вот бы и мне так научиться делать!

Пытаясь вспомнить ее движения (что если попробовать повторить?), я достал иголку, распустил ленты и начал нанизывать их на нитку. В этом деле главное особо не напрягаться: лепестки ложатся лучше, если не разравнивать их, а сшивать, как пойдет. Тут мужик напротив засуетился, начал щупать свои карманы. И я напрягся... Да нет, правильнее сказать, моментально вскочил. Что, опять?! Только что же проверял...

Ленты упали с колен на пол. Где, где они? Вскочил я достаточно резко, и мужик с недоумением уставился на меня. Я заметил, что дед в кепке медленно приближается к нам, но никаких контролеров ни за ним, ни перед не было. Так он просто так лезет в карман! Я мысленно выругал себя за то, что привлек к себе так много внимания, и нагнулся, чтобы собрать ленты. Исподлобья увидел, как мужик протянул руку с монетами, но дед не остановился. Тогда он, видимо, окликнул его, старик вздрогнул и обернулся в нашу сторону. У него было очень спокойное лицо, а глаза смотрели немного в сторону. Я понял, что он практически слепой.

— А я же не вижу ничего, — как бы подтвердив мои мысли, сказал он. — Товарищ Сталин вот обещал сделать глаз, да жаль, умер... А больше рассчитывать не на кого.

Он протянул вперед немного дрожащую руку, и мужик привстал, чтобы положить в нее монеты. После того как старик поплелся дальше по проходу, мужчина кивнул и обратился к парню с другой лавки:

— Сердце на руке видел? Сидел.

Я знаю, кто такой товарищ Сталин. Он был президентом, когда еще была не Россия, а Советский Союз. Еще я знаю, что полстраны сидело. Урод любил рассказывать про лагеря где-то в Сибири, где трудились, а потом умирали. Он говорил, что все боялись и доносили друг на друга. Не понимаю, почему тогда старик так скучает по Сталину.

Мужик вздохнул и посмотрел в окно.

— Все они теперь на улице. Пытаются хоть что-то на жизнь заработать. Собрать бы их всех в дома престарелых.

Я уставился на его рот. Что-то не очень понял.

— Да, да, и будет им всем лучше, чем вот так, — закивал он и, задумавшись, снова стал смотреть в окно.

Что он имел в виду? Что такие деды должны жить в одном месте, чтобы никого не трогать? А как же их

родственники? Или их нет? Нельзя запирать людей, только если они не такие. И жить тут, в большом мире, как будто их и нет. Мы вот есть. Я спасся, а там еще Безымянный, Димон, Близняшки... Но всем плевать.

Дедовск — Серпухов (?) (платформы Луч, Авангард поезд преследует без остановки)

Мужик тот скоро вышел, а я поехал до конечной. Сначала мы проезжали речку, воду которой в двух местах задерживали огромные железные ворота. Дальше с другой стороны появилась огромная круглая арена с красными и белыми чешуйками. Пошли совсем другие дома — высокие, тонкие, целые города из разноцветного бетона посреди поля. Везде все рыли, строили, клали провода в землю, а еще периодически мелькали спящие на земле мужчины в кожаных куртках. Вокруг них что-то мерцало на солнце, и я понял, что это разбитое стекло. Сразу за кучами сваленных палок и пакетов появились гаражи. На некоторых были нарисованы баллончиком большие кресты.

А потом резко начались дачи. Запахло костром, прям из электрички были видны женщины на участках и их грядки. Грязюки было также много, но зато появился лес. И солнце замигало через его стволы.

Обеденное время — самое популярное у торговцев. Мимо прошел мужчина с иголками — он всем показывал, как вставлять нитку в суперушко за одну секунду, за ним мужчина с женскими сумками в цветочек, потом женщина с пластырями и другая с огромными пакетами зелени и редиски. Я решил, что не пойду за ними, а лучше доделаю ободки. Тут я даже подумал догнать первого мужчину с иголками, но вспомнил, что не могу тратить деньги на всякие ушки от иголок.

Ехать было недолго. Поэтому спустя часа полтора все вышли на конечной. Дедовск отличался от Москвы, хотя и тут были все те же серо-красные заборы и кассы. Никаких тебе переходов, лавочек, только одна-единственная широкая платформа. Электричка отползает, и через рельсы уже начинается город. Ну как город. Скорее, деревня. Крыши домиков торчат через забор, а их окна, как глаза, подсматривают сквозь щели. А с другой стороны ярко-красное здание «ТЦ ДЕДОВСК» и разноцветные палатки рынка вокруг. Тут-то и можно наконец поесть.

Я спрыгнул с платформы на пути вслед за целой кучей таких же безбилетников. Один парень помог спуститься своей девушке в юбке, и они пошли вдаль по рельсам, а я пролез в пробитую дырку в заборе за остальными пассажирами.

При входе на рынок продавали яйца и пучки с зеленью, а еще почему-то целые клумбы искусственных цветов. Внутри первые ряды все были увешаны безголовыми манекенами. Продавцы снимали с них одежду и бросали их на пол. Идя мимо, я вдыхал запах тряпок: приторный, немного с горчинкой. Надолго ни у одной палатки нельзя было остановиться — сразу откуда-то появлялся продавец и начинал что-то предлагать.

— Какой милый молодой человек! — выскочила прямо на меня из-за махровых халатов какая-то тетка. — Блондин, да еще и глаза какие голубые! Такому точно нужны модные джинсы и спортивная куртка!

Ох уж, спасибо, вот так мне уже нравится. «Молодой человек!» Пожалуй, это из-за роста. Я уже вполне мог сойти за взрослого, в интернате был по плечо нашему физруку. Конечно, я сильно замахал головой и ускорил шаг, чтобы мне не втюхали чего-то, но тетку эту запомнил и часто потом с удовольствием вспоминал.

Тут в переходе между рядами мне показалось, что я увидел его лицо. Он остановился у одного ларька. Рукой он разравнивал свои усы маленькой расческой, а потом исчез. Я бросился бежать, но потом одумался (это точно был он?), остановился и, пригнувшись, решил вернуться, последить за ним. Я стал пробираться через соседний ряд с овощами и спрятался за рядами красных помидоров, которые блестели и сладко пахли. Снова увидел его спину и руку, которая потянулась к одному висевшему манекену. Опять эта рука. Как там в кабинете. Но ведь было не разобрать. Просто учитель протягивает руку к ученику.

Тут меня словно кипятком ошпарило. Может, мне все это показалось? Вся ситуация с интернатом казалась такой далекой. Я уже не уверен, что видел ЧТО-ТО ТАКОЕ. Ведь никто из ребят никогда ничего не говорил. Может, это и нормально? Может, они просто решили сделать перерыв, занимаясь историей, и ничего не было? А чего «ничего»? Как это вообще назвать?

Тут спина развернулась, и за секунду до того, как я пригнул в помидоры, я понял, что это не он. Это не Урод. Просто какой-то дядька с усами.

«Надо выбираться отсюда», — подумал я.

На улице по запаху нашел булочную, где съел две сосиски в тесте. Там было уютно, и я представлял, что как будто сижу внутри теплого батона. Я уже совсем успокоился и окончательно решил, что не помню точно, что видел, и не знаю, было ли это так страшно, как мне показалось. Еще я успел подробно изучить свою карту и обвести «Дедовск» карандашом, который одолжил у продавщицы. На улице среди халатов и ночнушек я нашел шнурки и ленты. Потратил на них двести рублей и отправился обратно к дыре в заборе.

Терять время на обратном пути было уже нельзя, поэтому я сразу пошел продавать поправленные ободки. Делать это стало труднее, потому что, как оказалось, я забыл свою табличку у Призрака. Есть повод расстроиться — сделал я ее не так, как бомжи какие-то: взял картонку да и накалякал «Подайте глухонемому». Я потратился на маркер и белый кусок картона, написал красиво, как только умел, но специально с ошибками, чтобы было жалче... А теперь не было ни фломастера, ни листа. Поэтому мне было сложно привлечь к себе внимание людей. Я всегда гордился своей суперспособностью становиться невидимым, но сейчас она мне только мешала. На меня накатило одиночество: все идет мимо тебя, а даже если смотрят, то тоже как будто сквозь. Я смотрел в упор на смеющихся друзей или пару, слушающую музыку вместе через наушники, но чувствовал, что между нами невидимое стекло. Если я не буду смотреть, то не буду участником всего в жизни. Поэтому я бы умер, если бы ослеп. Как тот дед, Шерлок Холмс, я бы не смог.

Электричка от Новоиерусалимской была новая, и в ней вкусно пахло новыми зелено-сине-оранжевыми креслами. В таком поезде стандарт-плюс свет горел даже днем. И все пассажиры как будто сразу становились вежливее. Не уверен, повели бы они себя так же, случись бы то, о чем я расскажу дальше, в обычной электричке.

Я шел по проходу, протягивал людям свои ободки. С правой стороны вагона на солнечной стороне сидела старуха. Я подумал, что у нее, может быть, есть внучка, для которой она захочет мой ободок. Но когда я протянул руку и взгляделся в ее лицо, увидел, какая она вся бледная. Секунда — и старуха чуть не свалилась с лавки. Напротив, спрятавшись в тенек, сидела женщина, от рук которой пахло чесноком, а от висков — сладко-едкими духами. Она вскочила и затрясла старуху за плечи, сильно шевеля губами: «Что с вами? Вам плохо?» «Врача!» — завопила она на меня и на других пассажиров. Все сразу зашевелились, из разноцветных кожаных кресел стали высовываться лица. И никто бабку не бросил. Вместе с кожаным портфелем вскочил вспотевший мужчина и начал крутиться около металлической коробки на стене. Он стоял ко мне спиной в своей рубашке с мокрыми подтеками, и я ничегошеньки не мог понять. Потом он наконец отошел, и я увидел, что на коробке красной краской нарисовано, видимо, по трафарету: «Вызов машиниста». Хотел бы я работать таким рисовальщиком по трафарету. Писать «Осторожно, убьет» на стенах и иногда на сиденьях. Тогда эта старуха не села бы на солнечную сторону и ей не стало бы плохо. До меня дошло, что он просил старушеницу высадить, потому что через две остановки с платформы забежал

белый халат. Такой белый, как будто кто-то стер его ластиком на разноцветной картинке нашего вагона. «Врачи боролись за ее жизнь», — сказал у меня в голове голос Урода, пока я смотрел на лицо старухи, которую вытащили на перрон и посадили на лавочку — все сильнее и сильнее кто-то тер стиралкой и по ее лицу. Оно становилось бесцветным.

Ведь тот бомж на вокзале, он тоже сидел скукожившись. И я забился в уголок после того, как мне разбили губу те торгоши. Мы вроде тоже выглядели несчастными, но никто не бросился помогать нам. Ко мне никто не подошел тогда и не спросил: «Что с вами? Вам плохо?» А к этой старухе все ринулись как к близкой родственнице. Наверное, дело в новом, удобном вагоне. Он помог всем стать людьми.

После я еще думал о том, как быстро можно умереть, и в принципе это не так уж страшно для самого человека, как для окружающих. Если бы ластик стер ее окончательно уже в вагоне до прихода белых халатов? Как жутко бы всем стало. Может, поэтому мужик хотел спрятать всех стариков в дом престарелых?

Идти дальше, улыбаться людям из других вагонов, которые ничего про наш случай не знают, теперь не хотелось. Уже темнело. Деньги еще остались, можно было бы потратить на бургер в «Макдоналдсе». Тут и грустные мысли сразу ушли, и я повеселел. Ух, ну и жизнь! Могу хоть каждый день есть бургеры, и никто мне ничего не скажет.

Я весь обрадовался и решил все-таки пройтись до конца электрички, попробовать что-то продать. И это было правильное решение. Дальше мне попалась глухонемая женщина, которая сразу заговорила со мной и показала фотографию своей дочки, у которой, она похвасталась, слух отличный. Еще она сказала, что они в семье любят друг друга и что ей нравится мой ободок. Женщина была классно одета — в желтый сарафан с разноцветным поясом, а ногти были ярко-мятные. Мне нравятся такие яркие цвета, они много говорят о человеке. Потом был еще дед, который позвонил своей жене и посоветовался, купить или не купить мой ободок. Сначала он перечислил все, что забрал с дачи, и уточнил, что деньги еще остались. «Разрешение получил», — улыбнулся он, убрал телефон от уха и протянул мне триста рублей вместо двухсот. Он мне очень понравился, этот дед с большими клетчатыми сумками с дачи, даже захотелось посидеть с ним немножко, но я решил идти дальше, пока везет.

Вообще эти клетчатые сумки мне очень нравятся. Можно фантазировать, что в них может быть, но никогда не угадаешь. Например, там могут быть пустые горшки, а иногда горшки с травой, спицы с мотками ниток, стопки всяких разноцветных тряпок, если повезет, барбариски. А однажды, я видел, оттуда даже

вылезла собака. Она была очень смешной и похожа на маленькую облезлую кошку. Таких кошек любили мучить у нас в интернате: ловили в коробку, быстро перевязывали и за нитку таскали по коридорам. Потом открывали, и кошка с очумелыми глазами ползла по коридору, путаясь в лапах, как пьяная. Все, как дураки, начинали хлопать в ладоши. Я такие игры не любил. Потом эта кошка долго не давала себя погладить, но я подкармливал ее сосисками из столовой, и она становилась ласковой. Но вот эта кошкоподобная собака была не такой: она сразу же начала рычать и чуть не откусила мне полпальца, когда я протянул руку, чтобы ее погладить. Бабулька схватила сумку, подняла на колени и начала кричать. Я тогда встал и ушел, тут даже по губам читать не надо, и так понятно — истеричка.

Вот так я продал еще три ободка. На одной станции набилось очень много народу, я выглянул в окно и увидел табличку «Царицыно». О, да я опять вернулся туда же, откуда уехал с утра. Так много случилось за день, и я неплохо заработал. Еще с большей охотой я пошел по вагонам и среди толпы наткнулся глазами на компанию негров. Призрака среди них не было. Какие все-таки интересные они: у белых я не встречал таких выпуклых лбов и больших губ. Белые не так широко смеются, хотя, может быть, это просто оптический обман из-за светлых зубов и коричневой кожи. Среди них были две женщины. Они пили пиво, пьяно смеялись и что-то активно обсуждали.

Я остановился неподалеку, чтобы понаблюдать за ними. Тут я заметил, как по проходу мне навстречу идет хмурый полицейский. Он подошел к компании и что-то спросил. Негры притихли. Мне было не по себе проходить мимо полицейского, у которого на спине я прочел желтые буквы: «Служба транспортной охраны», поэтому присел на кресло через один ряд от них. Негров я больше не мог видеть, зато видел лицо охранника. Один из черных протянул ему какую-то разноцветную картонку. Тот покрутил ее в руке и сказал:

— Паспорт болельщика чемпионата мира по футболу. Замечательно. Он был в прошлом году. Где ваша регистрация?

Негры что-то ответили ему и попытались встать.

— А ну-ка стоять! Куда это вы собрались? Сейчас я полицию вызову.

Так значит, он не полицейский. В этот момент к нему подошел еще один охранник. Путь черным был отрезан. Я взглянул в окно и заметил знакомый дом, а затем саму платформу. На ней с листовками вдруг мелькнул Призрак. Охранники выводили негров.

— Щас мы вас всех и отправим обратно...

Не знаю, как работал мой мозг в этот момент, но в нем была только одна мысль: «Они увидят Призрака

и тоже проверят. Косичку, Статую и Черепаху тоже отправят в Эфиопию». То, что все они из Эфиопии, я не сомневался.

Я выскочил в закрывающиеся двери. Что ж, начинаю привыкать. Та же платформа, та же толпа. Я увидел, как группу с охранниками и неграми уже ждали двое толстых полицейских. Женщины перестали смеяться, в глазах у них был страх. Я посмотрел на толпу и с ужасом увидел, как Призрак идет по платформе нам навстречу. В руках у него была небольшая картонная коробка, откуда он доставал листовки и протягивал людям.

Тут один из полицейских похлопал второго за плечо и показал на Призрака. Тот что-то ответил, кивнул и направился в его сторону. О ужас! Что делать? Я попытался крикнуть: «Беги!», и двое прохожих обернулись на меня. Я был чуть ближе к Призраку, чем полицейский, но времени было совсем мало. Я нащупал в кармане спички. Не знаю, как мне пришла в голову эта бредовая идея, но она-то и поменяла мою жизнь на сто восемьдесят градусов.

Резко вытащив коробок, я рванул к Призраку и еще перед тем, как он заметил меня, зажег несколько спичек сразу и бросил в картонную коробку у него в руках. И она моментально загорелась. Призрак отпрыгнул, отбросив коробку от себя и спустя секунд пять бросился за мной. Беги, Толик, беги! Я вдохнул и весь превратился в ветер. Ступенька, две, выше, а ну-ка с дороги! Я, отпихивая людей, полетел вверх на мост, подальше от платформы, потом вниз и в перелучки за деревья, а Призрак неся за мной. Еще с моста я краем глаза увидел, что коробка дымилась посередине платформы, а полицейские отгоняли людей. Ура! Погони нет, и, может, даже те негры тоже смогут удрать!

Но погоня еще как была. Призрак бегал не как ветер, а как смерч. Через пару улиц он с силой толкнул меня в плечо, я споткнулся и полетел на асфальт.

— Гад! О май гуднес! Решать меня достать?! — закричал он. — Что надо тебе? Ух, я тебя...

Он замахнулся, я зажмурил глаза, но удара не было. Призрак замер, а потом убрал руку и сплюнул рядом со мной.

— А я жалеть тебя! Оставить дома! А ты!... Мне теперь что говорить, где бумажки? О май... — И он отвернулся и пошел обратно.

«Не-ет! Только не обратно!» — Я попробовал встать, но понял, что не могу, потому что, кажется, ударился коленкой. Призрак остановился у дороги, постоял и вдруг махнул рукой и пошел в другую сторону, в сторону дома. Фух. Пронесло.

Ну а теперь, Толя, есть отличная возможность подумать, зачем ты это все сделал. Я присел на бордюр и огляделся. Быстро темнело, но сразу возвращаться

на платформу было страшно. Вдруг менты еще там и сразу узнают меня, тогда точно поймают и вернут в интернат. Тем более теперь я не убегу от них. Надо где-то перекантоваться одну ночь. Но тут я знал только один дом, где мне теперь точно не рады. С другой стороны, в подъезде там точно тепло, а если повезет, то на утро, когда Призрак уйдет, можно выпросить у Статуи мою табличку обратно.

Так и решил. Пытаясь не наступать на ногу (коленку больно резало), я начал прыгать в сторону дома Призрака. И чего мне не сиделось? Уж лучше бы я не успел выпрыгнуть из дверей! Паспорт болельщика... Выходит, они приехали со своими командами. И почему-то мне так жалко этих негров. Чего им всем теперь делать?

До дома я шел, как мне показалось, целую вечность. Приходилось останавливаться через каждые сто метров и присаживаться на забор или лавку. Хотелось плакать. Что мне-то теперь делать? Ведь я не могу ходить! Сначала еще встречались редкие прохожие, потом совсем пропали. Я все дольше сидел на своих вынужденных остановках и смотрел, как они залетают в подъезды, и спустя время загорается еще одно окно. Красноватые, белые, желтые, даже ярко-розовые квадратные окна выглядели уютными и теплыми. Где-то были видны старые люстры, горы пакетов на холодильнике, кактусы в горшках, и от этого попасть внутрь хотелось еще больше.

Наконец я доковылял до дома. В нем тоже кое-где горел свет, но все окна были либо закрыты фанерой, либо тяжелой шторой. Зайду в подъезд, который ближе, решил я. Меньше шансов натолкнуться на Призрака.

Вдали показалась фигура. Я заметил ее, как только она вышла из света последнего фонаря и стала темной. Какая разница, все равно я уже допрыгал до входа в первый подъезд. Когда потянул дверь, сзади мне на плечо легла рука. Ухватившись за ручку, я резко развернулся, и тусклый свет, открывшийся из подъезда, осветил лицо Призрака.

Я пошатнулся, но он удержал меня и начал быстро говорить:

— Я искать тебя. Я знаю, что полицейские забрать мои друзья. Я... — тут дверь медленно закрылась, и я перестал видеть его лицо. Он, видимо, продолжал что-то говорить, схватив меня другой рукой и уставившись мне прямо в лицо. Постепенно глаза снова привыкли к темноте, и я уловил, что на его лице нет злобы. Он был рад меня видеть.

Мы простояли так еще секунд десять, а потом он потянул меня за руку. Я сделал несколько быстрых шагов, но боль в коленке вернулась. Он понял, что я не могу идти, и подошел вплотную, забросил мою руку себе на плечо и практически поднял над землей.

Так идти стало гораздо легче — надо было только слегка отталкиваться здоровой ногой. Мы пошли во второй подъезд. Когда Призрак открыл дверь, в лицо мне ударил теплый свет лампы.

ГЛАВА 4

В детдом к нам приходила Лиля. Это не мы ее так прозвали, это было ее настоящее имя. Лилия. Других Лиль у нас не было, поэтому и прозвище ей придумывать не пришлось. Она переводила для нас песни.

В первую субботу каждого месяца Лиля заполняла наш детдом новыми басами и ритмами. Она ничего не боялась — напяливала на голову колпак звездочета или надевала восточную юбку с монетками. Мы рассаживались в холле, кто на диване, кто на подоконниках, кто на полу — ближе, еще поближе к ней — и смотрели. Обычно перед началом песни она подходила к каждому и настукивала ритм. Или хлопала в ладоши, чтобы мы повторяли. Но это было необязательно — она сама двигалась очень ритмично, перекидывая свои черные волосы с одного плеча на другое, как будто рисовала телом волны, ветер, любовь всякую. И рассказывала историю про девушку, о которой распускают слухи, что у нее нет забот, но на самом деле она так же, как все, как все, как все, просит себе счастья. Или про брошенную женщину, которой он говорил, что вместе и навсегда, и сердце пополам, но, видимо, что-то забыл. Во время пения лицо ее делалось подвижным настолько, что мы все спорили потом в столовке, умеет ли она реально шевелить носом или нам показалось. Но мы не смеялись над Лилей, нет, мы ей восхищались.

Девчонки, конечно, обожали «Маму» группы Пицца и песню Елки «Этот великолепный мир», а парни топили за «Капкан» рэпера Мота. У Лили был свой канал на YouTube, в котором она перепевала для нас песни. Чаще это были клипы с настоящей съемкой где-нибудь в городе, где она и телом, и губами, и руками рассказывала нам истории этих песен. Да, мне все они тоже, естественно, нравились, особенно Елка, потому что клип на ее песню Лиля снимала в Таиланде. Там она как будто освободилась от своих вечных водозамок. За ней мелькал и какой-то разрушенный храм с лианами, и мопеды, и море, и маргъшки. Я готов отдать палец, чтобы тоже туда попасть, а в идеале еще завести себе ручную маргъшку. Или мопед. А лучше и то и другое.

Но любимая песня у меня была другая. Я никому не рассказывал, что она мне нравится, и если кто-то включал, делал вид, что мне все равно, но если Лиля начинала ее петь во время наших встреч, во мне как

будто что-то лопалось от счастья. Это детская песенка, ничего в ней такого особенного нет, многие считают ее ерундовой. Там поется про то, как две звезды разговаривают с друг другом на небе, и одна спрашивает другую: «Сияешь?», а та: «Сияю». Дальше они обсуждают детей, Млечный Путь и время. На этом диалоге Лиля обычно так замедляла темп, что ее руки раскрывались и медленно спадали вниз, как звездопад. Мне тяжело описывать такие вещи, я же не поэт там какой-нибудь. Как Борис Гребенщиков вот.

Почему я вспомнил про Лилю? Просто примерно через неделю после того, как Призрак узнал о ментах и в благодарность предложил мне остаться, я узнал, какой на самом деле может быть музыка. Все эти дни Статуя ухаживала за моим коленом, накладывая на него тряпку, которую перед этим мочила в тазу с коричневой жидкостью и листьями. В тот вечер я уже мог неплохо ходить и практически не хромя пришел на Поляну пакетов (так я назвал комнату с пакетами, накрытыми простынями). И как-то внезапно, когда Призрак разгребал листовки, между его ног появился барабан. Совсем небольшой, непохожий на барабаны, что бывают на концертах, он был из дерева и узористой такой кожи. Призрак стер с него пыль, но не убрал ладонь, а медленно провел ею по всему барабану. И замер. Улыбнулся. Ладонь его словно приклеилась к этой коже, и он выводил на ней круги все быстрее и быстрее. Пауза. Он как будто подкрадывался к инструменту или будил его. Пауза. И тут Призрак резко ударил ладонью о его край. И я услышал! Гулкий бас, похожий на гудение Площади трех вокзалов. Руки его начали с краев и перебрались ударами к центру. Они стали сильными и ясными. Как стук сердца, когда бежишь или волнуешься. Он отстукивал пальцами, ребром ладони, пританцовывал плечами и коленями в ритм. Мне стало тревожно, будто я убегаю от контролеров, но в то же время страшно, что это закончится. Я понимал каждый звук и особенный кайф испытывал от того, что слышу его наравне с остальными.

Как только Призрак ударил по барабану, в комнату вбежала Косичка, волоча за руку Статую. Ее глаза уже танцевали. Она подхватила ритм и стала кружиться. С ее полулысой головы слетел платок, топ задрался, но она не обращала внимания. Босые ноги топали по полу и попадали ровно в ритм, так что стали его частью. Руками она поднималась выше, будто взлетала. За чем следить глазами? За ударами, за босыми ногами, за этими сумасшедшими глазами? В руках! В руках ее появились серебряные колокольчики на резинке. Она трясла ими, вибрировала, спускала и поднимала к потолку. Все превратилось в одни эти басы, все было в них. Из меня вырвался воздух, и я вскочил. Вообще ничего не чувствуя, кроме давящего

грудь звука, я затряс руками, головой, ногами. Закрыв глаза. Я слышу. Это были звуки в моей голове, которые мной управляли. Я — частичка пыли на пальцах между кожей барабана и кожей Призрака. Бац! Я обо что-то споткнулся и свалился на мешки. Открыл глаза. Косичка медленно под замедляющийся ритм опускала руки и смотрела прямо мне в глаза. Мне показалось, руками она пропела, нет, я точно рассмотрел. Она пропела: «Сияешь?» И я ответил: «Сияю».

Это был удивительный вечер. Призрак вообще-то был молчуном и редко разговаривал со мной. Да и с остальными тоже. Но барабаны его так развеселили, что в этот вечер он постоянно что-то выкрикивал, кажется, шутил. Как бы я ни старался не замечать (чувство чего-то стыдного не оставляло меня), все равно не мог не напарываться взглядом на их перемигивания и прикосновения. Не мог не видеть, как Косичка радостно посмотрела на Призрака, как сжала пальцы Статуи на несколько секунд, а та сделала также в ответ, как сама Статуя и Призрак переглядывались несколько раз с улыбками и глядели на кружащуюся Косичку. Это, что ль, и есть любовь? Они были реально счастливы, эти негры посреди пакетов с хламом.

Даже Черепаха была здесь. Она стояла в двери все это время и наблюдала, как нам весело. Наверное, она думала, что Статуя и Призрак красивая пара, а может быть, наоборот, сердилась, что они не заводят детей. Как-то в электричке я смотрел за разговором бабулек, которые долго жаловались на своих внуков, которые не хотят рожать детей. «Я уже в ее 24 двоих воспитывала, а она чего? Только о работе и разговоры. Да кому она нужна, работа, когда рожать надо».

«Все бабульки одинаковые», — подумал я, и так мне стало смешно от этого, что захотелось подбежать и затрясти лапы Черепахи, чтобы она тоже затанцевала.

Щербинка (как бы дом)

Дом подавал признаки жизни. То тут, то там вспыхивали и гасли лампочки. Так в электричках выглядят пьяницы, несчастные, опухшие, они по очереди приоткрывают по одному глазу, как бы интересуясь тем, что происходит в реальности, и в итоге зажмуриваются совсем.

Все из-за того, что свет в доме еще не перекрыли, но зажигать его дольше, чем на пять минут, боятся. Потому что на прошлой неделе что-то произошло.

Я шел с чеховской электрички к дому той же дорожкой, которой первый раз провел меня за собой Призрак. В нашитом секретном кармане лежало больше пяти тысяч. Сокровища Монтесумы! Не сине-зеленые камушки, конечно, зато коричневые, синеватые

и две фиолетовые бумажки. Это было больше, чем я зарабатывал раньше, — уже пару дней я приносил такие пачки, так что, можно сказать, это становилось обычным ежедневным доходом. Благодаря плетению Черепахи лоскутные корзины легко скручивались и убирались в карман, что я мастерски всем и показывал, но если надо, то они быстро раскрывались и выдерживали, между прочим, большой вес.

— Крафт! — пнула локтем в бок свою соседку одна пассажирка со жвачкой во рту и кивнула на меня.

Крафт-пивнушку на Щербинке у станции я знал, хоть, правда, и не понимал, что это значит. Но я отчетливо увидел, что она сказала это о моих корзинках. Чего общего у них с пивом? Может быть, невысокая цена? «Дешевая пивнушка» — «корзинка по дешевке». Или что-то о популярности. «Модная пивнушка» — «моднявая корзинка». В любом случае, слово явно не наше, но пишут его все почему-то по-русски.

Мимо меня пронесся парень на одном колесе. Вау! Обернувшись, я успел только поймать его спину, и он тут же свернул за поворот. Какая-то турбошина, но как мастерски он держал равновесие — и никаких поручней для рук. Я пнул болтающийся в руках пустой пакет из-под корзинок, сразу же запутался в нем и чуть не грохнулся.

О чем я думал? Ах да, о крафте. Так вот, вторая девушка на секунду перестала тыкать в экран телефона подушечками пальцев, которые у нее были с такими длинными выгнутыми ногтями, и обернулась ко мне. Из-под вытянутых очень странных треугольных очков выглянули перламутрово-зеленые глаза, а на груди оказалась надпись. Я прочел: «Не сахар».

— О, это экоматериал? — спросила она.

Я кивнул. Конечно, эко. Черепаха стирала свои жгуты с хозяйственным мылом, а потом сушила на солнце. А в интернате я слышал от нянек, что хозяйственное — самое экологичное.

— Слушай, — обратилась девушка «без сахара» к подруге, — такого я еще в ленте не видела. Такую можно вместо...

Как же она сказала? Вместо а... «авоськи в магаз таскать». Не знаю, что эта такая за авось, но таскать можно куда угодно, да. Приятно, ведь чаще покупают женщины да старушки, а тут — модные девчонки. Ну точно, «крафт» от слова «модный». «Модный без сахара».

В общем, у меня входило в привычку по дороге домой (пусть это не мой дом, но мне нравится говорить себе, что я иду после работы как бы домой) прокручивать в голове все лица, которые запомнились мне за день. Ведь вот уже два дня, как только я переступал порог, ко мне подбегала Косичка и просила, чтобы я корчил рожи всяких мужиков или бабулек, которых повстречал за день. И сразу начинала хохотать.

В кармане грелись сокровища. Часть я должен был отдать Статуе. За то, что использовал ткани Черепахи, да и за то, что всему у нее учился. Теперь я плел корзины сам, маленькие и большие, а еще украшения на голову и шею. Такой был наш негласный уговор. Для себя я решил, что пока Черепахе есть чему меня научить, я буду приносить эти деньги, да и, признаться честно, уютнее спать и есть в квартире. В центр я не совался, после того как однажды мне снова показалось, что я встретил Урода. Он по-прежнему иногда снился мне.

В первый раз мне не зря показалось, что район с двухэтажными домами безлюдный. Это была старая часть города. И если у станции было много вышек, «Магнит» и даже фонтан с огромными буквами «Я (сердечко) Щербинку», то здесь изредка проезжала одна или две машины, и то строительные. Со стороны старой голубятни шла стройка. Незаселенный район оказался расселенным. В двери первого подъезда я нашел полуоторванное старое объявление: «Уважаемые жильцы! По программе реновации, утвержденной жилищным фондом Москвы от 1 августа 2017 года, ваш дом подлежит сносу. Планируемый срок сноса: конец 2018 года. Просьба связаться с жилищной компанией для подписания договора и сдачи ключей». Конец две тысячи восемнадцатого уже давно закончился, но дом стоял. И мы в нем жили.

Я понял, что что-то произошло, когда поднялся и зашел в квартиру. Вместо Косички навстречу мне выбежала Статуя, но, увидев, остановилась. В глазах ее был страх. Потом, как секундные картинки, мелькнули недоумение, разочарование и даже что-то похожее на гнев. Может, последнее мне показалось. Статуя хорошо ко мне относилась. Но в этот вечер что-то поменялось. Впервые за полторы недели, что я здесь прожил, мне были не рады. Она ждала не меня, а Призрака.

На кухне, сгорбившись, сидела Черепаха и молчала кашу. Я сел напротив, достал деньги, положил на стол. Черепаха даже не подняла взгляда. Челюсть ее медленно двигалась, пережевывая вареные овощи.

Тут вбежала возбужденная Статуя, хотела что-то сказать Черепахе, но только она остановилась у стола, как что-то хлопнуло. Кажется, дверь. Поднялся сквозняк, и бумажка сверху стопки слетела со стола. Статуя тоже резко дернулась из комнаты. Деньги она не заметила, и я увидел, как тысяча улетела под кухонную плиту. Черепаха не двинулась. Я начал думать, не больно ли ей вот так жевать беззубым ртом еду, но почувствовал еще хлопок. Быстро вскочив, я подцепил деньги со стола и машинально засунул в карман. В прихожей стоял Призрак и кричал что-то Статуе, которая билась в истерике: махала руками, показывая то на Косичку, то на кухню. Потом она со-

всем обезумела и начала бросать в Призрака пакеты с листовками, которые стояли на входе. Желтые и зеленые листки взлетали и падали нам на лица. «Мех», «Шуб», «Дубл», «Фин», «Распр», «Успей». Призрак схватил Статую за руку, сжал так, что она присела, скукожилась, и быстро прошел в комнату. А Статуя прикрыла красный след на коже другой рукой и замолчала. По лицу ее текли дорожки слез. В щели Черепашьей комнаты я заметил мокрые глаза Косички.

Теперь я сидел на площадке напротив дома и смотрел, как мигает свет в окнах. Воду отключили, хоть и до этого она лилась тонкой ниткой. Помыть руки было нечем. Поэтому они так и остались в черных буквах с листовок, которые я собирал после ссоры в прихожей. «Ш», «Ме», «Х». Что за запахи здесь?

Рядом сидела Косичка и чертила что-то палкой на песке. Она уже не плакала. Я следил за тем, как остаются рыхлые кучки с двух сторон от линии — получались волны. Она всегда много рисовала просто так, а чаще для меня — их деревню, печку, дымящиеся лепешки, колючие кактусы у забора, змей. Я понял, что она совсем не боится их, а даже как-то уважает. На рисунках Косички змея часто заворачивалась и становилась похожа на луну. Я это понимал, потому что вокруг нее появлялись маленькие точки — звезды. Как грустно, наверное, Косичке сидеть в заброшенном доме на окраине Щербинки, где нет ни кактусов, ни змей, ни даже звезд. Благодаря этим рисункам мы научились кое-как понимать друг друга.

В последнее время (когда колено прошло и я стал ездить продавать корзинки Черепахи) мы давно не сидели вот так просто вместе. Все потому, что Косичка начала строить из себя взрослую. Меня бесило это даже больше, чем в первый день, когда она схватила меня за щеки. Я даже не смогу толком объяснить, просто она стала вести себя как выскочка, рисовала что-то все реже и больше не показывала их со Статуей детские фотки.

Сначала я думал, что дело в игре. Ок, не хочешь в шашки (их я нашел на Поляне пакетов), давай в догонялки. Или давай вместе плести корзины. Бесполезно. Вид у нее стал значительный, как будто ее готовят к полету в космос. Стала все сама убирать, мыть, однажды даже встала раньше и убрала мою тарелку, будто это она теперь тут хозяйка, а не Статуя. Если все по квартире уже переделала, Золушка, блин, то просто уходила в комнату и там шила. Не думал, что она это любит. Вся в себе, теперь она часто по вечерам шепталась с сестрой, причем делала такой вид, что они обсуждают вещи, которые мне даже не снились. Фу, как вспомню это ее лицо... Ну и гадкая она может быть!

Потихоньку становилось все серее. Каких-то полчаса — и будет темно, нужно идти домой. Ни ей, ни мне этого не хочется. Семья — это очень странно.

Сегодня ты торопишься домой, ешь среди близких людей, танцуете под барабаны, а завтра их же звук отдается внутри как приговор. Все молчат, смотрят друг на друга исподлобья: им есть что сказать, но они молчат. Эта тишина настолько отчетливая и тяжелая, что даже я ее понимаю. Из-за чего весь этот сырбор? В интернате мы все делали вид, что семья — это скучно. Жить отдельно, когда никому ничего не должен, и сам решаешь, что есть на завтрак, — вот что мы постоянно обсуждали. Но втайне все на эту свободу наплевали бы с высокого чердака, если бы нас спросили, что-нибудь, типа, «Поедешь к своей маме?».

Косичка начинала сливаться с темнотой, и был виден только ее полосатый платок, завязанный, как бандана, а еще белые бусинки на щиколотках. Она болтала ногами, и, от этого они то вспыхивали, то исчезали, как светлячки. В голове я рисовал из них узоры, пытался различить в темноте ее ноги. Когда мы последний раз все вместе собирались на кухне — это был их ритуал, — в конце ужина Призрак положил руку ей на колено. Это было не просто дружеское движение. Она вздрогнула, тревожно посмотрела на Статую. Куда-то ее выскочкин взгляд сразу подевался. Она как бы спрашивала: «Так надо?» Его руку не убрала. Статуя же грустно кивнула и вышла из кухни. В тот раз она спала со мной в большой комнате, на Поляне пакетов. А Косичка ночевала в комнате с Призраком. Не сразу, уже потом, после еще пары взглядов и его требовательных прикосновений, после которых она ночевала у него, я наконец вспомнил тот факт Безымянного про бесплодных старших сестер. Да ладно? Не может быть...

Пока я наблюдал, я понял, что внутри семьи тоже могут сделать больно. Наверное, Косичка не ожидала, что самые близкие люди обидят ее. А я ведь могу ее понять, я знаю, как это, когда вот так давят исподтишка. Я бы рассказал ей миллион таких случаев. Например, как однажды во время большой перемены мы играли в салки и я погнался за Димомом. Через деревья, шины с цветами, ограду. И тут на повороте он влетел в Урода. Я сразу затормозил, еле успел не влететь в них. Урод чуть пошатнулся, но не упал, поджал губы и молча взял Димона за лицо и сжал его щеки. Даже представить не могу, что чувствовал Димон, но я весь похолодел и отступил назад. Урод наклонился к самому его лицу и так пристально-пристально посмотрел на него. Мне показалось, что за своими торчащими усами он улыбнулся. Он что-то сказал Димону губами, а потом увидел меня и сразу убрал руку, отряхнул пиджак и прошел мимо. По лицу Димона я понял, что он еще чуть-чуть — и наложит в штаны. По крайней мере, в салки играть он больше не захотел.

Я все думал, что другие тоже так трогают. Сторож или директриса могли схватить за плечо или ухо.

Было больно. Особенно если сторож. Но Урод всегда приближался очень близко, дышал прямо в лицо, заглядывал в глаза. И в прикосновениях его был приказ. Косичка, да, теперь я не думаю, что мне показалось, я тебя понимаю, я ведь шел по тому белому коридору, видел на полу разводы от тряпки, свет от щели под кабинетом и двоих внутри. И все поменялось для меня тогда. Я убежал. А ты? Почему ты не бежишь? Меня поражало, что она воспринимает все это совершенно нормально. Как будто так и должно быть. Муж ее сестры вроде стал ей мужем, и она с этим смирилась.

Тревожно. Что за запахи тут? Я посмотрел на силуэт Косички и немного прижался к ее плечу. Должно стать спокойнее. Нет, нет, это не одно и то же. Там, в кабинете, эти прикосновения были чем-то запретным и гадким, а здесь Призрак не так трогал Косичку. Тут это было как само собой разумеющееся. Косичка продолжала болтать ногами.

В квартиру мы вернулись поздно. Статуя и Призрак были в комнате. Вся она дрожала от вибраций, по ощущениям они как минимум двигали там огромный шкаф или возили по полу многотонные коробки. Мы тихо легли спать, а наутро, когда я проснулся, ни Призрака, ни Косички со Статуей уже не было. Черепаха не вышла проводить меня, как обычно делала. Я заглянул на секунду к ней в комнату и увидел, что она связывает все свои тряпки в один жгут и закручивает, как Косичка закручивала змею на своих рисунках. Увидев меня, она на секунду замерла, а затем оставила пакеты и поползла ко мне. Приблизившись, она погладила меня по щеке и что-то сказала. Очень короткую фразу. А потом отвернулась и снова занялась своими змеями.

Всю дорогу, что я шел до платформы, высматривал Косичку и Статую. Куда они могли деться? Почему Черепаха собирает свои тряпки? Солнце впервые за долгое время с самого утра припекало. Если посмотреть на него в упор, из него и правда начинали выпрыгивать маленькие змейки.

Щербинка — Серпухов. Серпухов — Щербинка

В кармане я обнаружил вчерашнюю пачку денег и подумал, что надо бы не забыть отдать Статуе ее вечером, а то она решит, что я обманщик. Тревога не прошла и в электричке, хотя обычно я увлекался людьми и забывал обо всем. Я не мог перестать думать, что же значила вчерашняя ссора.

Добравшись до Серпухова, я совершенно потерялся. Не мог понять, что делать, выйти в город или ехать дальше. Хотелось вернуться, отдать Статуе деньги,

проверить, как там Косичка. Я сел на лавку и на автомате раскрыл сумку. Вместе с ободками, схемой электричек, парой неиспользованных лент, запасным коробком спичек, забытым сникерсом и двумя сложенными корзинками внутри были еще какие-то листы. Я достал их и сникерс. Это были рисунки Косички. Все те кактусы, домики и змеи, которые она нарисовала для меня. Я снова начал разглядывать их, поедая шоколадку. Тут рисунки потемнели — приехала электричка.

А что если и мне погнать в Эфиопию? Неужели они меня не возьмут? Интересно, сколькими самолетами нужно добираться? Я представил, как зеленый лес, который мы проезжали, резко сменился рыжей пустыней. Мы дернули бы стоп-кран, вышли посреди поля, а вдалеке уже была бы деревня Косички. Я бы отбивался от змей, а Черепаха несла бы на голове свою огромную корзину. Кто знает, может быть, местным понравились бы мои ободки. Я бы делал им их, а они кормили меня лепешками из навоза. Интересно, там есть верблюды? Тогда это был бы их навоз. Но Косичка почему-то никогда не рисовала верблюдов. Только змей... А от змей бывает навоз?

Я был так поглощен этим вопросом, что чуть не проехал Щербинку. Кто вообще сложил рисунки Косички мне в сумку? От всех этих мыслей голова моя опухла, и я быстрее побежал обратно к дому Призрака.

— Все нормально. Нормально! Просто легкий беспорядок.

Я стоял в коридоре и пытался прийти в себя. Они все шныряли взад-вперед по коридору, таскали какие-то коробки и эти долбаные клетчатые сумки. Никогда непонятно, что в них.

Голова продолжала опухать, а тут еще эта беготня. Что это все, черт возьми, значит? Квартиру будто перевернули, потрясли и снова поставили. Везде был раскидан какой-то хлам.

Я ухватил за руку пробегающую Косичку. Она была теплой, даже горячей. Как будто у нее температура. Я погладил руку. Чуть-чуть вверх-вниз перекатились бусинки ее браслетов.

— Погоди, замри, — пытался я сказать ей. — Побудь со мной.

Захотелось добавить:

— Мне страшно.

Но Косичка уже вырвала руку и, задрвав юбку, нагнулась, чтобы собрать с пола раскинутые тряпки. Когда она выпрямилась, я снова попробовал заглянуть ей в лицо, спросить хотя бы: «Куда вы?», но она была вся в своих мыслях и вряд ли вообще видела меня. Это была уже не Косичка, а какая-то Коса. Я ее не узнавал. Движения у нее стали какие-то более плавные, какие-то... соблазнительные. Мне пришла в голову эта

мысль, и смотреть на нее стало совсем невыносимо, я отодвинулся от нее, как от огня, а она как будто этого и ждала, чтобы быстро пройти на кухню.

Пришлось забиться в угол и закрыться занавеской. В тот самый, в котором сидела она, когда я в первый день проснулся у них в квартире. Здесь правда было будто безопасно, чувствовалось, что ты совсем один. Мне показалось, что я адски одинок, и все в этом доме стало мне противно. Никто здесь даже не может мне толком объяснить, что происходит. Я не на своем месте, среди чужих мне людей. Урод! Я сам — урод! И место мне среди уродов. В детском доме, а потом доме престарелых, куда соберут всех дедов из электричек и бомжей с вокзалов. Ненавижу себя. Ненавижу этих негров. Чтоб они сдохли!

Я бы еще долго так сидел, ненавидя всех, если бы меня не нашел Призрак. У него, как у Косички, были сосредоточенные глаза — он думал о своем. Но когда он заметил меня под занавеской, то на секунду очнулся и улыбнулся.

— Хороший парень, — сказал он и два раза ударил меня по плечу. — Обед. Есть идти.

Улыбка его меня смягчила. Как мало надо мне, как собаке: погладили за ухом — и уже рад. Может, все из-за голода? Вот ведь поесть позвали. Как своего.

Но на кухне никого не было.

— На, — кинул тарелку с кашей на стол Призрак и ушел.

Ну точно как собаке. Я даже скрючился и представил себя жалким псом. Мне хотелось жалеть себя и жалеть. Сделал щенячьи глаза, немного надул нижнюю губу. И огляделся. Ох, что за бардак тут был. Перевернутые кастрюли валялись на полу, пустой холодильник был открыт, на подоконнике была рассыпана земля из-под цветка. Рядом с плитой стояли открытые прозрачные миски, в которых разложили кашу. Штук шесть таких вот контейнеров, а рядом разноцветные крышки. Прямо на пикник собрались, только меню как в тюрьме.

Тут под столом я увидел ту самую скомканную тысячу, что улетела тогда со стола. Поднял. Никто даже не заметил ее со вчерашнего вечера. Ну о'кей, мне они нужнее. Если мы отправимся в Эфиопию, то там мне точно понадобятся деньги. И что, что мы поедем вместе? Я не хочу зависеть от этой семейки.

Когда я поел, то решил заглянуть к Черепахе, чтобы поплести корзины. Она уже закончила со своим огромным жгутом и теперь складывала в одну из корзин свои вещи. Я зашел и сел в углу. Достал из рюкзака одну корзинку и показал Черепахе. Она покачала головой, мол, не сегодня. А когда? Она махнула рукой. «Завтра». А будет завтра? «Куда ж оно денется», — улыбнулась она. И вот тогда моя тревога прошла. За-

втра никуда не денется, оно будет таким же, как сегодня. И как вчера. Пускай сегодня было неважным, но вчера было ничего.

Я улыбнулся ей в ответ. Встал, подошел к Черепахе и коснулся ее юбок: «Помочь?» «Не надо», — отвела она мою руку и показала на гору корзин. «Лучше их собери», — как бы говорила она, показывая мне, как сворачивать и складывать одну корзину на другую.

Я был рад. Корзины были и жесткие, и одновременно мягкие, если гладить пальцем в одном изгибе жгута. Чего тут только не было. И вафельное полотенце, и кусочки розовой футболки, и какой-то ворсистый фиолетовый пушистик. Одним словом, чистый крафт!

«Я возьму несколько, продать завтра». Я взял две и поднес к рюкзаку, чтобы Черепаха видела. Она ответила не сразу, опять пристально посмотрела на меня и только потом кивнула: «Бери». Чего так подозрительно-то? Или она знает, что я в последний раз не отдал деньги Статуе?

Весь вечер прошел в сборах. Я еще пару раз пытался с кем-то из них пообщаться, но они смотрели сквозь меня. Тревога вернулась. Я узнавал этот равнодушный взгляд — так на нас смотрели многие учителя в интернате. А были те, что смотрели плохо. Это хуже, чем взгляд сквозь, это что-то, что внутри все переворачивает, и некуда спрятаться.

Наутро все было как обычно. Только в квартире стало просторнее. У входа появилась гора связанных клетчатых сумок и пакетов на тележке. Косичка, Статуя были на месте, Призрак уже ушел. Я не знал, как спросить, когда мы уезжаем, поэтому решил спросить, идти ли сегодня работать. Я показал Статуе сумку, в которой лежали вчерашние непроданные ободки и новые сумки Черепахи, и показал на дверь. Она погладила меня по голове и уверенно кивнула: «Еще не сегодня, иди». И я пошел.

Рабочий день прошел незаметно. Проведя его на ногах, я чувствовал, что коленка опять начинает ныть. Я снова возвращался не поздно, потому что умудрился быстро продать почти все. Осталась только одна корзинка. Повернув к дому, я не заметил ничего необычного. И вдруг мелькнула мигалка, и я увидел полицейские машины. Много полицейских машин.

Я быстро свернул в подъезд и добежал до следующего, прижимаясь к дому. Многие окна были распахнуты, на них не было штор, а входные двери держались открытыми приставленными камнями. Я нырнул в подъезд и с ужасом увидел, что двери в квартиры тоже распахнуты. На лестнице валялись какие-то вещи. Я взлетел на второй этаж. К квартире Призрака. Я вбежал внутрь и понял, что в ней пусто. Остались только пакеты с листовками, кастрюли на

кухне, сваленные в углу пыльные простыни. Не было ни Черепахи, ни Призрака, ни Статуи, ни Косички. Не может быть. Они не могли меня бросить.

Как в тумане я спускался по лестнице. Шаг, шаг. Сердце билось в груди. Стук, стук. Открыв дверь, лицом к лицу я столкнулся с полицейским.

ГЛАВА 5

После поворота показалось желтоватое здание интерната. В открытое переднее окно влетел запах какао — стало понятно, сейчас около четырех, время полдника. Ментовская машина тряслась по насыпной дороге, ведущей ко двору. Я угадывал в голове предметы, которые через секунду появлялись перед глазами: сейчас будет клумба из шины, сейчас — корень, пробивший асфальт, сейчас — качели, окна актового зала, окно кабинета директора, окно, окно... Мелькнуло лицо. И стукнуло в груди. Неужели я сейчас увижу Безымянного? Что он мне скажет? Хотя чего тут думать, рассмеется он, своими кривыми зубами польбится и будет показывать пальцем, мол, ну и чего ты добился, лох. Сам ты лох...

Почему меня волновала встреча именно с Безымянным? Не знаю, наверное, я просто устал бояться встречи с другим человеком. В полицейском участке, когда я сидел в комнате напротив мента в форме (он отхлебывал кофе, и над верхней губой у него остался светло-коричневый след), я не мог перестать думать об Уроде. Мне было так страшно, а от этих кофейных усиков и теплого запаха становилось еще хуже. Пока мы ехали в машине из Щербинки (тогда в подъезде я попытался убежать, но менты меня схватили и начали спрашивать имя, адрес, родителей), я решил, что ничего не расскажу им о неграх. Но сидя в кабинете, я уже не думал о них. Больше меня пугало, куда они отправят меня. Когда мент допил кофе, в кабинет зашла женщина.

— А вот и переводчик для тебя, — кивнул на нее он.

Я обернулся. Это была приятная женщина с большой грудью, на которой лежал крестик. Она обошла стол и прикрыла жалюзи. Из-за открытой форточки они все равно шевелились и чуть-чуть пропускали солнце. Я решил, что не буду с ней говорить, но когда она села на место мента, то сказала:

— Привет, Толя!

Я не пошевелился.

— Не бойся. Я здесь, чтобы тебе стало легче.

Я молчал. Она внимательно осмотрела меня и снова подняла руки:

— Не хочешь общаться? Но мне ты можешь рассказать все, что тебя беспокоит. Я не из полиции. Видишь, я знаю твое имя, знаю, откуда ты.

«Это меня и напрягает», — подумал я.

— Почему ты сбежал из интерната? — спросила она.

— Захотел.

— Понимаю. Это из-за Игоря Львовича?

Я вздрогнул. Она говорила про Урода. Неужели они знают?

— Это мой учитель по истории.

— Я знаю, — сказала она и так посмотрела на меня...

Даже не знаю, как объяснить, всеми своими глазами она так пожалела меня.

Эта жалость... Почему она жалеет меня? И тут к горлу подкатило. А вдруг она и вправду не из полиции? Может, она сможет понять, эта женщина с большой грудью? Я точно, уже точно знаю, я понял, что все, что там было, это неправильно, что надо по-другому... И тут ни с того ни с сего я разревелся. Как девчонка. И не мог, никак не мог остановиться.

Я плакал долго, кажется, потом что-то отвечал на ее вопросы, рукавом вытирая слезы. Я ей сказал, что это было что-то плохое, что-то неправильное, что я что-то видел, что теперь я знаю, как взрослые могут любить детей, что Урод нас ненавидел. Она сидела молча, кивала и вздыхала.

— Это ты у негров понял, Толя? — спросила она.

— Да-а! Они любят друг друга. Я видел. Даже не смотря на то что... — тут я осекся.

Кажется, я не планировал этого рассказывать. Но женщина выглядела спокойно, как будто она уже давно знала об этом.

— Они же стали твоими друзьями? — продолжила она. — А ты знал, что у них нет документов? Им опасно тут.

— Знал.

— Ты жил у них?

— Чуть-чуть.

— Как их звали?

— Не знаю.

— А где они сейчас?

— Не знаю.

— Я думаю, они собирали свои вещи, чтобы поехать домой. На родину. Но они могли потеряться.

— Могли, — согласился я и вспомнил, что ни Косичка, ни Статуя, ни тем более Черепаха практически не выходили дальше двора.

— Расскажи, как они выглядели, — попросила женщина.

Ее грудь слегка поднялась, и в крестик попал луч.

Я замаялся. А что если Призраку правда нужна помощь? Что если полиция реально поможет им добраться домой?

— Им нужно помочь, Толя. Ведь здесь они чужие.

Ах вот что вас волнует! И дебил же я... Да вы и помогать им не хотите, вы просто хотите убрать еще одну проблему, еще одних людей! Уж нетушки. Сту-

чать на тех, с кем жил, на тех, с кем хотел уехать? В интернате таким мы устраивали жесткие темные. Они и сами доберутся.

Но ведь они бросили меня... Я мог бы ехать сейчас с ними в Эфиопию. Я вспомнил, как мечтал в электричке, что увижу деревню Косички, ту церковь, ее дом. А теперь я сижу в темном кабинете, где воняет кофе, и не знаю, что со мной будет. Тут меня охватила такая злоба. Еще эта тетка с огромными сиськами, чтоб ты...

— Толя?

— Не знаю я! Отвалите!

— Толя! Ты же понимаешь, что мы отправим тебя обратно?

Ах ты ж гадюка драная, выпытала из меня все про Урода, а теперь к нему прямо в руки отправляет!

— Толя, ты отказываешься нам помогать? — Это она уже спросила, когда за ее спину зашел и встал на фоне дрожащих жалюзи мент. Усы свои кофейные он уже облизал.

Я молчал. В голове пульсировала только одна мысль: «Нет, нет, только не к нему! Нет, пожалуйста, нет. Он будет на меня так смотреть, он все поймет, что я сдал его, он попросит меня остаться после уроков!»

— Он не скажет, — сказала женщина менту, повернувшись боком. — Он рассказал только про интернат.

Ох, я готов был разорвать ее! А лучше поджечь! Ты думаешь, я не смогу, старая дура? Да ты знаешь вообще, что я могу?!

Все внутри горело, я сжал в кармане коробок, когда она встала из-за стола и двинулась ко мне. Я бы поджег ее, честное слово, но мент тоже пошел за ней, и когда она поравнялась со мной и похлопала по плечу, мент наклонился прямо напротив и уперся в колени.

— Не скажет, значит? Ничего, мы их и так найдем. Не зря же они сбежали, оставив половину вещей. Испуга-а-ались.

Они сбежали раньше, чем хотели? Тут я вспомнил уверенный кивок Статуи на мой вопрос, идти ли сегодня работать. Ох, и зачем только я ее послушался! Если бы я остался, если бы только остался, то был бы уже с ними на полпути к Африке!

— Как же вы общались? — спросил мент, даже не рассчитывая, что я отвечу. — Они тебя надурили, малыш. Никакие они не болевщики, обычные беженцы. Прихватили старуху, пожитки и всей семьей под шумок чемпионата мира притащились к нам. Их тут теперь знаешь сколько, это ты еще к добрым попал.

«А что теперь? — думал я, наблюдая, как мент возвращается обратно к столу и берет телефон. — Они отправят меня обратно в интернат? И что со мной будет, когда Урод узнает?»

Машина затормозила, и я снова подумал о Безымянном. Мент спереди снял с пуза ремень, вдавил си-

денье и, как от пружины, выскочил из машины. Она при этом закачалась. Следом в открывшуюся дверь послушно полез и я. Все равно уже никуда не дернешь отсюда. Я снова здесь.

Я поднял голову. И остолбенел. На пороге толпились Близняшки, директриса, технологичка, схуднувший Димон, чуваки из второй группы. Кто-то улыбнулся. Близняшки замахали двумя свободными руками. Безымянного я сначала не заметил, но потом спалил его в черном капюшоне чуть в стороне. Он, как всегда, смотрел исподлобья. И меня как будто отпустило, страх исчез. Это же они, мои родные.

Я столько натерпелся за эти недели, столько передумал, пока меня держали в полиции. Мне кажется, я никогда в жизни так много не думал, как за все эти дни. А тут... Меня подхватило. Это было течение интерната, которое я так хорошо знал: куда бы ты ни пошел, чего бы ни делал в свободное время, оно все равно тебя находило, хватало и тащило. На завтрак, на занятия, на послеобеденный отдых, на тренировку во дворе, на стирку вещей, на просмотр телика... И сейчас я понял, что соскучился по нему.

Я не заметил, как меня окружили все наши, как они прыгали вокруг, как бежали потом за мной по коридору, как я оказался в кабинете директора, потом в своей комнате, в ванне, и вот уже в новой чистой одежде, как рядом появились вещи из рюкзака. Я выхватил его из рук няньки. «Оставь! Я сам!» Она не стала спорить, пожалала плечами и вышла из комнаты.

Я открыл его. Вся моя жизнь «там» была тут. Я достал карту пригородных поездов. Раскрыл и провел пальцем по всем вмятым линиям, которые я сделал ручкой или карандашом. Вот тут я встретил Фею, а здесь Шерлока, на ленинградском и курском направлении я продал больше всего ободков, а тут меня побил Хромой. Даже его я вспомнил с какой-то теплотой. А где бы я отметил Эфиопию, если бы я поехал? Надо уточнить у Безымянного.

В рюкзаке я нашел последнюю непроданную корзинку Черепахи. Ту самую, с фиолетовым «пушистиком». Хорошо, что она осталась, теперь мне точно не покажется, что я все это придумал.

В комнату вошел Безымянный. Он не стал лыбиться и называть меня лохом, наоборот, он тихо сел рядом и стал смотреть на вещи у меня в руках. Я понял, что ему интересно.

«Я плел и продавал такие штуки в электричках».

Его глаза сделались круглыми. Он взял корзинку в руки и расправил.

«Большая, — пошевелил он губами и подкинул. — Легкая».

Затем погладил пушистый жгут: «Прикольнo».

Мы помолчали.

«Мне жаль, что все так случилось».

Я кивнул: «Я рад, что мы снова встретились».

Безмянный отвернулся. Пока молчали, я думал, как рассказать ему, что частично его фраза «тебя будут ненавидеть за то, что ты калека» оказалась правдой. Как доказать, что частично и нет. Я решил, что не буду рассказывать ему все сразу, а то не поверит.

«Пройдемся?»

Мы встали. Я уже выходил из комнаты, как Безмянный тронул меня за плечо: «Я тоже рад».

Мне показалось, или у него реально были красные глаза, не знаю. Лучше, чтобы показалось.

Мы шли по коридору сначала спального этажа, потом спустились на второй — с классами. Безмянный сначала шел рядом, а потом оживился, обогнал меня и стал задом пятиться назад: «У нас тоже много чего произошло».

Интересно узнать. Что Сухой снова заломил кому-нибудь? Или мелкие опять залажали спартакиаду?

«После того как ты сбежал, такой дурдом поднялся, — активно замахал он руками. — Каждый день тут были менты, с мигалками, с собаками. Говорили, что вроде нашли твой след, а потом потеряли, мол, на какой-то большой площади».

«Площадь трех вокзалов! Я сразу туда поехал!»

«Да ты красав. Я все офигевал, как у тебя мозгов хватило все это так повернуть. А потом менты каждого допрашивали, прямо с уроков выхватывали. Никто ни о чем другом не говорил. Только о тебе. А потом...»

Безмянный опустил руки. Мы проходили прямо мимо кабинета Урода. Я сразу втянул шею, чтобы он не заметил нас через стекло, но было поздно. Внутри шел урок, учитель повернулся от доски. И тут я понял, что это не он. Нет, это точно был кабинет истории, но внутри был не историкан. Я никогда не видел этого препода.

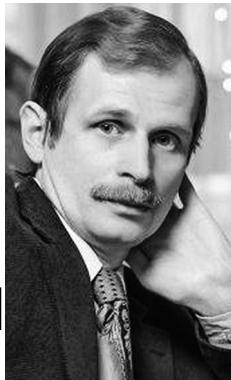
Я уставился на Безмянного: «Это еще кто?» — «Новый историкан». — «В смысле? А Урод?» — «Это и хотел рассказать. Урода увезли». — «Что?!»

«Толь, — Безмянный застыл на секунду, — за Уродом приехали. Менты уже откуда-то что-то знали. Нас всех вызывали, спрашивали про тебя, но еще и про него. Многие не признавались. Первый рассказал Димон. Он разревелся и все выдал им. А после уже и другие».

Я не мог поверить своим глазам. Учитель подошел к двери и вопросительно смотрел на нас. У него были прозрачные очки, а за ними внимательные глаза. Безмянный жестом поздоровался с ним и потащил меня за руку дальше. Ноги у меня стали ватными. Выходит, благодаря моему побегу мы избавились от Урода? Безмянный посадил меня на подоконник, а я не мог перестать тарашиться на него, как на привидение.

«Толь, — он пощелкал пальцами у моих глаз. — Он больше сюда не вернется. Мы все рассказали».

Тогда я еще не мог понять, что будет с интернатом и с нами, но для себя четко решил, что карта пригородных поездов — это только начало.



Алексей САМОЙЛОВ

Алексей Самойлов родился и живет в Москве. Окончил Технологический университет. Читал лекции в МГИМО, Высшей школе экономики, Академии народного хозяйства. Печатался в сборниках Литинститута имени Горького (семинар «Белкин»), в журналах «Урал», «Дружба народов», «Аврора», «Нева». Лауреат XI Волошинского литконкурса — 2013 за рассказ «Ровно в восемь».

АНТИЛОПА С УЛИЦЫ ХОЛЬЗУНОВА

РАССКАЗ

Рисунок Марины Медведевой

1

В понедельник, второго ноября, историчка Ксанна пришла в новом костюме. Серая в полоску юбка и пиджак. Пока она шла от метро, то и дело улыбалась. С обновкой связаны были у нее кое-какие приятные выдумки. В школьном вестибюле Ксанна распахнула пальто, оглядела себя. Костюм ей идет, никаких сомнений. Жаль, что нельзя в сапожках. Она и туфли на неделе купит, замшевые, с ремешком. И выйдет красота. «Красота», — повторила Ксанна шепотом.

В учительской за столами оттенка ряженки прихорашивались уже литша Йуда (букву «эл» любила она повалить во рту, как карамель), «младшка» Тамочка (узкие височки, желтоватые круглые щеки, глуповата, но замужем!) и физичка, приближенная директрисы, Роберта Юрьевна по прозвищу Робик. Все трое долго разглядывали Ксанну.

— А плечики подкладные или вшитые? — выскочило наконец у Тамочки.

— Вшитые.

Ксанна с удовольствием повернулась, развела руками. «Как на подиуме», — подумала она.

Робик сладко улыбалась и думала: «Куда такой долговязой задом-то вертеть!» Робик, дама мясистая, обширная, давно за пятьдесят, считала, что только она умеет одеваться.

Да разве дело в тряпках! У каждого должно быть место, отведенное ею, Робиком (ну, и директрисой, ладно уж). «Тоже мне, модель. Верста верстой, а руками машет». Вот она, Робик, притащилась три дня назад в новой юбке, так никто не заметил. Кроме, конечно, подлизы Зориной из седьмого «А». Но та не в счет, соплюха еще.

Робик с гаснущей улыбкой на длинном лице поднялась, прошелестела к лаковой двери с надписью «Директор». Ксанна закончила показ, пошла за лейкой. Как самой высокой, ей поручено было опекать блеклую герань, которая маялась в кашпо на стене.

— Разоделась как... — Лобик Тамочки собрался складками, так хотелось ей припечатать Ксанну.

— Стюардесса, — подсказала Йуда рассеянно. Ей нравились свары без повода.

— Стюардесса, да без пилота!

Тамочка фыркнула, у Ксанны дрогнула рука, из кашпо полилось на пол. Конечно, Тамочке легко говорить, у нее есть муж-инженер. Для учительок здешних редкость. Йуда поморщилась и отвернулась. И она, и пухлая Робик — разведенки. А долговязая Ксанна и замужем-то никогда не была.

Как говорит Светлаша, «пропорция юбок к штанам не в нашу, девочки, пользу». Физрук, трудовик да

математик, вот и все здешние штаны. Правда, обещали биолога, но это когда еще будет.

Робик скрипнула директорской дверью, просеменила на место. Из кабинета выглянула Светлаша, качнула высокой прической. («Такие в моду вошли, когда Гагарина запускали», — высказывалась как-то на эту тему англичанка Марита Евсеевна, Ритуля.)

Оглядев Ксанну, она пробарабанила по притолоке нечто нервное, огладила гладкие бока и сказала:

— Зайди-ка!

Ксанна вздохнула, поставила лейку на место и направилась к Светлаше. Спина ее привычно провисла, про подиум уже не вспоминалось.

Когда Ксанна притворила дверь, Светлаша уселась в кресло, уперлась носками в ковер и развела руками.

— Вчера за ней снова заезжал этот... в кожанке. Рожа узкая, еще косичка какая-то. Попадем мы с тобой в историю, вот увидишь.

Ксанна удивилась.

— Кто приезжал, к кому?

— К Милке, к Милке. — Светлаша покрутила головой и приоткрыла ровно выкрашенный кармином рот.

Ксанна вдруг вспомнила, что Светлашиному мужу дали весной генерала, поэтому поводу она устроила даже «безмц для своих». Муж у Светлаши высокий, худой, интересный. Как умудрилась эта сдобная толстушка такого отхватить, да еще после развода со своим первым, да еще имея непутевого долговязого сына, уму непостижимо. «Загребущая, — определяла Светлашу Ритуля, — за шкирку и в корзину».

Сюда, в 606-ю, Ксанна пришла после института. Она и практику тут проходила. Светлаша была тогда размякшая, опекала ее, у нее как раз шли бракоразводные бои. И Ксанна как пришла, так и протрубила пять лет историчкой с восьмого по выпускной.

Новейшая история — предмет «жареный». Наверху то и дело меняли ориентиры, но мысли-то в головах сами по себе. Ну, с этим кое-как она справлялась. Плохо было то, что мама Ксанны, Лариса Ивановна, жить не могла без «поисков». Маме непременно хотелось выдать ее замуж. Ксанна считала эту тему делом интимным, но Лариса Ивановна была другого мнения. «Это что же, твоя шестьсот шестая вместо мужа? За тридцать уже, а ума нет. Да сколько не сиди там, никто и не вспомнит, стоит им за ворота с аттестатами вылететь. Останешься ты одна. У всех как у людей, а у нас... Нет здесь видов, уходи. Не сошелся свет клином на этой школе. Маришка договорится, если я попрошу...» Честно сказать, мама права. Но только соберешься уходить, тут как раз и сентябрь. И появляется «ее новенький».

С некоторых пор выходило так, что в выпускном ее классе оказывался новичок из другой школы, другого города, а возможно, с другой планеты... Возникал

в свете безразличных классных плафонов. Тогда для Ксанны и наступало особое время года. Она всегда старалась поддерживать у своих подопечных определенный уровень. Но совсем другое дело, если было для кого... Новенького следовало поразить, опрокинуть и победить сразу, за неделю.

Ксанна устраивала вечерние факультативы, когда столешницу грел проектор. Ничто не слишком, она выбила у Светлаши новый комп. Лекции Ксанны сопровождали показы музейных полотен, документалка и обрывки киноэпопей. Новенький то и дело оказывался дежурным. Он вывешивал карты и экран, раскладывал провода под строгим взглядом Ксанны. Она попеременно представляла себя дикторшей, актрисой и Изабеллой Испанской, о которой в новейшей истории ничего, впрочем, не говорится.

В такие времена в гардеробе Ксанны происходили важные изменения. Теперь, открывая большое отделение платяного шкафа, она вспоминала, как звали мальчика, который «вызвал» именно этот плащ, юбку или свитер. Миша Королев, Андрей, Дима, еще один Миша, Гребнев... На этот раз новенького звали Сережа. Именно поэтому осенний кремовый костюм сменил сегодня новый, пепельно-серый, с юбкой покорооче.

— ...Да видела я мамашу, видела. Милка как хочет ей, так и крутит. — Светлаша поморщилась и взглянула в окно.

606-я располагается на Шаболовке, в гуще медленной переулочной жизни. Шуховская башня, опоясанная по вечерам синими огнями, возносится в небо чуть левее. Дальше, к Серпуховке, попахивает престарелой парфюмерной фабрикой.

Конечно, зимой место глухое, но в синих метельных вечерах чудятся Ксанне яркие незванные глаза и сказанное шепотом «если...» Иногда, под настроение, сочиняла она стихи. Так, кое-что, для себя... И для него. Для новенького? В общем, район как район, похож на собачонку. Бывают такие, с красивыми глазами, кривыми короткими ножками и пушистым хвостом. Все здесь простое, понятное. Стена так стена, окно так окно.

Не считая, разумеется, знаменитой башни. Ее Башни. Она то и дело попадалась Ксанне на глаза. Иногда, на обратном неспешном пути домой, Ксанна и Башня беседовали. Башня советовала ей не расстраиваться. На всей Шаболовке мало таких, как они с Ксанной, высоких и элегантных.

Из метро Башни видно не было, там Ксанну то и дело просили подвинуться. Из-за роста пассажирам казалось, что она занимает слишком много места. Иногда Ксанна огрызалась, недомерки, мол. Рослых мужчин, честно сказать, попадалось ей немного.

И, как назло, за рукав их держали щуплые девчонки, похожие на Тамочку.

Милка Зайцева, в самом деле, стояла ей немало нервов. В каждом классе, как убедилась Ксанна, непременно есть своя Зубрилка (Тихоня или Пробивная), Свисток (Сальный), Глазки (Губки), Косы (Не пойду), Вечная подружка, Шуток и База. Чем ребята старше, тем типы эти ярче.

Вот Милка, например, настоящие Губки. Причем в самом опасном варианте, Губки безразличные или Все готово. Рядом со своей одноклассницей Женей Левиной (безответная Тихоня. Очки, челка, хвостик, бежевый свитер. Любимая книга «Унесенные ветром»), рядом с этой Женей Милка Зайцева казалась мамашкой. Когда Милка поворачивалась к соседке, груди ее выпирали из кофточки так, что Дима Зяблин (Шуток) краснел и отводил глаза, а Мишка Мыльников (Свисток) пригибался и пялился, облизывая бескровные губы. Что касается новенького, «ее новенького», Сережки, то он имел одну только обязанность — не сводить глаз с самой Ксанны.

Милка, впрочем, являлась к тому же типом редким, а именно Губки-Загадка, судя по ее раздумчивым ответам на уроках самой Ксанны и неплохим отзывам Ритули. Впрочем, в уме Светлаша отказывала Милке категорически. И тому, разумеется, были свои причины.

— ...Знаешь, какое у нее прозвище, знаешь? Дай-На! Как бы ее до весны-то дотянуть? Еще выскочит с историей.

Ксанна о прозвище, конечно, знала, но была уверена, что Загадка перевесит Губки. Хотя и выходила некоторая опасность от Все готово.

— Я с ней поговорю еще раз.

— Поговори, поговори! И обязательно про юбку скажи. Девчонка не может ходить в такой... Нет, вот в такой...

Ладонь Светлаши проехала поперек мощной ляжки.

— Ну, мне, что ли, думаешь, форма эта нравится. — Светлаша дернула ткань строгой своей блузки. — И ничего, хожу. Ритуля разоделась, не поймешь, на французский она собралась, в седьмой класс, или в Сочи с хахалем.

Светлаша озабоченно провела по отвисяющим бокам и спросила:

— Танюш, не проморгай девку, очень тебя прошу... И сама коленками светишь! Доведете вы меня, девчонки, до инфаркта.

В лаковой сумочке крикнуло, и Синатра затянул про странников в ночи. Светлаша махнула Ксанне ладонью, иди, мол. Лицо ее изменилось, как только она взглянула на номер. Как видно, звонили сверху. Ксан-

на развернулась и вышла из кабинета. Не за горами уже выпускная пора, дележка аттестатов и медалей. Светлашкин урожай. Нет, ей своего Сережку никак на медаль не вытянуть. Надо будет с матерью его и с Робкой поговорить. Ксанна развернулась и задела шкаф. В нем звякнули школьные призы.

«Ну, поскакала, нескладеха... Действительно, Антилопа», — подумала мельком Светлаша, поглаживая щеку.

В учительской цокали каблучки и пахло сладкими духами. Тамочка тыкала смешной рыжей девчонке журналом в плечо, выговаривала за что-то, та вяло качала жиденькими косичками. Ритуля обтягивала кофточку, поворачиваясь перед зеркалом.

Тамочка была в курсе всех школьных сплетен.

— Притащит она Светлаше в подоле, — сужала глазки Тамочка, рассказывая очередную версию кому-то в коридоре, — запросто. Вон в семере, на Сухаревке, был случай в прошлом году. Такая же вот девка...

Тамочка надула щеки, прикрыла глаза и развела руки на уровне бедер, показывая Милкины габариты. Тамочка, конечно, дурковата, хотя малышня ее любит. Но куда ей понять старших. Ксанна и сама иногда не может разобраться. А уж, казалось бы...

2

Из-за угла выскочили мальчишки, один верхом на другом. Только вывалили, а навстречу историчка.

— Куда скачем?

Оба устались в пол. Один покрепче, позлее, глаза темные. «Свисток? Сразу не поймешь, надо будет у Тамочки спросить, ее ведь гвардия». И ехал он на другом, рыженьком, с тонкими плечами.

— А ты, Дорофеев, не первый раз попадаешься! Пойдете сейчас к Тамаре Алексеевне и скажете...

Худенький поднял голову, Ксанне стало его жаль. И почему на таких всегда ездят? Она покачала головой. И подумала, что у нее самой мог быть такой вот маленький Дорофеев. «В подоле принесет...»

В коридоре раздался визг, кого-то шмякнули рюкзаком. Румяная толстуха сосредоточенно вытаскивала очищенное яблоко из фольги. До звонка оставалось четыре минуты.

Милка сидела смирно. Как не хитри, милая, на Тихоню ты не тянешь. Сегодня Милка надела нечто лиловое, длинное. К подоле претензий нет. Подол соответствует. Ну а вырез зачем такой? Милка, как видно, куда-то собиралась сегодня. С приятелем, про которого Светлаша говорила.

Милка взглянула на Ксанну. Вырез? А что? Разве некрасиво? Так о чем разговор?

В классе к Милке прислушивались. Одно ее «да брось ты» много значило. И враньем было это «дай», а тем более «на». Любой схлопотал бы только за намек по шее. Но Ксанне казалось, что-то пропало из больших Милкиных глаз. Вот недавно, прошлой весной, еще переливалось там. А теперь потерялось. Ну, про такие тонкости не станешь Светлаше рассказывать, не поймет она.

— Галина Ксанна, а Миляев стол сломал...

Рамила фыркнула и оглянулась. Толстяк Миляев ей нравился. У татарочки Рамили личико круглое, нежное, с яблочным отливом. И как ей только не жарко целый день в плотном своем платке. Традиция? Бабка заставляет, а матери, например, все равно.

— Ну раз сломал, мы его попросим к доске. Расскажи, Толя, как готовился Гитлер к войне? Или никак он не готовился, а?

«Новенький» Сережа сидел наискосок он учительского стола. Казалось бы, какая разница, кто где сидит. Только все запуталось именно поэтому. Запуталось или прояснилось? Не разберешь.

Стол Ксаннны находился в правом углу класса, у окна (ей видна стена заводика, сизый ангар, автобус на ремонте, потом несколько лип и старый домишко). Приятельница ее, Башня, была тут как тут, заглядывает в самое окно. Слушала ли она их разговоры, понять трудно, может, дремала под ветром, что ж такого), Милка в среднем ряду, в самом центре комнаты, а Сережа в первом от двери ряду, левее Милки. Такая вот шахматная диспозиция.

Ксанна, конечно, королева, а Сережка офицер. А Милка? Ну, для Милки не было на доске подходящей фигуры, Ксанна с удовольствием записала бы ее в пешки. Но Милка никак для этого не подходила. Но королевой, пускай и опасной, темной масти, Ксанна ни за что не хотела ее признавать. Много чести.

Расположение было таково, что Ксанна и Сережа часто встречались взглядами, причем нередко Ксанна отмечала у Сережи некий интерес. О том, что диагональ, на которой они оказались втроем с Милкой, штука сложная, Ксанне в голову не приходило. На кого же еще мог смотреть Сереже, только на нее, на Ксанну. Милка может сколько угодно поворачиваться, провожать его глазами. Сереже до нее дела нет.

Раздумывая примерно так, Ксанна расспрашивала Миляева о планах Гитлера в конце тридцатых.

— И они... и он... собирался напасть на... Сначала занял... а потом случилась провокация на границе... После этого...

Поплыл друг, а вопрос-то ерундовый.

— Ну что же, Миляев, твоя позиция заставляет вспомнить болгарского царя. Он рассматривал европейскую политику сходным образом. «Собирался, потом раздумал...» Кто и куда собирался, очень ту-

манно. Ну-ка, Мила, помоги Миляеву! Можешь с места. (Сейчас встанет, парни на нее вылупятся, пойдет базар.) А Миляев попытается найти на карте страны, которые были захвачены гитлеровской Германией к июню тридцать девятого... К июню, Миляев, к июню, не позже!

Милка повернулась, провела взглядом по классу. Ксанна отметила, как подняли головы мальчишки, поправила прядь волос и начала довольно бойко. Сережка смотрел в окно, но когда фамилия Гитлер была повторена в третий раз, причем все с большей неприязнью, он уставился на Ксанну и сказал:

— Между прочим, Гитлер имел два Железных креста за храбрость. Еще за Первую мировую. А то Гитлер, Гитлер... Он ведь художником мог стать, тогда бы...

Ксанна кивала на речи Сережи. Пускай, пускай. Ей самой такие мысли не раз приходили в голову.

Но Сережа запустил про Гитлера не просто так. Что-то в Милке его, как видно, задело.

Теперь курс новейшей истории начинает двадцатый век успехами науки и искусства. Оттуда убрали идеологию (пролетариат, капиталисты, революция мировая), сгладили акценты. Решили, наверное, не обострять. Поэтому в какой оттенок выкрасить того или иного персонажа из предвоенного десятилетия, сообразить не так-то просто.

— Гитлер? Че это Гитлер? Ты откуда это взял? — влез в разговор Мыльников.

— Сергей прав. Гитлер действительно получил эти награды, когда был простым ефрейтором... И рисованием тоже занимался... Была у него такая мечта. Что же ты думаешь, он с детства в людоеды готовился?

— Ну, Гитлер же того... Двинутый был... — продолжил свои рассуждения Мыльников.

И этот вылез не просто так. Сережу, как всякого новенького, следовало выловить на какой-то острой фразе и показать перед всем классом, кто тут хозяин. Но тут Мыльников оказался на чужом поле. Это тебе не во дворе. И Мыльникову, пожалуй, достанется.

— Двинутый. Очень интересно. Психически больной, так тебя следует понимать?

Мыльников кивнул. Он посмотрел на Милку, потом на Сережу. Что-то там у этих троих странное. Пол-урока спал, а теперь ввязался.

— Гитлер участвовал во многих знаменитых сражениях Первой мировой. Несколько раз был контужен, ранен, отравлен газами... Зря улыбаешься, Мыльников, это достаточно страшное зрелище, газовая атака... На некоторое время ослеп. При другой концентрации глаза могли запросто вытечь. Как тебе такое? Ну, теперь вопрос ко всем. Когда и кем были впервые применены боевые отравляющие вещества? Так, так, правильно. Так что же Гитлер? В конце восемнадцатого



года это был проверенный служака, ефрейтор, с наградами. Политикой не занимался. Во время событий в Мюнхене, событий достаточно кровавых, сидел себе тихо в казарме, на улице не показывался. И, по-моему, ввиду некоторого успеха довоенных занятий живописью вполне мог их продолжить. Насколько мне известно, в те времена его психическое состояние было вполне нормальным... Как ты думаешь, Мыльников, если бы Гитлер попробовал повторно поступать в Венскую академию художеств и был бы принят, как могли бы развиваться события далее?

— Ну, войны б не было.

— Какой именно войны? Гражданской в Испании, с Польшей, с Францией, Великой Отечественной, Второй мировой в целом?

— Никакой... Тогда... тогда... штурмовики бы сами...

— Штурмовые отряды организованы были позднее. В каком году, Миляев? Нет... Катя! Так, правильно. В августе двадцать первого... А мы говорим о другом периоде. Ну, так как, Мыльников? Затрудняешься? Кто поможет?

Сереза рассудительно наклонил голову и начал. Ксанне не нравился его пиджак. Сунув парню старье, родители, возможно, стремились снизить интерес со стороны девчонок. С другой стороны, если одеть его нормально, Сереза казался бы старше. При его росте они прекрасно смотрелись бы вместе. Вместе...

— После капшовского путча в марте девятнадцатого, — рассуждал Сереза.

И его слушали. Разумеется, девочки, думали при этом про свое. Надо же, не ботаник, симпатичный и умный. А Милка вот не глядит, вид делает, что задумалась.

— ...Летом того же года был заключен Версальский мир, который тайные офицерские общества в Германии восприняли как измену.

Сереза, конечно, молодец, спора нет. Только что ему общества эти офицерские? О чем он сам-то мечтает? Кто ему нравится? Ведь кто-нибудь да нравится? Нет, не Милка, не Милка, что в ней особенного? Но что-то явно было, ничего тут не поделаешь.

К сожалению, все эти новогодние рокировки выходили не в ее, Ксаннину, пользу.

— К осени двадцать третьего нацисты считали себя способными взять власть. Но во время столкновения с полицией...

И пошел, и пошел. Хорошо начала, а теперь выходит занудно. А как на самом деле было? Надо бы поживее. А тот вон Рамиля заскучала.

— Спасибо. Наконец-то мы прояснили ситуацию. Теперь вопрос. Представим на минутку, что в конце двадцатых Адольф Гитлер построил бы свою жизнь по-другому, так никогда и не став фюрером. Что могло случиться в Европе через десять лет, самое главное, почему случилось бы, на ваш взгляд, именно это? Какие силы выдвинули Рема и Штрассера? Ведь Германия с Гитлером или без него, но стремилась к реваншу за поражения в Первой мировой, так ведь? Гинден-

бург и его окружение, бундестаг, наконец. История состоит из множества дел, личностей, их потенциалов, случайностей, наконец...

Мыльников заслушался, забыв о Милке. Катя Розова по прозвищу Разова слушала тоже.

Разовой прозвали ее за убеждение, что влюбляться, мол, следует «раз и навсегда»... Ах, если бы эти убеждения сопровождали хозяйку еще лет пять после школы. Всякое бывает, не угадаешь. Катя-то «раз и навсегда», а избранник, бах, взял и поменял мнение. Что тогда делать? Бабушка Рамили драпирует внучку в платки. Так, может, правильно делает? Ошибиться всегда успеет. С другой стороны, пример Милки. Девчонки-то ей завидуют. Да только Милка умная, вывернется, а остальные как?

Слушал Миляев, Милка, слушала Рамиля. Антилопа-Ксанна легко тянула класс в нужном направлении. И смотрел на нее Сережа, смотрел, как полагается, не отрываясь.

Лучшим в одиннадцатых было вот это, предновогоднее время. Дальше, к весне, свяжет всех тревога. Экзамены, аттестаты, заявления, провалы, липовые конкурсы и прочие страхи. Но каждый ноябрь расцветала атмосфера влюбленности. Какой-нибудь sereneкий и кроткий намертво влюблялся в первую красавицу. Толстушка и поэтесса (База) в безразличного парня (Свистка). Низенький (Тихоня) лепился к недоступной «березке» (Губки), а «карандаш» (Носочек) к Дюймовочке (Пускай).

И пропадали у них напускная грубость, безразличие и прочие выкрутасы. И смотрели ребята на «свою», единственную, как смотрели и десять, и двадцать лет назад. Несмотря на эфир, заполненный африканцами без штанов, тискающих дебелих теток, мальчишки нынешние, как и мальчишки шестидесятых, писали девочкам записки: «Пойдем в кино, только вдвоем».

Уж ей ли, Ксанне, не знать. Но куда больше, чем за Милку или Татьянку, опасалась она за Розову, за Рамилю. Пугало Ксанну это прочное «навсегда» пухлой Кати Розовой. И с Рамилей тоже сложности. Бабка заставит за какого-нибудь важного вдовца идти, та вспомнит про Миляева, возьмет да и отравится. За Тихонь надо бояться, а не за Милок.

У самой же Ксанны наступило время «ее новенького». У всех прочих, от Фрунзенской до Шаболовки, четыре времени года, а у Ксанны два. В зависимости от того, есть ли мальчик, который вот так смотрит на тебя, или нет его. С первым все ясно. А вот второе... Обычно внутри этого второго времени возникали мама, дача, оба седых ее дядьки. Выплывали, усаживались под яблонями за старый кривой стол. «Пойди, Галюсь, пройдишь, хотя б до станции!» И высказывала ночная обида. «У нее же нет никого, я точно знаю», — сказанное мамой на террасе. Сказанное не со зла, не

чаянно. Они не виноваты, не виноваты. Ведь и в самом деле, никого нет.

Два времени против четырех, но к счастью или к сожалению, не разберешь.

А днем выходили и другие разговоры. Но позже, позже. После уроков.

Мыльников, стоя на крыльце, покривился и сказал приятелю своему, Герке:

— Да ладно, Ксанна твоя. Мозги пудрит, Антилопа... Выдумала еще про Гитлера. Совсем уже...

Следом за ними вышли Сережа и Коля Лескин по прозвищу Бобер. И когда Мыльников взглянул на Сережу, тот ввязался, не тормознул. И Коле-Бобру это понравилось.

— Не понял ты, Мыльников, ни хрена... Она, Антилопа, суперпрепод. И знает, и размышляет, да еще тебя думать заставляет. А ты никак не вьедешь.

Вот этого не стоило ему говорить. Мыльников мог и обидеться. Или нет?

— Че я, не знаю. Гитлер, лагерь там, вон скоко народу...

— А про наши лагерь не слыхал? Там побольше народа-то положили.

— Так то наши. Евреев специально не хватили, одни вредители сидели.

Тут уже все заулыбались.

— А про врачей-вредителей слышал? Нет? Знаешь, зачти как-нибудь «Архипелаг ГУЛАГ», там все популярно расписано, не пожалеешь.

Да слышал он про ГУЛАГ, слышал, прям тайна какая. Только отец вон как Солженицына с Сахаровым поливает. Они, мол, да сионисты проклятые виноваты, что Союз долбанулся. А то бы теперь... Хоть теперь, хоть потом, водки жрать меньше надо было, при чем тут Солженицын-то.

Милка взяла и расстроилась. Да так, что отменила на сегодня кожаного, которого звали Матвеем. Длинный и уверенный Матвей очень своего имени стеснялся. Еще вспомнилось ей, как хотела летом познакомить Матвея с матерью, так тот стал мяться. Потускнел Матвей, понес какую-то хрень. Милка еще подумала, а настоящий ли он или ей только показалось. В сердцах сказала верной Татьянке: «Пусть хоть совсем катится!» Та, впрочем, осталась при своем мнении.

А по улицам прохожие тащили елки. У метро приплясывал в длинном балахоне нищий с темным надутым лицом, ноги его разъезжались в снеговой каше. Перебегали сиреневые огоньки на фасадах. и над крохотным магазином для парикмахеров вспыхнула гирлянда. Розовая с оранжевым.

— Валенки еще у нас парни, правда?

Милка взглянула на палисадник у бывшего епархиального управления, на каменные столбики из

светлого кирпича. Конечно, валенки. И Сережа из валенков первый.

— А этот, новенький, на тебя пялится. Вот телок!

И Татьяна заглянула Милке в лицо, надеясь на ленивое одобрение.

— Но симпатичный.

Татьянка вздохнула. Вот тоже задача, длинной ее подруге нечего больше делать, взяла и въехала по уши в паренька в нескладном своем пиджаке. Если разобьются, все устроено неверно, надо как-то разделить. Красивых отдать умным, а верных... Куда же верных деть? Верных, но страшненьких и пухлых. Куда?

Увидев впереди высокую тетку, Татьяна ожи-вилась.

— Ну и каланча... Как Антилопа наша. Она ваче чудная. Ты видела, как она на Серегу вылупилась? Страшная, как война, а выставляется. А этот, пенек, ни черта не чуёт. Ну, дура же она...

— Сама ты дура, — выскочило вдруг у Милки.

Татьянка опешила. И остановилась. Высокая тет-ка, про которую говорила Татьяна, прошла мимо. Тетка была в длинной норковой шубе, полы то и дело распахивались, открывая колени в блестящих кол-готках и бежевые сапоги. Тетка взглянула на них и улыбнулась, как будто знала что-то такое про ко-жаного Матвея, про Милку и обиженную Татьянку, о чем они еще не подозревали.

Милка повернулась к Татьянке. Та смотрела сквозь Милку, скосив глаза, дышала на нее леденца-ми. Здоровенная выросла, а без карамели никуда. Нос круглый, кончик раздвоенный, щеки пухлые. Горе луковое!

— Ну ладно, Тань, ладно...

Как маленькая, честное слово. Губы распустила, сейчас разниются.

— Ты сама на прошлой неделе говорила!

— Мало ли что я говорила.

Они высмотрели просвет между машинами и по-тащились к метро, осторожно ступая в снеговой каше. Вывеска гастронома мигнула и погасла. Электрики ко-пались в щитке на углу, прилаживая новую гирлянду. От Нескучного протянулась мгла, и фонари мигали.

Ночью Мишке Мыльникову не спалось. На экра-не компа завис солидный усач, с лицом породистым и строгим. Звали усатого Пауль Гинденбург. В списке его наград оказались те же два Железных креста, как и у Гитлера.

Антилопа-то права оказалась. Если одно на другое нанизывать, и Капш, и Рем тут неспроста. Как бусины, один за другим. Вытащи оттуда Гитлера, совсем дру-гая канитель завяжется. Только вот какая?

Улегся Мишка под утро. Во сне бежал он мимо горячих еще крематорских печей. Потом спасал ко-

го-то. И лупил пулемет с вышки зелеными трассера-ми. Только не разобрать было Мишке Мыльникову, Майданек это или Степлаг.

3

А потом наступило такое утро, когда все ка-жется возможным. Заранее про это знала, наверное, та высокая женщина в шубе, что попала Милке с Татьянкой. Знала, но никому не сказала.

В актовом стояла елка. Милка вошла и удивилась. Вроде бы и взрослые совсем, а на елку смотрят, как первоклашки. Молчат и смотрят, выдумывают себе всякое.

Сережа перебирал гирлянды, прикидывая, как бы расплести их по веткам. Милка вынула из коробки боль-шой серебристый шар, подняла его на ладони к свету из окна. Взглянула на заснеженную спортивную площад-ку, на одинокие воротца, на серенький старый дом, где жил Женька Басин, в которого она влюбилась в пятом классе. Влюбилась и мучилась полгода. Пока однажды осенью не оказалось, что этот самый Женька туповат и пахнет от него рыбой. Тогда Милка переключилась на Сашу, у предков которого голубая «чиатта». А потом...

— Пускай Сережка вешает, раз такой длинный... — Татьяна хихикнула и пихнула Милку локтем. Милка отвернулась.

— Сами развесим. Ему дали гирлянду, пускай во-зится. Сам по себе.

Сережа ей не нравится. Совершенно. Пускай и умный, и симпатичный, не пялится, как Мыльни-ков. А Татьяна совсем сбрендилась. Но как ей об этом скажешь, возьмет и разревется. После ноябрьских на этот счет заскок у нее. Как увидит кого посимпатич-нее... Да ладно, пускай. Ей бы причесон какой устро-ить, юбочку подобрать. Подкрасит подругу на класс-ный вечер, длинный этот, глядишь, и клонет. Только кому тогда лучше станет? Как Золушка, подъедет к принцу на вечер, а потом... Все и всегда выходит не так, не там. И не с тем.

— Надо бы шаров, шаров побольше...

Ксанна вошла румяная с мороза, оглядела зал, заметила Сережу и искося взглянула на себя в зерка-ло. Потом щелкнула пальцами и направилась к нему. Татьяна снова пихнула Милку локтем. «Гля, Анти-лопа как накрутилась, гля...» Милка наморщила нос. Ей стало жаль историчку.

Ксанна подошла ближе, вдохнула густой еловый запах. Сережа подвинулся в уголок, привстал на сту-пеньку и оттянул провод.

В зал влез Мыльников. Он потер локоть и напра-вился к коробке с гирляндами. Потом присел на крес-ло, вытянул ноги.

— Мыльников, неси стремянку, некогда рассиживать! Слева за сценой посмотри, у фанерных листов. Давай, давай, не то до ночи провозитесь.

Мишка поднялся и медленно направился куда было сказано. Ксанна снова подняла руки и поправила прическу. Ей показалось, что они с Сережей оказались здесь, в зале с елкой, вдвоем. Что он там возится с проводами, глаз не поднимает. Наконец-то додумался, обернулся. Ресницы у него длинные. Такие не очень подходят мужчине. Иногда на скулах у Сережи появляется румянец, тогда он кажется младше.

Ксанна подтянулась ближе к елке и рассеянно тербила ветку. Мыльников ворочал стремянку, время от времени оглядывал Милку с Татьянкой, ожидая, что девчонки потянутся за чем-нибудь. Милка посмотрела на него, скривилась, потянула Татьянку за рукав. Та одернула подол.

Мыльников напоминал Милке бездомную собаку. Что его ребята боятся? На девчонку вылупится, рожа обтянется, прям чахнет. Обернется, тоска такая, будто за шиворот оттащали. Собачонка — и все тут. Так в руки и смотрит, дадут чего или погонят.

— Сережа, Сереж, — негромко позвала Ксанна, продвигаясь в угол, за елку.

Сережа уже расплел провода. Ксанна мельком взглянула на остальных ребят. Мыльников тащил стремянку, Милка с Татьянкой подбирали шары по оттенкам. Сережа опустил голову и отвернулся.

Вот сейчас она подойдет совсем близко, и тогда... Нет, ничего особенного. Они вместе окажутся в глухом углу, за елкой. Сережа не смотрит на нее. Стесняется. Это ничего, пройдет.

Ксанна подвинулась вперед и встала рядом с Сережей. Он стоял к ней вполборота, не поворачиваясь, хотя Ксанна видела, что он перестал тянуть провод. Как будто ждал, что дальше будет. А ничего не будет, она просто возьмет и... Просто...

Тут Сережа обернулся и посмотрел ей в глаза. Что-то не так? Ксанна потянулась к игрушке, отклоняясь к нему. Чтоб подхватил. Сережа рванулся назад, задел крестовину.

Елка тряхнула ветвями. Большой шар, подвешенный Милкой, запрыгал на нитке, но не упал. С другой стороны осыпалось и звякало, шлепалось об пол так, что девчонки взвизгнули. Основание заскрипело. Мыльников бросил стремянку и прыгнул со сцены. Он успел ухватить ствол, поморщился от укулов хвои. Ксанна еле удержалась на ногах, Сережа бросил провода и ухватился за ветки.

— Не тяни, — глухо сказал ему с той стороны Мыльников, — а то совсем завалится. Счас я вниз подлезу, выправлю.

Ксанна все еще стояла у стены, смотрела на коробки, на девочек, оглядывала зал, будто не понимала,

где находится. Перед глазами у нее плыло Сережино лицо. Странно, как же это все вышло. Она-то, дура, размечталась, мальчишка обрадуется, прекрасная дама снизошла. А он окрысился, губой дернул. Взглянул на нее как на дуру, сморщился. Что она ему сделала? Сделала... сделала... Плакать, вот еще глупости!

Ксанна вымученно улыбнулась, сжала кулаки, неловко спрыгнула со ступеней. Дверь зала хлопнула. Мыльников, вылезая из-под елки, поглядел вслед Ксанне и повернулся к Милке. Зная примерно, что он сейчас выдаст, та отвернулась. Татьяна прыснула в кулак и покраснела.

— Держи крепче, я к Толянычу, за отверткой! — сказал Мыльников и выпрямился. Рот его разъехался до ушей.

— Ну, дела... Сгубила тетка паренька!

Сережа посмотрел на Мыльникова, будто прицеливался. Но тот вышел, не оглянувшись.

Ксанна забилась в закуток у физзала, встала у окна, забранного частой сеткой. За окном тянулась глухая стена, выкрашенная оранжевым. Ксанна долго там стояла, не плакала, нет. И Башни, как назло, оттуда видно не было. Только сетка, стена бугристая, тупик. А по стеклу трещина змеится.

Когда Ксанна вошла в учительскую, Ритуля едва взглянула, так все и поняла. Не первый раз. Под Новый год одно и то же, выглянет из своей новейшей истории, отколет что-нибудь, до майских всем разговорам хватит. Ритуля, конечно, к ней не полезла, пускай отдышится. Вот ведь нескладеха. Кого же ей подыскать-то? И молодая, и симпатичная, а все никак. Ведь если подойти практически, ей под пару такой же лось нужен. А где его взять? Длинные давным-давно разобрали. Вот и она, Ритуля, взяла себе, какие остались. И ничего, довольна. По большей части. Встречать, сводить, случать... Вроде бы и взрослые, а хуже детей.

Ритуля улыбнулась, округлила глаза.

— На Ленинском девки плащи видели. Сходим после третьего?

Ксанна кивнула. Она смотрелась уже ничего себе. А щеки чуть кремом мазнуть. И сойдет.

4

Русичка заболела, вот и свалили пораньше. Девчонки еще копались, ребята спустились уже во двор. Первым выкатился Сережа, за ним Мыльников. Он взглянул на Сережу искоса, оглядел пустой двор, спортплощадку и горку, потом сказал раздельно и громко, чтобы остальные слышали:

— Ну, как ты Антилопа-то зажала? Струхнул небось, завалит еще, а?

Коля-Бобер удивлялся потом, как быстро Сережа обернулся к Мыльнику и вполне грамотно навесил

ему справа. У того только зубы лязгнули. Мыльников тут же бросил папку и сунул Сереже по ребрам. Хотел еще нагнуть, но Коля-Бобер и Миляев сунулись между ними. Некоторое время пыхтели и толкались. Потом Мыльников отпрянул, густо сплюнул на снег красным.

— Во придурок... Че я сказал-то?

Сережа стоял, морщил щеку. Мыльников прилично ему наварил. Миляев смотрел на обоих скептически. Наконец шмыгнул носом, поправил шарф и спросил:

— Еще раунд или под банан?

Мыльников пожал плечами.

— Мне на Кузнецкий надо.

Надо так надо.

Уходя, Мыльников кивнул им, глядя мимо Сережи. Коля-Бобер покачался с носков на пятки.

— А в целом правильно. Не его это, не Мылово, дело...

Миляев промолчал. Он уставился на черные мусорные баки, будто ничего интереснее в жизни не видел. Сережа рылся в карманах, искал сигареты. Он все еще тяжело дышал. Тут выперлись наконец девчонки. Коля-Бобер двинулся к Милке нога за ногу, хотя и знал, что она не поедет.

Светлаша уперлась животом в столешницу, насупилась, крутила браслет на запястье.

Темнело. Башня опоясалась синеватыми огнями и напоминала теперь гигантскую елку. Под окнами проехал грузовик с нарисованной на борту зубастой веселой рыбиной. Светлаша подняла брови.

Надо же, не одно, так другое. Робик трепушка, конечно, но на этот раз и Фима, математичка, ей доложила. Разве в школе что-нибудь скроешь. Ну, длинная, ну, дурища. Как бы на это вывернуть? Так брякнешь в лоб, а она возьмет и сиганет из окна. Вон в шестисотой с ботаничкой была история. И записку приложила, довели, мол. Спасибо докторам, вытащили. А директрисе-то тамошней каково?

Дверь приоткрылась, в проем заглянула Ксанна. Глаза у нее были грустные. Вошла и уставилась в окно, будто кого на улице потеряла. Светлаша вздохнула.

— Я вот что хотела сказать... Вот что...

Ксанна сжала накрепко пальцы. По щекам ееплыли мелкие розовые пятна.

— Слушай, что там у тебя с Гитлером? — неожиданно для себя начала Светлаша.

Ксанна повела удивленно глазами, улыбнулась и спросила:

— С Гитлером?

— Ничего, между прочим, смешного. Головы у твоих сейчас свернутые, не знаешь, как поймут. Очень мне нужно, чтоб жаловались. Пропаганда в школе...

— Светлан Николаевна, какая пропаганда?

Светлаша повернула голову. Чего она там высматривает. Вечер как вечер. А они в школе болтаются, будто домой не надо.

Башня заглядывала в Светлашин кабинет, интересовалась, наверное, не обижают ли ее подружку.

Светлаша пыхтела, ей тяжело выходило теперь с молодыми спорить. Нахватаются девки по верхам, нос задерут, не подходи. Она оглядела Ксанну, нахмурилась, начала снова:

— Не лезь ты в дебри! Как в методичке указано, так и делай. Вот же, вот... Где тут про Гитлера, покажи?

Светлаше всегда было все ясно. Как ей объяснить? И умная вроде тетка... Светлаша наморщила лоб, макнула палец в рот, принялась листать учебник.

Когда Ксанна была милостиво отпущена из директорского кабинета, окна цвели уже розовым и зеленым, смотря по тому, какой абажур. Можно различить, как перемещаются на кухнях силуэты. Там ужинали. А она, она... Ксанна посмотрела на Башню. Синие ее габаритки мигали на ветру. Башня, казалось, смотрела на нее с недоумением. Что она, Ксанна, такого сделала? Ну, сделала, конечно, сделала. Только и ее понять можно. Стоит один раз...

Мысленно пререкаясь с Башней, Ксанна брела по переулку. Ей встретилась старушка в длинном пальто, потом две девчонки. Они согласно «здаськнули» Ксанне, та задумчиво кивнула в ответ.

Башня права. Дура и ворона, кто спорит. Ей, Башне, виднее.

Ксанна перехватила сумку, зашагала дальше.

Сейчас мама привяжется, что так поздно, она ей и выдаст, ладно уж, приглашай, мол, тети-Римминого Юрочку в гости. То-то она удивится. Ну, не съест же ее этот Юрочка, правда ведь? Мама удивится, забудет про расспросы, вечер возьмет и закончится прекрасно, как давным-давно, когда жив был отец, мама была моложе, а она, Ксанна, собирала волосы в хвостик, стягивала его голубыми резинками и зимой носила синее платьице и шубку, которую отец привез из Праги...

Только вряд ли вечер так кончится. Мама тонко разбирается, сейчас сообразит — и начнется. Позавчера она елку притащила, надо комель пилить, а дерево-то сырое. У ножовки зубья залипли. Мама нет чтоб помочь, понесла снова, нет, мол, в доме мужика. Ксанна бросила елку, засела у себя и до ночи пялилась в окно.

Каждую осень мама заводит песню про теплые колготки. Надо, мол, беречься... А куда ей теперь беречься. Ритуля плела тут, и в пятьдесят, мол, рожают. Ну, уж это куда?

Ксанна шмыгнула носом, полезла за платком, выронила перчатку. Так и шла, расстроенная, до самой «таблетки» Шаболовской, потом оглянулась на обручи, на огоньки высотной своей подружки, промокнула глаза и пошла дальше уже веселее. Она давно выучила: всякую неприятность надо переждать. Занять чем-нибудь мелким голову, пока случай отъедет в никуда, покроется пылью, позабудется. И непонятно, с тобой ли это все было или рассказал кто.

Вестибюль переливался на морозе, будто там и в самом деле предполагались чудеса на выбор. Ксанна вздохнула, поправила воротник, щелкнула сумочкой... Надо будет ребятам про Либкнехта и Радека запустить, вот они удивятся.

Длинную спину в черном пальто она зацепила взглядом еще в дверях. Как-то само собой получилось. Длинных мужских спин немного ей встречается. Вот сейчас они поедут вниз, под вечерними огнями туннеля, он обернется и окажется...

Недавно встретила одного. Высокий, худой, одет прилично. Присмотрелась, а у него лицо бледное, глаза бегают, морщится, пальцы сцепил. Видно, с похмелья, плохо ему.

Жаль, из метро Башни не видно, она бы что-нибудь присоветовала. А так приходилось самой сообщать.

Тут длинный этот, который в дверях встретился, в самом деле обернулся. Оказалось, он не бледный, нормальный. Глаза какие? Серые глаза, длинные. Крупный подбородок. Тоже хорошо. Нос... Нос непонятно какой. Тонкий, что ли. Брови срослись, это не годится. И смотрит...

Когда молчать стало неудобно, высокий сказал негромко:

— Извините...

Дальше выкатилась пауза. И пауза эта была в самую точку. Смутился симпатичный и длинный, замечательно так смутился.

— У вас такое лицо... Случилось что-нибудь?

Ну, и что ей ответить, что? Надо придумать, срочно что-нибудь придумать. Но никак не получа-

лось. Ксанна отвела глаза и кивнула. В носу у нее зашипало. Где же платок? Вот будет номер. Едет учительница истории, Галина Ксанна, классный, между прочим, руководитель, по эскалатору и ревет в три ручья.

Толстушка-дежурная проводила их взглядом. Вот так пара, длинные какие. Идут себе спокойно рядышком, как приличные. Интересно, женаты или так, гуляют?

Зашипело. Двери вздрогнули, двинулись навстречу друг другу. Вагон качнулся, вместе с ним качнулись высокая Ксанна и внимательный мужчина. Она снова взглянула на него.

Ты будешь спрашивать или нет, человек с серыми глазами, что именно у меня случилось? Как мне живется? Почему я еду так поздно? Где работаю? Давай, давай, спрашивай, а я тебе расскажу. Про Милку, Светлашу, Тамочку, Рамилю, про Разову и Мыльникова.

Дежурная стояла на перроне, смотрела вслед поезду. Наконец он втянулся в туннель. Долго был виден назойливый огонек. Но вот он мигнул и пропал. В репродукторах звякнуло, на соседний путь прибывал встречный. Дежурная вздохнула.

Когда Феликс на нее так-то смотрел, уже и не вспомнишь. Теперь он все по пиву. Усядется, глаза выпучит, пошел плести...

Тут мысли ее переехали на осетрину к празднику, которую предлагала Алька. Потом на мамино лекарство и про то, что хорошо бы после десятого съездить на участок, посмотреть, не лазил ли кто.

На перроне появился мужичок с елкой. Низенький, румяный, в бежевой дубленке. Когда проходил мимо, на дежурную пахнуло хвоей, запросто перебив мазутные метрошные ароматы. Дежурная улыбнулась, поправила шапочку и пошла к эскалатору, потряхивая на ходу жезлом. На одной его стороне отпечатан был красный круг, на другой зеленый. В смысле, стой или проезжай. Сейчас оказался вверх зеленый.



Инна КАБЫШ

Инна Кабыш родилась в Москве в семье служащих. В 1986 году окончила факультет русского языка и литературы Московского заочного педагогического института. Работала старшей пионервожатой, учителем в школе, руководителем литературно-музыкального коллектива при Дворце культуры «Энергетик». Первая публикация — в альманахе «Поэзия» (1985). Стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и других. Член СП СССР (1989). В 1996 году за книгу «Личные трудности» была удостоена Пушкинской премии фонда Альфреда Тёпфера (Гамбург). В 2005 году удостоена премии Дельвига, в 2014-м — премии «Московский счет», в 2016-м — Ахматовской премии.

Книги: «Личные трудности» (1994), «Детский мир» (1996), «Место встречи» (2000), «Детство. Отрочество. Детство» (2003), «Невеста без места» (2008), «Мама мыла раму» (2013).

УЧИТЕЛЬ FOREVER

Двадцать лет назад замечательный педагог Семен Рувимович Богуславский, большой поклонник моих стихов, пригласил меня в свою школу — имени Маяковского — вести литературу. Год спустя он предложил мне взять второй предмет — мировую художественную культуру. А еще через год, очевидно, угадав мои скрытые ресурсы, уговорил меня взять руководство пятым классом. Так началось счастливейшее семилетие моей жизни.

К своей новой нагрузке я отнеслась ответственно. Ведь кто такой классный руководитель? Это не только тот, кто подписывает дневники, проводит родительские собрания и заполняет кучу разных бумаг, — по моему глубокому убеждению, это тот, кто в пятом классе берет детей, а в одиннадцатом выпускает людей.

Наша школа была экспериментальной. Это означало, что в начале учебного года за каждым учителем

закреплялась какая-нибудь тема, затем, по идее, он весь год над ней работал, а в конце года отчитывался. Что греха таить, зачастую это была простая формальность: взяв тему в сентябре, учитель, у которого всегда и так полно работы, благополучно о ней забывал, так что в мае порой не мог вспомнить, как она звучала.

Я тоже пару раз именно так ставила эксперимент. Но в тот раз, получив классное руководство, отнеслась к эксперименту всерьез. И взяла тему «Воспитание средствами искусства». Согласитесь, что для человека, преподающего литературу и художественную культуру, да к тому же поэта, который искусство, по выражению Маяковского, «делает», этот вопрос глубоко личный.

Не буду перечислять театры, музеи и экскурсии, которыми я охватила своих учеников, а также называть прочитанные нами книги, поставленные спектакли, проведенные вечера — дело ведь не в количестве, а

в том, чтобы «пробудить чувства добрые» — «лирой», «сценой», «картиной».

Мне казалось, что классный руководитель должен вникать во всю жизнь своих учеников, а не только в школьную: так я помогала найти летний лагерь, участвовала в крестинах младших братьев и сестер, днях рождения и похоронах. У меня самой в школьные годы (это время сейчас называют застоем) были прекрасные учителя — знающие, добрые, равнодушные, поэтому то, что я делала для своих учеников, казалось мне простым возвратом долга.

Когда кончается работа классного руководителя? В шестнадцать часов? В двадцать четыре часа? После последнего звонка? Или выпускного вечера?

Теперь я понимаю: никогда.

Властно вторгшийся в нашу жизнь Интернет и социальные сети помогают никого не потерять из виду, следить за успехами и неудачами своих учеников, делить с ними горе и радость. Кстати, верно и обратное: ученики не теряют из виду тебя и находятся в курсе всех событий твоей жизни. Мы и девять лет спустя продолжаем встречаться, чаще по «культурному» поводу (выпускники приходят на мои лекции, я по-прежнему вожу их в театры и составляю списки «книг на лето»), но не только. Пять лет назад я была на свадьбе своей ученицы — это была первая свадьба в нашем классе. А в этом году помогала той

же ученице пережить развод — тоже первый в нашем классе.

Когда я училась в пединституте, у меня была пятерка по педагогике. А изучали мы особенности детей младшего школьного возраста, подростков, учеников старшей школы. Но вот отзвенел последний звонок, отшумел выпускной, дети разошлись — и при этом остались. Как выстраивать отношения с этими молодыми, но взрослыми людьми? Этому мы не проходили. Для начала в них надо пристально взглянуть: какие они, нынешние двадцатилетние?

Главная черта моих — взрослых! — учеников — интеллигентность. Они — неагрессивные и терпимые, или, как принято говорить сейчас, толерантные. И я думаю: значит, эксперимент («Воспитание средствами искусства») удался, недаром существует афоризм «Искусство смягчает нравы».

...Нынешний август выдался напряженным: свадьба ученика, похороны — у ученицы: с одним нужно разделить радость, с другой — горе.

А как иначе?

Есть еще один — по поводу и без повода — цитируемый афоризм: «Мы в ответе за тех, кого приручили». У Экзюпери там еще слово «навсегда».

Восстанавливая и перефразируя этот нравственный закон, с полной ответственностью заявляю: мы навсегда в ответе за тех, кого проучили...



Ася ПЕТРОВА

Ася Петрова родилась в 1988 году. Прозаик, переводчик французской литературы, член Союза писателей Санкт-Петербурга, кандидат филологических наук и обладатель докторской степени университета Сорбонна Париж IV. Преподает в СПбГУ.

Автор нескольких книг для детей и юношества и двух романов, а также более сорока книг переводов, среди которых проза Гийома Аполлинера, Жюль Лафорга, Бернара Фрио, Марселя Эме.

Лауреат первой премии «Книгуру» за сборник «Волки на парашютах» (2011) и премии имени С. Маршака за книгу «Короли мира» (2015). Финалист премии имени Бабеля (2018), премии «Новая детская книга» (2017). Дипломант IBVY.

СВОБОДНАЯ СТРАНА

ОТРЫВОК

Рисунок Настасьи Поповой

Руки честного трудяги. Сухие, шершавые, за-
грубевшие, обветренные, возможно. Руки, ко-
торые годами работали с химическими веще-
ствами, впитывали краску, воски, спирты, жировые
добавки, эфиры. Руки неподвижные, как у хирурга,
словно одеревенелые, но на самом деле затаившиеся
перед следующим микродвижением — точным, от-
репетированным, таким, от которого многое зависит,
действительно многое, ведь долгая череда этих ми-
кродвижений в результате определит судьбу челове-
ка, по крайней мере недели на две. Настроение, пла-
ны, самоощущение личности на две недели минимум
будут зависеть от сноровки этих рук, от мгновенной
реакции мышц на сигнал, посылаемый мозгом, от
ловкости, от легкости, от устойчивости и непрехот-
ливости. Ничего не требовать, ни в чем не нуждаться,
стремиться к стопроцентному результату — таков
удел этих рук.

За свою сорокалетнюю жизнь рукам довелось
рыть землю; держать инструменты, из которых пин-
цет был самым маленьким, а топор самым большим;
водить машины, из которых классические жигули

были самым маленьким транспортным средством, а
трактор — самым большим; сверлить лед на замерз-
шем озере перед рыбалкой; держать большой фонарь
горизонтально, так, чтобы хижина шамана не затеря-
лась в лесной чаще; выхватывать у противника нож
для мяса; подписывать важные юридические доку-
менты — самое простое, что доводилось делать этим
рукам.

Наверное, руки следовало бы назвать всеведу-
щими или просто очень опытными в силу невероят-
ного объема знаний о жизни, быте, самоощущении,
настроении, планах, прошлом отдельных личностей,
коих насчитывались сотни, а может, и больше. За вре-
мя карьеры руки научились принимать и отдавать,
держат и контролировать, а главное — руки научи-
лись не упускать того, что идет прямо в руки.

Руки быстро принаравливались к условиям сре-
ды: сквозняк ли, мороз ли, жара и пот, стресс, перена-
пряжение, голод, неудобные материалы и оборудова-
ние. Руки приспособлялись.

Ночью, нащупывая пружины старого матраса
или воздушную итальянскую простыню; утром, ка-

саясь дешевой пластмассовой ручки электрического чайника или кнопки кофемашины последней модели; поворачивая засаленный кран в ванной комнате старенькой квартиры или сияющий кран шикарных апартаментов, руки знали, что их ожидают холодный ключ, который надо будет повернуть в замочной скважине дважды; колючие шерстяные перчатки или мягкие — от кутюр; затертые до шелковистости денежные купюры возле кассы или выпуклые цифры на поверхности платиновых банковских карт; вибрация электрички или бесшумный ход дорогого автомобиля; чье-нибудь неловкое прикосновение или удар; ветер, дождь или снег, иногда солнце, но чаще всего ветер; гладкие кнопки домофона; ребристая запыленная решетка ворот; скользкие бахилы, теплая рука кого-нибудь из коллег; резиновые перчатки и — личности с их самоощущением, планами и настроением. Часто руки обходились без перчаток. Потому что они ничего не боялись, не беспокоились понапрасну, вели себя сдержанно и мудро, немного легкомысленно, но в этом нет ничего удивительного, ведь руки воспринимали мир поверхностно.

У рук были свои планы. Погладить кота. Нажать кнопку на пульте от телевизора. Почистить банан. Взять пакет кефира из холодильника или бокал шампанского с барной стойки модного ресторана. Подписать завещание. Обнять ребенка. Рано или поздно руки намеревались осуществить все намеченные планы и относились к ним со всей серьезностью, как и подобает ответственным рукам честного трудяги, ежедневно зарабатывающего на хлеб с маслом.

Сухие руки, у которых когда-то не водилось денег на хороший увлажняющий крем. Руки, которые за собой не ухаживали, потому что ухаживали за другими или потому что со временем одичали, решили, что и так нормально и не стоит никого впечатлять, радовать своей гладкостью, мягкостью, красотой, всем тем, чего жаждали клиенты со своим самоощущением, планами и настроением.

Руки, которые держали меня за руки на протяжении нескольких лет. Это были руки самого странного человека, которого я знала в те годы. Руки моей маникюрщицы Юли.

Юля всегда говорила странные вещи, совершала странные поступки, поэтому мне с ней было легко. Я чувствовала, что тоже могу вести себя странно, задавать странные вопросы, в общем, не притворяться.

— А ты могла бы человеку ногу отрезать или руку, если бы пришлось? Вот с помощью твоих маникюрных инструментов, я имею в виду. Никакой тебе пилы.

Юля медленно откусывала от моего безымянного пальца по кусочку, удаляла размягченную кутикулу, и мне чудилось, будто сейчас что-то произойдет, что-то

опасное. У Юли в салоне меня охватывало чувство необъяснимого беспокойства. Я часто думала, что больше к ней не приду. Но все равно возвращалась. Хорошую маникюрщицу не хочется менять, как хорошего гинеколога.

— Если бы пришлось, думаю, могла бы. Но культя осталась бы плохая. Протез человек вряд ли смог бы носить.

Юля приготовила алмазную каплевидную фрезу для аппаратной чистки пазухи между ногтевой пластиной и боковым валиком.

Мини-дрель зажужжала, и фреза стала вращаться со скоростью 25 000 оборотов в минуту.

Юля выросла в селе М. в Алтайском крае. Из детства она ярче всего запомнила бабушкино лицо на фоне слепящего ледяного солнца. Они тогда шли из школы по лесной тропинке. Лес чередовался с прогалинами, и на одной из них, как в снежном облаке, все мерцало, сияло, белело. Легкая приятная пустота и чистый холодный воздух, а на фоне светозарного неба бабушкино лицо: молодое, худое, почти без морщин, с большими синими глазами, с веснушками и длинными ресницами, не очень красивое, зато спокойное, не такое, как у мамы. Мама Юлю бросила, сбежала с новым мужем в Краснодар. Один только раз пригласила Юлю погостить. Девочке тогда уже исполнилось четырнадцать. И второе, последнее воспоминание из детства: ссора из-за лифчика, большая чувствительная грудь, на которую не налезала нормальная одежда и которая сковывала, не давала бегать. Мама орала, что нужны деньги, что лифчик подождет. Мама все время пила, и муж новый пил. Вернувшись к бабушке, Юля отказалась впредь навещать маму.

Затем внезапно детство кончилось — с каким-то парнем, на скамейке в школьном спортзале. Парень вскоре исчез, а Юля родила сына и больше не узнавала свое тело. Грудь и живот обвисли, щеки стали толстыми, ягодицы — тяжелыми. Порой она смотрела по телевизору передачи о пластических операциях в Голливуде, мечтала тоже когда-нибудь сделать себе грудь.

Артемка рос с мамой и прабабушкой. Он был из числа детей, которых называют сложными, подразумеваемая легкое слабоумие, аутизм, неполноценность, граничащую с болезнью, но все-таки не болезнь. Мальчик не любил разговаривать, иногда молчал, даже если ему задавали вопросы, редко смотрел людям в лицо, но когда поднимал глаза, было видно: он понимает, просто не хочет говорить. Юле приходилось кричать, чтобы добиться ответа, пока однажды она не нащупала заветную формулу: «Не хочешь, не говори». Стоило произнести эти четыре слова, и Артемка вдруг начинал говорить, говорил мало, коротко и неохотно, но по существу.

Однажды они с прабабушкой Раей, которую Артемка называл просто баба, и с Юлей обедали на веранде. Май выдался неудачный, то дождь и +10, то снег и +4, под ногами грязь, над головой сумрачное небо, но на веранде уже не колотун, как зимой, и можно обедать.

Двенадцатилетний Артемка, только что вернувшийся из школы, молча окунал блины с мясом в сметану и задумчиво жевал. Он поставил локти на клеенчатую скатерть и растопырил пальцы прямо перед лицом, словно держал невидимый шарик. Время от времени указательным и средним пальцами он утрамбовывал во рту мясо с рисом или выковыривал кусочки из зубов. Потом снова растопыривал жирные пальцы у себя перед носом.

— А нельзя есть по-человечески? Возьми хоть ложку! Куда ты столько заглываешь? Боишься что ли, что отберут? — воспитывала внука баба Рая.

Артемка не отвечал. Смотрел узко посаженными голубыми глазами в тарелку и тихо сосредоточенно водил челюстями.

— Пускай ребенок ест, как ему удобно, — резко сказала Юля и погладила сына по густой рыжей шерстке, сплошь покрывшей голову короткими маленькими колечками.

— А ты была ребенок? — вдруг спросил Артемка, не поднимая глаз.

— Что? — не поняла Юля.

— Ты была ребенок, когда я родился?

Юля изменилась в лице и замолчала. Глубоко вдохнула, сжала губы, сделала языком движение вперед-назад не открывая рта, слотнула, чтобы не заплакать, выдавила:

— Мне было шестнадцать.

— И ты, чтобы меня кормить, торговала телом?

— Что?

— У вас в салоне красоты. Ты торговала своим телом?

Юля слегка качнула головой, как бы уходя от самой себя, силясь себе соврать. Снова проделала губами и языком те же движения, что в первый раз. Не глядя ни на бабушку, ни на сына, тяжело выдохнула:

— Вроде того.

Артемка отодвинул пустую тарелку с размазанной по краям сметаной, вытер рот рукавом, потому что оцепеневшая баба Рая не успела подsunуть салфетку, аккуратно выдвинулся из-за стола, встал и ушел на улицу. Дверь закрыл за собой осторожно.

— Надо было соврать! — Баба Рая стала складывать грязную посуду в жестяное корыто, а Юля, растерянно зарывав, побежала в дом.

С детства баба Рая приучала Юлю к тому, что бедный дом может стать красивым и уютным, а в жизни

есть ценности посерьезнее денег, внешности, мужа и даже матери. Про деньги, внешность и мужа Юля хоть и не хотела понимать, но понимала, а вот про маму никак не могла взять в толк. «Я за всю жизнь только одно поняла, Юленька: надо работать с тем, что есть. Вот есть у тебя я — цени меня. Есть у тебя наш дом, твой сын — цени. А матери с отцом нет — и не надо. Ты подумай, у тебя ведь нет другой жизни, жизнь одна. Тебе уже двадцать семь лет. У тебя есть только та жизнь, которую ты имеешь. Представь, что ты не знаешь о том, что у тебя была мать. Если бы ты не знала, ты бы и не думала. Телевизор-то он чем плох? Тем, что показывают то, чего у нас нет, заставляют об этом думать. А думать об этом не надо. Думать об этом вредно. Ты лучше стихи почитай — да такие, чтоб мудреные. Чтоб непонятные. Как музыка. Или просто музыку послушай. Без слов. Она непонятная. Что непонятно, то хорошо. Красиво, до дрожи пробирает, но непонятно. Стихи и музыка душу возвысят. Ты послушай, почитай. А остальное не надо бы. Журналы не надо. Газеты не надо. Это плохо. Интернет самое большое зло, потому что там все. А жизнь одна, и надо учиться проживать ее, ее, ее, понимаешь? А не то, что тебе показывают, не то, чего у тебя нет, не то, что могло бы быть. Не живи жизнью других. Не мечтай. Выдохни. Взгляни на то, что у тебя есть. Этим и живи».

Юля смотрела на то, что у нее есть. Баба Рая была на выдумки хитра. Однажды ей подруга, медсестра из больницы, подарила красивое пластмассовое голубое судно. Сказала — пригодится в хозяйстве. Станный подарок, но баба Рая тут же сделала из судна вазу для фруктов. Юля тогда смеялась до слез. Ведь и правда голубое судно в тон к кухонным занавескам стильно смотрелось на столе. Еще баба Рая всегда украшала стол цветами или делала композиции из сухих веток, вереска и шишек. Колесо от сломанного детского велосипеда помыла, прикрепила к стене в спальне и вешала на спицы бусы, полотенца, кулоны на цепочках — прилаживала побрякушки так, что не падали. Сама связала разноцветные коврики и постелила в двух комнатах и в кухне. Сама сшила бледно-розовые занавески с птичками для веранды. Вообще бабушка прекрасно вязала и шила. Юля сроду не покупала себе одежды. Кроме верхней и белья. На двадцать пятый день рождения баба Рая сшила Юле темно-синее платье до колена с небольшим V-образным вырезом. Юля и спустя пятнадцать лет обожала это платье, говорила, что когда она в нем, голубые глаза ярче и рыжие волосы блестят круче.

Маминых вещей в доме не было. Даже маминей фотографии не было ни одной. Бабушка от всего избавилась. Отца Юля никогда не знала. Баба Рая приучила ее к мысли, что знать его не надо. Поэтому Юля не хотела знать. Иногда она удивлялась тому,

как легко ей жить. Казалось бы: отца не знала, мать бросила, мужа нет — жизнь должна быть тяжелой. Положено страдать. Но тяжести Юля не ощущала, и если бы у нее спросили про счастье, она искренне ответила бы, что счастлива. Потому что в доме тепло — они с бабушкой дров накололи и печь растопили, вон старые газеты в уголке ровной стопочкой лежат, ждут огонька; потому что летом, когда тепло, можно вынести на улицу, на травку, пластмассовый столик на качающихся железных ножках и поставить на него миску с салатом из овощей, которые в огороде растут; потому что на продавленной кровати у стенки крепко спится, а если ноги вытянуть, то дотронешься до другой стенки, теплой, нагретой от печки; потому что Артемка здоровый и спокойный, добрый, и кто бы там что ни говорил, он — ее лучшее творение; потому что с девчонками в салоне можно поболтать, выпить и повеселиться; потому что до Горного Алтая рукой подать, а там такая жизнь, что лучше и правда отрубить телефон, не смотреть телевизор, все равно ничего прекраснее в мире нет — белоснежного снега, разноцветных лесов, голубого неба, облаков, изумрудных озер, прозрачного льда и этой божественной геометрии — горных треугольников, трапеций, водных овалов, кругов рая. Юля была в Горном только один раз, очень давно, еще в детстве.

Она не стыдилась того, что в течение нескольких лет после рождения Артемки брала в салоне дополнительную работу. Девчонки-парикмахерши до сих пор этим занимались. И ничего. У некоторых даже мужья знали. Деньги-то нужны. На красоте ногтей далеко не уедешь. Проблемы начинались за стенами салона. Село маленькое, жены узнавали об измене, приходили, устраивали скандалы. Одна девица, Инна, мамаша Артемкиной одноклассницы Лизы, как-то с ножом для мяса явилась, хотела всем клиенткам и мастерам пальцы отрезать. Пришлось полицию вызывать. Приехал Мишка, Юлин друг детства, он и сам иногда в салон захаживал, а с мужем Инны каждые выходные надирался до чертиков. Он сначала хохотал, потом взял себя в руки, скрутил Инну, вышвырнул из салона и уехал. Это случилось лет пять назад, но с тех пор Юлю мамаша из родительского комитета терпеть не могли. А заодно и учителя. А заодно не любили Артемку. Юля однажды на родительском собрании услышала, как за ее спиной одна мамаша сказала другой: «Мелкий даун этой шлюхи». Она тогда вскочила, схватила за горло разговорчивую мымру и пообещала удавить, если еще раз услышит, как оскорбляют сына. «Я тебе, дрянь, язык отрежу, у меня инструмент специальный есть. Чик-чик!» Юля давно поняла, что в этой волчьей стае нельзя никому ничего спускать. Нет никого, кто заступится, кто встанет на твою сторону. Первый год на школьных собраниях она пропускала оскорбления

мимо ушей. Но потом стало ясно: с каждым пропущенным оскорблением, с каждой упущенной из виду проблемой, с каждым якобы не замеченным презрительным взглядом или наглой ухмылкой власть мамаш из родительского комитета растет. И бесполезно ждать помощи от учителей или от директрисы — они все заодно. Все из одного теста. Жизнь потрепала их будь здоров, но они не стали от этого милосерднее, добрее к другим или мудрее. Они безвкусо одевались, слишком ярко красились, не умели ухаживать за кожей и волосами, чаще всего слишком увлекались спиртными напитками и были в два раза старше Юли. Наверное, они завидовали ее молодости, ее свежести, тому, что их гулящие мужья предпочитали ее, даун Артемка получал сплошные пятерки и четверки, а на беленький домик, сад и огород летом было не налюбоваться.

Борьба мамаш переросла в борьбу детей. Одноклассники с Артемкой не дружили, на уроках вечно его подкалывали, смеялись, на переменах толкали, на физкультуре норовили сбить с ног, ударить, пнуть, в общем, избить. В отличие от мамы, Артемка не умел защищаться, он надеялся, что все уладится само собой, если не обращать внимания. На мамины и бабушкины вопросы: «Почему ты весь в синяках?», «Почему у тебя кровь?», «Кто тебя так?» — он не отвечал. Юля ждала. Не вмешивалась.

Однажды Артемка попросил у бабушки денег на подарок.

— На подарок? Кому подарок? — Баба Рая ни разу не слышала, чтобы Артемка кому-то дарил подарки.

Его и на дни рождения ребята не звали. И учителям он наотрез отказывался дарить цветы и конфеты.

Оказалось, подарок Артемка решил купить Лизе, девочке из класса.

— Вы дружите? — неуверенно спросила баба Рая.

— Общаемся, — неохотно ответил Артемка.

И баба Рая так обрадовалась, что дала правнуку целых триста рублей, на которые он в сельской галантерее купил флакон духов.

После уроков Артемка с Лизой иногда вместе возвращались домой и заходили за магазин. Там начиналось поле, и можно было посидеть на лавочке, посмотреть вдаль и помолчать или поговорить. Местные алкаши обычно собирались либо рано утром, либо поздно вечером, а часа в два, в три никто детям не мешал.

Светло-бежевое поле с примесью зелени и белизны, с частыми черными пятнами — застыло. Жимолость, маральник, заросли можжевельника, таволги, лапчатки, кустарники облепихи, ясенник душистый, бруннера, цирцея, эдельвейс хранили молчание и притворялись мертвыми до наступления лета. Даже когда ветер дул, травы не оживали, по крайней мере, не подавали виду. Словно чучело зимы еще не сожгли, и радоваться было рано. Далеко впереди начиналась



черневая тайга — малина, калина, черемуха, рябина, смородина, а еще кедрово-пихтовые леса и ленточные сосновые боры.

Артемка с Лизой смотрели, как летят облака над полем, и ничего не говорили. У Лизы светло-каштановые волосы точно дополняли пейзаж, неподвижные, тонкие, холодные. Серые глаза позволяли облакам, движущимся все время в одном ритме, гипнотизировать себя, отвлекать от мыслей. Из кармана светло-бежевого легкого пальто у Лизы торчал голубой берет. Иногда девочка водила каблук сапога по мелким бесцветным камням, и раздавался шорох, как будто прилив уносил гальку в море. Артемка взял камень и поднес к уху словно раковину: ничего. Из-за камня выполз червяк, направился куда-то по своим делам. Артемка взял палочку, аккуратно потыкал его.

Потом расстегнул на груди красно-зеленую куртку и развязал красный шерстяной шарф.

— Жарко.

Артемка достал сигарету, чиркнул спичкой, закурил.

— Зачем? — Лиза повернула голову.

— Что зачем?

— Ты же не куришь. Зачем закурил?

— Не знаю.

— Хочешь быть крутым?

— Типа того, — Артемка засмеялся и бросил сигарету прямо в червяка, но тот неумоимо полз вперед, — у мамы вечно сигарет завались.

Лиза тоже засмеялась.

— Так хорошо, когда тихо, и лесом пахнет, — сказала она.

— Да, хорошо.

— Тебе никогда не хотелось уйти в лес?

— В смысле в поход?

— Ну да, спрятаться от всех.

— Не знаю. Наверное, хотелось. — Артемка раздавил сигарету ногой.

— Не убивай! — вскрикнула Лиза и тут же с облегчением выдохнула. — Я думала, ты его сейчас тоже... Ногой.

Она смотрела прямо Артемке в глаза. От этого взгляда его пронзало током. Одно короткое движение головой вперед — его лицо возле ее лица. Он дотронулся правой рукой до ее левой руки, а потом с чувством ужаса, так что сердце забилось в ушах, мягкими губами захватил ее нижнюю губу. И сразу кончил в штаны, проглотив стон до последнего звука.

— Я тебя... люблю... — прошептал он почти неслышно.

Ночью Артемка спал как убитый, а наутро проснулся счастливым.

В школе на уроках все было как всегда, только Лизины подружки, Маша, пухленькая чукча, и Даша, выскокая, со светлой косой, перехихикивались, украдкой поглядывая на Артемку. После шести уроков Артемка хотел во дворе подойти к Лизе, но Виталик и его дружки — всего человек шесть — встали поперек дороги.

— Как жиза? — засмеялся Виталик, показав свои слишком белые зубы.

У Виталика была довольно смуглая кожа, очень темные волосы и черные глаза, поэтому сияющие белые зубы сразу привлекали внимание и выглядели неестественно. «Акула, — пронеслось в голове у Артемки, — акула, акула».

— Нормально, — тихо ответил мальчик.

Виталик и другие пацаны заржали.

— Нормально... — задумчиво повторил Виталик. — Да ты долбаный извращенец!

Виталик изо всех сил врезал Артемке по лицу, и Артемка упал. Парни его окружили. Спустя секунду он поднялся. Из носа шла кровь. Пацаны сомкнулись в плотное кольцо.

— Лиза! — крикнул Артемка.

— Лиза-Лиза, хочешь, я тебе кое-что вылижу? — Виталик гримасничал, вихляя задом.

Следующий удар снова повалил парнишку на землю. Артемка не защищался. Он знал, что это бесполезно. Когда он попытался подняться во второй раз, друзья Виталика стали пинать его — то в живот, то в ребро, то в пах. Это продолжалось несколько минут. Лиза с подружками стояла в стороне, наблюдая за происходящим изумленно и растерянно.

Сквозь белесую муть Артемка видел, как парни уходили, он видел, как вслед за ними уходила Лиза с подружками, видел ее глаза — удивленные и равнодушные.

Домой еле добрел, по дороге отыскал сугроб, упал в него лицом. Лежал несколько минут, не думал, плакал. Сильно плакал — до смерти плакал.

Слухи о том, что Артемку избили за приставания к Лизе, то есть за дело, разлетелись по поселку уже к вечеру. Высокая статная блондинка Инна пришла, чтобы поскандальить.

— Тебе мало моего мужа? Взятась за ребенка? О чем он думал? У кого он этому научился? У вас что — семейная сексуальная невосдержанность?

Баба Рая вышла на веранду и сухо сказала:

— Мальчик ничего не сделал. А вот вы, — она указала на Лизину маму, — объясните своей малолетке, что в ее возрасте еще рано быть лицемерной сукой.

Выступление бабы Раи закончилось ором. Побавровевшая от злости Инна полезла драться. Баба Рая попыталась оттащить ее от Юли и получила в глаз, вызвала полицию. Приехал Мишка, поржал, скрутил Инну, выволок из дома.

Артемка, сидя на кухне, слышал все, что происходило на веранде, и плакал.

— Ну что ты реवेशь? Я так ничего и не поняла. Если ты ни в чем не виноват, так и скажи! Тебя ведь затравят теперь! — Юля приложила к щеке крупную

куру из морозилки и стояла напротив сына, тараща глаза то на него, то куда-то в пустоту.

Артемка молча плакал.

— Ну что ты ей сделал? За грудь хватал? За задницу? Штаны снимал? Что ты сделал? — Юля вдруг тоже расплакалась.

— Не снимал я штаны. Я в штанах... — прогундосил Артемка сквозь слезы.

— Что в штанах?

— Промочил штаны, когда... ее поцеловал.

— Да ничего он не сделал, она сама хотела, он ей духи купил! Они дружили, — опять вмешалась баба Рая.

— Ты сегодня уже достаточно выступила, бабуль, — крикнула Юля. — Вы дружили? — обратилась она к сыну.

— Немного.

Больше Артемка ничего не сказал. Ночью, когда все уснули, он оделся и распахнул дверь на улицу. Под бесконечным вечным небом, как в поле, Артемка ощутил себя вне всего, словно небо было его со-измерением. Звезды на темно-синем фоне сияли одна ярче другой, и Артемка зашагал вперед по звездной карте, ежась от холода, но полной грудью вдыхая таежный смолистый воздух и наслаждаясь своим отсутствием.

Утром, перед тем как будить Артемку в школу, баба Рая вышла на крыльцо — проверить погоду, и тут же ей из-за забора стал махать какой-то парень с рюкзаком. Она сняла тапочки, быстро надела галоши на голую ногу, накинула плащ и засемила к калитке. Мальчик аккуратно прислонил велосипед к воротам.

— Бабушка, возьмите газетку!

— Газетку мне не надо.

— Да она бесплатная.

— Все равно не надо.

— Там информация про Ц., бывшего кандидата в президенты, политика. Он хочет сделать новую партию. Вы о нем слышали?

— Что-то вроде слышала, — сказала баба Рая.

— А что вы слышали? — улыбнулся кудрявый мальчик в белой футболке и в джинсах.

— Да не помню уж.

— Ну так возьмите газетку, почитайте его программу.

— Не нужна мне его программа и он сам.

— Почему? Вы разве довольны жизнью?

— Да, — не задумываясь, ответила баба Рая.

— Но у вас же пенсия маленькая, вон домик какой, Интернета, наверное, даже нет. Страна разваливается. Никто нормально работать не хочет. Полиция бездействует. В тюрьму невинных сажают. — Мальчик говорил нескладно и неуверенно.

— А мне и так хорошо, сынок. Раньше было намного хуже. А Интернет вообще зло. Я нашего президента ценю за терпение. Ладно, мне внука надо будить.

Парнишка интеллигентно попрощался и уехал на велосипеде, а баба Рая пошла готовить завтрак.

За ночь сильно потеплело, с крыши капало, и птицы щебетали до головокруженья.

Баба Рая поджарила гренки со сметаной и с сахаром, сделала яичницу и слабенький сладкий кофе с молоком. Солнце било в окна веранды и впервые с прошлого лета по-настоящему пригревало.

Юля еще не проснулась, и баба Рая сначала пошла будить Артемку, чтобы он в школу не опоздал. Но в маленькой комнатке его не было. Баба Рая на секунду решила, что Артемка, как в детстве, пробудившись, побежал к маме — она всегда спала в большой комнате, а сама баба Рая в кухоньке, напротив печки у окна. Баба Рая улыбнулась и решительно толкнула дверь в Юлину комнату. Юля спала, закутавшись в одеяло, как младенец — только кончик носа торчал.

Баба Рая выскользнула на крыльцо, спустилась по ступенькам, пробежала несколько метров до забора, открыла калитку, выскочила на улицу.

— Ар-тем-ка-а-а-а! — крикнула она, сложив ладони рупором, и сердце у нее забилось, как в приступе паники.

— Может, он уже в школе. — Юля продрала глаза и не могла понять, что случилось.

— Он никогда не уходит так рано, без завтрака и не заправив постель. Да и после вчерашнего... думаешь, он прямо спешил в школу?

Юля наспех оделась, натянула джинсы, рубашку, шерстяную кофту, кроссовки, намотала на шею шарф и, вдохнув аромат гренков, сделав один глоток кофе, отправилась в школу. Ворвалась в класс посреди первого урока.

— Где Артем?

Артемка в школе не появлялся.

— Лиза, ты не знаешь?

Лиза отвела глаза.

— Отвечай! — крикнула Юля.

— Вы не смеете срывать мне урок, — сердито сказала очкастая математичка, одернув коричневую юбку на толстом задку.

— У меня сын пропал! Ребята, вы не знаете, где он может быть? — Юля спросила спокойно, жалобно.

Все опустили глаза, как будто Артемка страшный преступник и говорить о нем — позор. Лиза сидела и вспоминала, как спросила Артемку про лес.

— Да что вы за люди!

Юля всплеснула руками, хлопнула дверь. Побежала обратно домой. Баба Рая обошла всех соседей: Артемки не было. Юля позвонила Мишке, мол, выручай. Мишка приехал и сел за стол на веранде, откусил от гренки.

— Вкусно. Можно? — Он потянулся к банке с малиновым вареньем.

— Съешь хоть все, только помоги Христа ради. — Юля нервно заправляла за уши пряди волос.

— Слушай, мальчики в таком возрасте с такими проблемами сплошь и рядом убегают, а потом возвращаются, — сказал Мишка.

— С какими — такими проблемами? — Юля задергалась.

— Вчерашнюю историю все слышали. Да и раньше он был нелюдимый, такой... ну, ты знаешь... непропеченный.

Баба Рая хлопнула кулаком по столу, протянула руку и отодвинула от Миши тарелку с гренками.

Миша засмеялся. Посмотрел на женщин по-доброму. Погладил модно подстриженную бороду. Поднял карие глаза к потолку. Тряхнул пушистой шевелюрой.

— Ладно. Он раньше когда-нибудь убегал?

— Нет, я же говорю. — Юля собиралась заплакать.

— Ты еще не говорила. Спокойно. Найдется. Надо потолковать с его друзьями. С кем он дружил?

— Да вот с той девахой и дружил. С Лизой. Я сегодня пыталась с ней поговорить, она даже в лицо не смотрит.

Баба Рая тихонечко придвинула гренки обратно к Мише, и он взял еще одну.

— А не было у него какого-то убежища, любимого места? Дети часто облюбовывают какой-нибудь — не знаю — сарай, заброшенный дом, устраивают шалаш, палатку ставят...

— Он всегда был либо дома, либо в школе. Клянусь. То есть я уверена, у него нет никаких тайных мест. Какая еще палатка? Ты видел у меня деньги на палатку?

— А где они встречались с Лизой?

— За магазином. Но это не тайное место. Они просто сидели на лавочке за магазином.

Миша доел все гренки, промокнул маленький жирный рот салфеткой.

— Короче, с Лизой надо поговорить.

Лизу нашли за магазином. Она сидела на скамейке одна и смотрела на поле и на лес.

Юля курила дешевую сигарету за дешевой сигаретой. Она выслушала от Миши речь на тему «у полиции нет времени искать сбежавшего мальчишку», потом от директрисы школы — монолог на тему «школа не станет заниматься тем, что произошло вне ее стен» и наконец — упреки от соседей на тему «никто не побежит по поселку расклеивать листовки или что вы там хотели». Она оставила дома рыдающую бабу Раю и сама уже не плакала, но с каждым часом отчетливее ощущала, как накатывает мутный тошнотворный ужас, и все, что в жизни казалось хорошим, нормальным, в порядке вещей, вдруг переворачивается с ног на голову и предстает отвратительным, чудовищным, бессмысленным. Юля вдруг почувствовала себя без толку использованной, как будто сама жизнь ее изна-

силовала, опустошила, прожевала, проглотила и высрала обратно.

Лиза онемела. Сколько Миша ни пытался ее разговаривать — все впустую.

— Да ты пойми, ты же друга своего должна спасти, ты должна сделать доброе дело, а может, и подвиг совершить! Забудь ты о том, кто что подумает, забудь о других, нет никаких других. Будь смелой. Будь смелее, чем все твои одноклассники. Скажи, где он может быть? — Миша умел убеждать.

Не глядя ни на Юлю, ни на Мишу, Лиза подняла руку и молча указала на лес вдаль, за полем.

День прошел в Интернете и на телефоне. Интернет работал только в магазине бытовой техники на главной улице, туда Юля первым делом и направилась. Миша, девчонки из салона, все товарищи и знакомые бабы Раи писали объявления, расклеивали их по поселку, собирали поисковую группу. В полиции возбуждать уголовное дело отказывались, хотя Юля прочла, что если пропадает несовершеннолетний ребенок, то дело возбудить обязаны. Еще она прочла, что человека, пропавшего в лесу, искать надо сразу, и в первый день шансов найти живым гораздо больше. Полицейские, друзья Мишки, общались с Юлей нормально, не грубо, но никто не хотел искать ее сына, все говорили: «Мало ли, убежал, проголодается — вернется». Спустя неделю, когда Юля вместе с поисковой группой давным-давно прочесывала лес, уголовное дело наконец возбудили. У Юли спрашивали приметы, во что был одет, какие вещи при себе имел. А она никак не могла понять, в какой он куртке ушел — красно-зеленая куда-то делась и синяя тоже. «Да вы не волнуйтесь, сядьте, водички попейте», — говорил следователь, теребя гитлеровские усы. Юля опускалась на стул, пила воду и захлеб начинала рассказывать об Артемке: «Он небольшого роста, но очень худой, поэтому кажется длинным, волосы короткие, густые, рыжие, колечками по всей голове завиваются, глаза голубые, бледно-голубые, сосредоточенный он, весь в себе, шарф и шапка красные, ботинки коричневые, тяжелые, из дома он ничего не взял — ни рюкзак не взял, ничего не взял, а куртка... куртка... я не знаю, в какой он... — Юля заикалась и всхлипывала, — ...либо в красно-зеленой, либо в синей... Господи, я не помню, какая... Я не знаю, в какой... куртке...» Баба Рая просила передать дело в Следственный комитет, но ей отказывали: «Думаете, все сразу побегут искать вашего внука? Там таких пропавших миллион! Вы на нас орете, что мы тут чай пьем целыми днями, а там, думаете, чай пить не будут, будут прыгать, волноваться, дергаться, мобилизуют все и вся?» Баба Рая каждую ночь плакала в подушку, резко постарела. О ходе поисков полицейские не рассказывали. Мишка тоже уклонял-

ся от ответов. Как-то Юля устроила истерику, бросилась на него с кулаками. «Ну нечего мне тебе сказать! Нечего! Неужели ты думаешь, что я молчал бы, если бы мне было что сказать?» В тот вечер Мишка ушел, хлопнув дверью, а Юля наутро снова отправилась в лес.

Волонтеры, вызвавшиеся искать Артемку, были в основном молодые. Некоторые специально приехали из Барнаула. Юлин пост разошелся по всему Интернету, и люди помогли. Оказалось, в Барнауле существует волонтерская организация помощи в поисках без вести пропавших. «А многих вы вот так... в лесу находили?» — спросила однажды Юля полную студентку в ватнике и в вязаной шапке (перед поисками все утеплились). Студентка ничего не сказала, только рукой в варежке махнула и носом шмыгнула.

Искали очень просто: ходили по лесу и кричали.

Под ногами хрустели шишки, мшистая почва проседала, ломались сухие ветки. Поблизости от сфагновых болот на остепненных участках с ковылем и ксерофитным разнотравьем было тише всего, даже птицы не пели, ни звука, ни шороха, словно мертвые зоны. Юле становилось страшно. В самих болотах не искали, потому что искали живого, а не мертвого. Глава поисковой группы, мужик средних лет, спокойный, с опытом, сразу предупредил, что водоемы не проверяются: «Это уже не наша вотчина. Это пускай полиция с водолазами».

По укромным, отдаленным от поселений местам, под вековыми соснами из земли кое-где торчали чудесным образом не погибшие за зиму северные орхидеи: ладьян, гнездоцветки. В холоде они поблекли, утратили желтоватый, лиловый, зеленый оттенки, но не сровнялись с землей, как будто лес в тайне собрал себе гербарий и сохранил на память.

В черте массивов старовозрастных сосняков, по опушкам бора, рядом со степными участками на деревьях попадались огромные гнезда. За пищей для птенцов птицы летали на озера и болота. Один раз Юля видела, как на берегу озера отряхивалась косуля. Юле тогда захотелось подойти к ней, спросить, не видела ли она Артемку. Часть озера покрывала тоненькая корочка льда, казалось, вода разделилась на живую и мертвую. А смешанные леса ярусами уходили все дальше и дальше, земля то обрывалась вниз, то взмывала вверх, снег почти везде стоял, встречались огромные, вросшие в твердь валуны, волонтеры на них вставали и оглядывались, кое-кто умудрялся забираться на деревья и оттуда осматривать местность. Ложбины с речками и ручейками вклинивались на каждом шагу. Юля набрала полные кроссовки песка и грязи, промочила ноги.

С горы открывался вид на другие холмы, горы и прогалины. Солнце почти не выглядывало. Из-под

белого неба сеялась дымка. Зелень, чернота, лед, бежевые проплешины в лесу застыли как на фотографии. Юле казалось: здесь сколько ни кричи, никто не ответит.

— Ар-тем-ка-а-а!

Так продолжалось дни напролет. Юля спала, ела и шла вперед. Ей стало нравиться прикасаться к деревьям. Она клала ладонь на толстую сосновую кору и представляла, что под ней в стволе бурлит жизнь: клетки в форме неправильных многогранников, напитанные смолой и крахмалом, запасают полезные вещества и заботятся о старых клетках, в полостях которых дышит воздух; молодые клетки проводят воду, поры у них расширены, они кормят старые клетки, растят детишек; по высоте дерева длина и ширина клеток постепенно увеличиваются от основания ствола до кроны; мертвые клетки не падают на землю, а тоже составляют часть ствола, как живые, только уже смола и вода через них не проходят; ствол собирает целые поколения клеток, ствол не забывает мертвых.

— Ар-тем-ка-а-а!

Лисята, похожие на кошек с пушистыми хвостами, покидали свои норы и выходили просить еду. Мама лисица сидела в стороне и наблюдала. Волонтеры давали печенье и вафли. Лисята ели.

Иногда Юле казалось, что поиски перестали быть поисками и превратились в странную прогулку с незнакомыми людьми. С каждым днем теплело. Волонтеры уже сняли ватники и куртки, ходили в легких свитерах, кое-кто в футболках.

Недалеко от Юлиного дома несколько молодых людей разбили палатку и сказали, что это агитационный штаб политика Ц. Они стали раздавать листовки с портретом Ц., чье лицо совершенно не запоминалось. Мальчики говорили, что Россия вместе с Ц. обретет свободу.

— А что за проблема? Мы и так свободные. Свободные же? Сонь? — Пенсионерки переговаривались, непонимающе глядя на молодых людей.

— Как же свободные? — вопрошали молодые люди. — Государство сейчас все контролирует. Каждый ваш шаг контролируют. А у вас есть шанс стать свободными! За вас все президент решает, а вы можете решать сами! — Молодые люди краснели от удовольствия и волнения.

— Мы не хотим решать! На то он и президент. Россия страна большая, ей нужен сильный президент. Чтоб контролировал!

Пенсионерки уходили, а на их место приходили здоровенные мужики, резали палатку ножами, кромали листовки, избивали пацанов и убегали. Полиция не вмешивалась.

На пятый день баба Рая нашла в ненавистном Интернете телефон экстрасенса и позвонила. Ее попро-

сили сначала перечислить экстрасенсу на карту пять тысяч рублей. Она отказалась. Позвонила по другому телефону. В другом месте ее попросили перечислить на карту три тысячи рублей. Она опять отказалась. Тогда экстрасенс позвонил самолично и заорал в трубку: «Вам три тыщи дороже внука?» Баба Рая бросила телефон в помойное ведро и зарыдала.

— Вы будете что-то еще предпринимать? — спрашивала Юля у Мишки, когда тот вечерами приезжал пропустить стошку.

— А что бы ты хотела? Вертолеты?

— Да! — Юля пила водку, не закусывая.

— Вертолетов не будет. Порядки такие. У государства нет денег, чтобы искать каждого, кто ушел в лес. Ты отдел уголовного розыска у нас видела? Сидят четыре человека: двое по трупам, двое по живым. У них одна машина. Одна! И сорок литров бензина на месяц! На месяц всего сорок! А ты хочешь, чтоб они на вертолетах летали... Да и не нужны тут вертолеты. С вертолетов хорошо видны открытые места, а у нас тайга сплошняком. С вертолета можно костер заметить, дым, огонь, понимаешь?

— У него могла быть зажигалка — моя. — Юля вдруг посмотрела на Мишку с надеждой.

— В лесу очень сыро для костра.

— Миш, ну что это за екарный бабай? Что это за долбаная хрень? Ребенок пропал! Почему полиция не ищет? Все же на одних волонтерах держится. Почему власти-то ничего не делают, почему администрация, полиция ничего не делают? Стране разве не каждый ее ребенок важен? Страна ведь должна быть как семья. А семье важны все ее дети. Что это за сука... херня долбаная... Ты же понимаешь, что если бы он просто ушел погулять, он бы уже вернулся! Господи! — Юля беззвучно хлопнула рукой по столу, чтобы не разбудить бабу Раю.

Миша взял Юлю за руку и крепко сжал ее.

— Юлька, ты в Бога веришь?

— Да, и желаю ему смерти.

Ночью по телевизору Юля смотрела сюжет о мартовском пожаре в торговом центре в городе С. Красивая блондинка-телеведущая вспоминала факты трагедии, возмущалась, что траур объявили не сразу. Власти тогда сочли, что погибло слишком мало детей. Из шестидесяти четырех человек всего сорок один ребенок. Маловато для общенационального траура. В конце концов траур объявили, но как-то безучастно, равнодушно, без слез. Так говорила красивая блондинка. По телевизору показали списки погибших. Они наверняка были неполными, неправильными, но Юле хватило. Она подумала, что и сама ведь не слишком горевала о погибших, хотя несколько раз в юности даже ездила в С., знала город. Отупев и присмирив от долгих рыданий, Юля медленно

переползла с дивана на кровать, легла, уставилась в потолок и впервые за всю жизнь вдруг испугалась, что сошла с ума. Резко села на кровати. Не поняла, почему она — это она, почему она здесь, вот в этой комнате, в этом поселке, в этом регионе этой страны, почему люди вокруг умирают, а другим дела нет, почему снег, почему весна, почему коврик у кровати, почему баба Рая с утра до ночи рыдает, помирает от горя, а сама всегда говорила — надо радоваться тому, что есть, и забывать то, чего нет.

Белый потолок казался Юле белой простыней, которой укроется земля, когда людей истребят с помощью тяжелой межконтинентальной баллистической ракеты «Сармат» и глубоководных быстроходных аппаратов большой дальности, оснащенных ядерными боеголовками. Тогда миру станет легче дышать — без людей. Погибавшие в пожаре дети, о чем они думали? О том, как жалко расставаться с мамой, с друзьями, с кошкой, о том, как душно, как темно, как пахнет гарью. Вот и все, вот и все — трагедию дети оставили тем, кто выжил. Живым взрослым осталась трагедия, это их трагедия.

Шестой день выдался ярким. Солнце залило все окрестности, оно просвечивало даже в самом густом лесу, а редкий лес сиял и оживал. Выползли откуда-то пауки и жуки: лубоеды, навозные, майские, маврские клопы. Зажужжали пчелы, затрепетали на теплом ветру стрекозы, пилильщики, листовертки, гессенские мухи. Застрекотали кузнечики. Заторопились по своим делам озимые черви. За один день расцвел розово-лиловый маральник, и листья на деревьях распустились — салатового оттенка, лаймового, оливкового, цвета папоротника, зеленого лука. Последний лед и снег провалились сквозь землю, реки закрутились в новых летних заботах, озера выдохнули, разбавив напоенный ароматами сосновый воздух глубоким запахом водорослей, камней и песка. Весна наступила.

— Ар-тем-ка-а-а!

Через друзей Миша договорился с барнаульской школой МЧС, чтобы прислали водолазов. Никто не знал, где искать, поэтому решили искать в Малиновом озере, где Артемка летом часто плавал. От М. до озера пешком можно было дойти часа за два с половиной. Еще при Екатерине II приезжие иностранцы удивлялись, когда на столе видели соль странного малинового оттенка. Вряд ли они могли предположить, что такую соль привозят из Кулундинской степи, простирающейся у подножья Алтайских гор. Люди, особенно женщины, жили легендами о целебном розовом озере, испугавшись в котором бесплодные — рожали, а не

красивые — хорошели. Малиновое озеро славилось лечебными солеными водами. Оно действительно омолаживало и очищало кожу, снимало усталость и боль в мышцах, лечило воспаления. Ученые выяснили, что в озере обитает множество водорослей, но разглядеть их можно только под микроскопом. Именно эти водоросли вырабатывают розовый пигмент.

Дно озера было покрыто соляной коркой, и местные жители советовали водолазам идти аккуратно, чтобы не поцарапаться. Миша обрывал мужиков и бабок: «Да не поцарапаются они! Они же в снаряжении!»

Юля ждала на берегу. Людей собралось отовсюду видимо-невидимо. Совершенно некстати, навязчиво и даже нагло в голове звучала песенка:

Не надо, не плачь, пусть он ушел, это не важно,
Все хорошо, все хорошо будет однажды...

Глупая пошлая песенка с такой избитой мелодией, что хуже не придумаешь, дурацкая песенка, услышанная по радио, так въелась в организм, что заменила Юле биение сердца и разметала по углам тяжелые мысли. Не надо, не плачь, пусть он ушел, это не важно... Все хорошо, все хорошо будет однажды...

Юля вцепилась взглядом в солнечный лес на другом берегу. Что за ним, ей не хотелось узнавать, — буреломная чащоба ли, дикие звери, нечисть. Озеро было таким плоским, таким спокойным, а сосны вокруг — такими тихими, такими преданными. Как ночью, Юля вдруг испугалась, что сошла с ума и ничего не понимает. Она не могла понять — как это: почему она на озере, почему водолазы ищут ее мертвого сына.

— Господи, я не ничего не понимаю, ничего не понимаю, я не понимаю... — бормотала Юля, раздвигая руками толпу и спускаясь к воде.

— Куда она? — раздавались крики. — Куда она сбралась?

Юля в одежде вошла в воду по пояс, два раза с усилием оттолкнулась от воды ладонями, проплыла пару метров и нырнула. Пропала из виду.

— Да что за хрень? — Мишка отвлекся от водолазов. — Где она?

— Нырнула! — сказал кто-то в толпе.

— Черт, спасайте ее! Что вы встали! — заорал полицейский на водолазов. — Да чтоб вас! Спасайте ее, она же топится!

Когда Юлю вытащили из воды, она была без сознания. Но потемки обморока пронзала мелодия, пошлая песенка пробралась в самые недра сознания, в сердце страха: «Не надо, не плачь, пусть он ушел, это не важно... Все хорошо, все хорошо будет однажды...»



Даниил ТЕСТОВ

Даниил Тестов родился в Сыктывкаре, столице Республики Коми, в 1997 году. Больше десяти лет проучился в художественной школе. В 2015 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького на семинар поэзии Галины Седых. Изучал народные обряды и фольклор.

* * *

умылась и окрасилась
в цвета красивых дам,
в вечернем платье бросилась
по утренним дворам,
сравнительная с кошками,
нежна сама с собой,
такая рококошная
прошла по мостовой,
прошла по черным листикам,
сложила на груди
худые руки крестиком
и встала у воды,
и рассмеялась,
и расстроилась,
стоит и выглядит — одна.
а за нею, как за Троицей:
холмы, деревья и дома.

16.03.2019

Вариации из Коржавина

приоткрыта в доме дверца.
спит на стуле дядя Герцен.
в четырех стеклянных лампах
электричество лежит.

за окном скребутся листья.
а под печкой декабристы,
аккуратные на вид.

тише-тише...
ночь на крыше.

декабристы, не шумите.
Александра не будите.
пусть поспит
часа на два...

у него жена мертва.

28.04.2019

* * *

прошли и сюда, и обратно,
и снова сюда по мосту,
я долго молчал, неопратно
смотрел на твою красоту
и ждал, не решаясь влюбиться,
и где-то вокруг, в темноте,
стояли тяжелые птицы.
и рыбы
текли по воде.

01.06.2019

* * *

темно,
бесформенно, неправильно.
темно из неба и воды
лежит
глухое, вертикальное —
одно.
и между темноты
сидит старик,
босой, серьезный,
во тьме нащупывает линию
и перекладывает звезды
из некрасивого — в красивое.

21.06.2019



Юрий СМИРНОВ

Юрий Смирнов родился в 1973 году в Кировограде, учился в Харьковском государственном университете (биология) и Кировоградском педагогическом университете (русская филология). Работает в кино- и телесценаристике. Среди авторских работ — сериалы «Синдром дракона», «Костоправ», «Доктор Анна».

Ранее публиковался в «Новом мире», альманахе «Конец Эпохи», в журнале «Идиотъ», на десятках литературных сайтов.

Один из авторов книги «Русские верлибры» (2019, вместе с Д. Даниловым и И. Карауловым).

Лауреат Григорьевской поэтической премии 2015 года.

ПОГРЕШНОСТЬ

Мои первые серьезные отношения с женщиной
Были в возрасте девяти лет.
Мы жили на одной улице,
Учились в одной школе,
Вместе бродили по улицам после уроков,
Я говорил,
Она больше молчала.
Она была умной девочкой.
Умные девочки пахнут особенно.
Медом счастья.
А остальные — совсем по-другому.
Пряным весельем,
Чуть горькой радостью,
Страхом с неуловимым запахом,
Одна девочка в классе,
Ее потом убил отчим,
Пахла болью.
Больницей.
Но разве мы тогда понимали разницу?

Моя пахла медом.

Она обратила мое внимание на то,
Что несколько зданий в городе
Помечены трафаретом с латинскими буквами.
Я считал это тайными знаками
Ордена мертвых рыцарей.
Рассказывал ей истории
Про призраков в латах.
Она как-то сказала мне,
Что расстояние между
Старинными зданиями
Разное.
Всегда разное.
Что они ночью перемещаются.

Я все измерил шагами.
Получалось, что расстояния одинаковые.
Плюс-минус десять шагов.
Это погрешность.
Это мы проходили
В нашей физико-математической школе.

Она хохотала.
Ты дурачок.
Конечно, они неподвижны.
Как ты мог мне поверить?
Ходить целыми днями,
Как страус,
И мерить?
Как ты мог мне поверить?
Как мне можно поверить?
Как можно верить?
Я ответил так,
Как всегда должен отвечать мужчина.
Я поверил в неведомое,
В странное,
В невозможное.
А не тебе.

И нас вместе больше не было.
Никогда.

Через двадцать лет,
Вооружившись компьютером
И знаниями в интегральном счислении,
Я установил,
Что здания все-таки перемещались.

А трафарет повторял марку западных сигарет.
Их больше не выпускают.

Я, хоть убей, не помню,
Как ее звали.
Где-то лежит альбом из начальной школы,
Но я боюсь заглянуть в него.
Вдруг ее там никогда не было?

ПОДНАЗЕМЬЕ

Когда боги жаждут моих острог,
Гневных вздохов и танцев туземных,
Они с воем бросают меня в острог,
В каземат,
В вагонетки подземки.

Едем лицами черные рубить бабло,
Как шахтеры
Из Контрапункта и Генералбаса.
Ласточка,
Я ненавижу метро.
Я — реторта для метастаза.
Я — проклятие местных чумных долин,
Ролевая модель для антиглынца.
В правой шуйце моей пыльный «Пнин»
В левой деснице — чьи-то длинные пальцы.

Воспоминание — все, что от них
От тебя
Осталось.

Станция «Пролетающий над гнездом».
Переход на станцию «Тимоги Лири».
В этом черном туннеле
Безъязычный монстр
Выглядит,
Словно французский лирик.
Тело ношеное, голова набекрень,
Зубы помнят удар Батыя.
Даже странно.
Или, точнее, какая-то хрень.
Герника.
Вперемешку длань, око, выя.

Сердце ухаает в невралгической тьме,
Прорывает клетку,
Катится по перрону.
Я сижу в черно-красной пустой зиме.
Я не встану.
Боги мне шлют ворону
С веткой жимолости в желтых клювозубах.

По идее, я излучаю страх
 И вовнутрь, и снаружи.
 У старухи под юбками вдовий прах.
 У ребенка в глазах — боевая стужа.

Милая,
 Я не сдюжу,
 Не сдюжу поток огня,
 Мне не выдержать красной ветки.

Некто в форме проходит сквозь мимо меня.
 Некто в штатском берет меня на заметку.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Еще в июле слух прошуршал —
 Они придумали, что с нами делать.
 Днепр на теле города, как старый шрам,
 И белый шум стал нестерпимо белым,
 Словно нам выкручивали мозг,
 Как перегоревшую лампочку в парадном.
 Зачищали районы под снос.
 Кардачи, Виноградарь, Отрадний.
 В сентябре на смартфоны прислали приказ:
 «Все белковые города Киева и окрестностей
 Должны явиться на площадь
 Раковых Метастаз.
 При себе иметь золото,
 Теплые вещи и запас пресной».
 Подпись — киборг 344-й Великолепный Чудесный.
 Знающие, обслуживающие Интеллект,
 Пока в нас еще была потребность,
 Объясняли,
 Наша растелесность не выгодна
 Новой цивилизации цифры.
 Нас сгруппируют
 И отправят в прошлое.
 Интеллект как раз вскрыл шифры
 Третьей Божьей машины,
 Замаскированные под пятна Роршаха.

Боже
 Если бы ты дал мне одну попытку
 Заглянуть за завесу времени
 Я помчался бы в семидесятый год
 В тысяча девятьсот семидесятый год
 Год Аполло-13 и Юкио Мисимы
 Я хочу посмотреть
 Как мой умный отец ухаживал

За самой красивой
Женщиной мира
Не успел расспросить об этом папу
Гроба лопата несет нас в хлебопечку ада
Поспешно быстро
Сейчас допишу этот текст
И узнаю у матери
Она за стеной читает другие тексты
Взор ее ясен и дыхание чисто
Дождись меня, мама

Выбор времени рандомный.
Куда выбросит — там и попробуем выжить.
Выжить вроде бы надо.
Стоим, оглядываемся.
Вроде Европа.
Вроде давно.
Автобанов и самолетов не слышно.
Под ногами жижа.
Болото, опушка леса.
Надо разжечь костер и построить навесы.
Нас окружают кавалеристы,
Кричат отрывисто.
Кажется, на покрытом грязью французском.
Девочка одна их понимает,
Говорит, все мужчины
Должны присоединиться к бригадам,
Топать в лагерь Жана Доброго.
Кому-то из наших уже бьют морду.
Какой-то из наших уже задирают юбку.
Переведи им, голубка,
Мы согласны.

А другого прошлого мне и не нужно.
Я прожил жизнь, как веселый ужик,
Не кусался и прогибами добывал свой ужин,
И терял шкуру,
И пугал выдру,
И гонял лягушек.

Мы тогда все погибли.



Андрей ПОПОВ

Андрей Попов родился в 1959 году в Воркуте.

Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат Южно-Уральской литературной премии, международной премии С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами», премии Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград». Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий языки. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

Два Николая

*Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны...*

Николай Рубцов

Жил в Воркуте я, морем Карским
Дышал, читая между дел
Стихи Рубцова. Власти царской
Он не жалел.
А я жалел.

И морем Карским, и свободой
Дышало небо надо мной.
Жаль храм, разрушенный народом,
Народ, разрушенный войной
С собой...
Жаль веру:
 став обузой,
Ушла в стихи и лагеря.
Мне жаль Советского Союза.
И жаль убитого царя.

Мне жаль разрушенный, как атом,
Народ
И храма русский свет...
Что царь убит своим солдатом,
Своею женщиной — поэт.

В КРАЮ Ю

В краю, где я ревную и люблю,
Где коротаю свой железный век,
По-коми речку называет «Ю»
Таежный житель, добрый человек.

И душу беспокойную мою,
Которая привычно видит снег,
Утешит вдруг лесное слово «Ю»,
Что произносит добрый человек.

Что в слове этом?! Только звук и знак —
На речку я невольно посмотрю,
Потом на город — сколько железяк!

Все понимаю, а живу не так,
Как добрый человек тайги, рыбак,
Который говорит, как дышит — «Ю»...

* * *

На великой реке Печоре
Я смотрел, как падает снег,
Как впадают в серое море
Осень, небо и человек.

Как звезда октября находит
На речных излуках ночлег,
Как плывут по хмурой погоде
Утро, баржи и человек.

2018

* * *

Осень. Вечер. Холодно и влажно.
Потемнел от мысли небосвод —
От напоминанья, что однажды
Жизнь пройдет — и солнце не взойдет.

День истек. И пролетело лето.
И проходит мимолетно жизнь...
Поднимись, моя молитва, к свету —
Над холодной ночью поднимись.

* * *

Поэт молчит,
Слова сжимают душу,
Сжимают жизнь.
И надо слушать... Слушать!
И слышать —
Слышать
Тонкий переход
От жизни к слову.
И наоборот.

Поэт молчит...
А празднословья ветер
Безудержно
Гуляет по планете,
Несет пургу душевной шелухи —
Трескучий вздор,
Ничтожные стихи.

И даже пастырь
В комнате алтарной
Записывает свой стишок
Бездарный,
Чтобы поэта хлопнуть по плечу:
— Молчишь, поэт?
А я вот не молчу.

Мои стихи читают хором дети
И премию
«Все сказано на свете»
Вручили мне
Торжественно вчера
За легкий слог и брызги от пера.

Поэт молчит,
А про себя рассудит:
— Хорошие мне — слава Богу! — люди
Встречаются.
Прощают мне грехи.
Но черт их дернул сочинять стихи,
Когда не слышат
Тонкий переход
От жизни к слову —
И наоборот.

* * *

Смерть не верит слезам.
Как положено зверю.
А пути просчитала мои наперед.
Но весной я не плачу.
И смерти не верю.
И в нее я не верю — весной.
Подождет.

Все вернется..
Февраль хоть и хмур, да не долог.
Я в весеннее утро открою окно.
И услышу, что в сердце смеется ребенок.
Или в доме моем.
А иначе и быть не должно.



Ирина СОЛЯНАЯ

Ирина Соляная родилась в 1976 году, живет в Воронежской области. Кандидат юридических наук, писать стихи и прозу начала в 2012 году. С рассказами публиковалась в журналах «Аврора» и «Южный крест», со стихами — в различных поэтических сборниках.

Автор двух поэтических сборников — «Стихи» и «Мышиные песни и пляски». Победитель первого сезона премии «Антоновка. 40+» в номинации «Проза».

ИНВЕНТАРИЗАТОР

Рисунки Марины Медведевой

Кто-то в насмешку назвал этот поселок Привольным. Дома жались друг к дружке как нахохлившиеся воробьи, грунтовые дороги были кривыми и упирались в кургузую главную площадь с одинокой бетонной стелой. Унылые куры бродили по поселку, периодически разгоняемые бродячими шавками.

На отшибе стоял дом скорби, где мне довелось прожить два месяца. Печально вспоминать о причине, которая привела меня в психиатрическую больницу, но не менее печальным было и мое пребывание в ней. Поэтому за глупость несостоявшегося самоубийства я заплатил сполна. Знаете ли, спать на спине, да еще привязанным к койке, весьма неудобно. Дебильноватые санитары пытались взбодрить меня, наставив синяков на плечах и позвоночнике, толкая меня ежедневно вдоль по коридору в процедурную. Я был ходячий больной, и мне полагалось самому добираться до спасительных уколов. Также я был обязан прогуливаться по двору, чтобы доказать обществу свою самостоятельность и способность жить дальше без присмотра.

В кабинете моего лечащего висели две иконы и зеркало. Иконы были гляцевые, только что подаренные при освящении скорбного дома. Зеркало было тусклым, по углам с него слезла амальгама. Из

зеркала на меня смотрел доходяга с синей странгуляционной бороздой на тощей немойтой шее. Глаза мои избегали зеркала и все тщетно шарили в поисках фанфырика. В кабинете доктора обычно пузырьки были пустые, оставалась иной раз надежда стырить фанфырик в процедурной. Но пузырьки со спиртом предумышленно прятали медсестры. Поэтому далеко не всегда я находил то, что желал. Однако ж найдя, горько расплачивался побоями санитаров.

Первый месяц раз в два дня доктор Безобразов вел со мной душещепательные беседы, реализуя свою функцию врачевать не только тело, но и душу. Делал он это неумело и однообразно. Я кивал головой, через двадцать минут беседа угасала, и я возвращался в палату к слюнявым братьям. Затем мы с Безобразовым даже как-то сдружились и вечерами часто играли в карты или пили чайный суррогат в его кабинете.

О том, чтобы бежать из скорбного дома, я даже не помышлял. Идти мне было некуда. Моя мать вряд ли обрадовалась моему неожиданному появлению, а в квартире жила моя бывшая жена. Своей любовнице, как выяснилось, я также не был нужен. В итоге складывалась престранная ситуация: вокруг меня было несколько близких мне женщин, а заботу обо мне, хоть и с казенным душком, проявлял совершенно чужой мне человек — скрытый алкоголик Безобразов.

Иногда в скорбном доме мне даже нравилось. Не надо было ничего делать и даже думать, не надо было выполнять план по статьям и заметкам, ходить на планерки, ездить в глухие села за интервью с долгожителями-скотниками или собирателями патефонных пластинок, писать очерки о святых библиотекарях и сидеть на заседаниях сельского поэтического клуба «Золотая лира». Не надо было метаться от одной бабы к другой, уже ничего не надо было.

С утра были процедуры, скудный завтрак с прозрачным несладким чаем. После процедур — обед. Жидкая каша и мутный суп с разваренными макаронинами, дабы поддержать затухающую, никому не нужную жизнь. Все это сдабривалось побудительными возгласами поварахи «Жрите молча, долбики».

После обеда наступал тихий час, мы лежали в койках, за исключением тех, кто предпочитал качаться из стороны в сторону или застыть в нелепой позе у стены. Тех насильно укладывали санитары, не забыв привязать к койке. Я же через три дня понял, что лучше лежать не привязанным, и затахал в продавленном матрасе, рассматривая санитарные бюллетени о пользе прививок и вреде лесных клещей.

После сна был полдник и прогулка в прибольничном дворике. В хорошую погоду.

Вечером ужин и просмотр телепрограмм в общем зале.

Поскольку мои скудные мозги долбили тяжелым фенотбарбиталом, я все время находился как бы в полусне и мало что помню, да и вспоминать особенно было нечего.

После двух недель моего пребывания в Привольном доктору Безобразову стало ясно, что убивать себя повторно в ближайшее время я не собираюсь, с чертями больше не беседую и даже помню азы карточной игры «Большой шлем», к которой Безобразов был большой охотник. А компанию нам составлял ушлый Правоторов-младший.

Правоторов-младший был помещен к нам в скорбный дом чтобы откосить то ли от армии, то ли от тюрьмы, мне не вполне было понятно. Одно было ясно, что он блатной и здоров как молодой лось. По крайней мере, мне так показалось при ближайшем знакомстве. Ни о чем серьезном мы не говорили с ним, тем общим не было. Бабы меня уже не интересовали, а его интересовали очень, спортом я не занимался, в отличие от него. Не знаю, умел ли он читать, я не спрашивал. Посему мы с Безобразовым быстро научили Правоторова-младшего отличать марьяжи и вести запись очков и коротали ноябрьские вечера втроем.

В один день за ужином Правоторов-младший рассказал мне, что посреди ночи он проснулся в палате и увидел сидящую рядом на его кровати старуху.

— Ей-богу, я чуть не обделался. Сидит такая старая шлендра в халате, блин, на голове платок, в руках что-то держит и смотрит прямо мне в лицо. Мычит что-то. Посидела-посидела, да встала и ушла. Елы, я чуть не обделался!

— Ну а ты не спросил, кто она, зачем приходила? — удивился я.

— Да ты чо! Я ж чуть не обделался, лежу себе и думаю — блин, смерть моя пришла. Баба страшная такая, спокойная такая и мычит что-то себе.

— Может, санитарка или медсестра? — спросил я.

— Не, я их уж тут выучил, морды срисовал. Нету такой.

— Может, приснилось? — не поверил я.

— Куда там! Я ж следом пошел за ней потом, увидел ее в конце коридора. Она свернула влево, отомкнула дверь под лестницей, да и на улицу вышла. Ночью, прям в халате и тапках. А под мышкой у нее что-то черное было, завернутое. Точно тебе говорю, убить меня хотела.

— Кабы хотела убить — убила бы, пока ты спал, — успокоил я его.

— Блин, я спать теперь боюсь, — жалобно сказал Правоторов-младший, — бате позвоню, пусть заберет меня на фиг отсюда. Хватит уже.

— Правоторов, это твоя совесть к тебе приходит, о грехах напоминает, — неудачно пошутил я.

— Надо у Безобразова спросить, что это за фигня такая, ходят тут, пугают до усера.

— Ну, спроси.

Не знаю, спросил ли Правоторов-младший у Безобразова что-то или нет, но к утру следующего дня в его палате умер совсем еще не старый сосед. Симонов, кажется. Тихий пенсионер, который жил в скорбном доме уже лет десять, так как дочь сдала его туда, чтобы под ногами не путался в двухкомнатной хрущевке. Ничем, вроде дед и не болел, а вытянулся в струнку на кровати, выгнулся затем дугой, выкатил глаза свои, да и застыл. Когда его утром обнаружил Правоторов-младший, то деду уже нечем было помочь, а вот Правоторов-младший выл волком, даже пришлось его обколоть. Я спросил у Безобразова, что с Симоновым, а тот только вздохнул да и ответил: «Время его пришло».

Однако Правоторов-младший вбил себе в голову мысль, что приходившая к нему накануне в палату бабка как-то причастна к смерти Симонова. И на прогулке в парке он не преминул мне об этом сообщить.

— Слышь, то она, стопудово, она. Я прям жопой чувю. Она деда пришила, — с горящими глазами сообщил он мне, — стопудово приходила, когда я спал, и пришила деда. Она и за мной придет.

— Та ладно тебе, — попытался успокоить его я.



— Я тебе говорю, прям жопой чую, — убежденно заявил мне Правоторов-младший и бодро зашагал в корпс столовой.

— Какой ты чувствительный, — невесело усмехнулся я и присел на скамейку.

Единственная аллея в парке была засыпана жухлой листвой. Скамейка была мокрая и скользкая. Идти на полдник было рано, в палату возвращаться не хотелось, я не мог надыхаться ноябрьским воздухом и закрыл глаза. Меня всегда поражала тишина скорбного дома. Я всегда раньше думал, что больные кричат, бьются в конвульсиях, гоняют черных кошек, горланят песни. В нашем, первом отделении буйных не было, а второе отделение было за высоким забором, и что там происходило — мне не известно. Так что наслаждаться прогулкой мне никто не мешал.

Подремать на холодной скамейке мне не дал санитар с красивой фамилией Чупкало, вышитой на кармане его халата. Он резво взял меня под локоть и больно подтолкнул к крыльцу, приглашая закончить прогулку. Поднимаясь по ступенькам, я краем глаза увидел старуху с плоским лицом в синем форменном халате и косынке. В руках она держала большую черную клеенчатую тетрадь. И смотрела неотрывно на Чупкало. Затем она покачала головой, раскрыла тетрадь и обкусанной шариковой ручкой что-то записала в нее.

На следующее утро я узнал, что Чупкало разбился на мотоцикле, выезжая из ворот больницы. Он столкнулся на пустой дороге с невесть откуда взявшимся автобусом, который, громяхая и повизгивая, вез бригаду артистов самодеятельности в нашу больницу.

И вот тогда мне стало жутко.

Жуть не отпускала меня и тогда, когда в коридоре больничного крыла расставили стулья, натянули две серые простыни, на которых пришилили вырезанные из цветного картона кленовые листья, а престарелый председатель «Золотой лиры» Гусятников проникновенно читал стихи собственного сочинения про мозолистые руки хлеборобов и курлыкающие стаи журавлей. При этом председатель, выщипив меня зорким глазом из серой больничной толпы, как мне казалось, жадно меня рассматривал, пытаясь запомнить детали моего облика для пересказа в литературной гостиной сельской библиотеки.

На другой день повариха собрала с персонала мятые рубли для вспомоществования семье Чупкало, на обед дали овсяной кисель и морковные котлеты, чтобы мы помянули новопреставленного раба божия Дмитрия.

На прогулке ко мне снова подошел Правоторов-младший и без обиняков сказал:

— Я вчера в окне ту бабку видел. Которая ко мне приходила. О чем ты с ней говорил?

— Я? — с неподдельным удивлением произнес я.

— Ну ты, не я же. Стал, растопырился на крыльце и чо-то обернулся к ней. А та стоит, кивает. А Чупкало тебя к двери тащит, — нетерпеливо сказал Правоторов-младший. — А Чупкало тебя к двери... тащит, — медленно повторил Правоторов-младший. И я увидел, как его глаза расширились от ужаса.

— Да ничего я ей не говорил, — сказал я торопливо и пошел прочь.

Самому стало не по себе, а о чем с перепуганным Правоторовым говорить — я не знал. Но у меня были вопросы к Безобразову, которые задать было хоть и

боязно, но надо. И потом, что мне грозило — двойная доза фенобарбитала?

Разумеется, к Безобразову я не попал, тот был на похоронах. А вечером был пьян в стельку и спал после поминок прямо на кушетке в коридоре, не дойдя до кабинета. И видел я, как волокли его две санитарки, тихо матерясь и посмеиваясь.

Наутро повариха снова накормила нас киселем, который остался от вчерашних поминок Чупкало, видно, свиньи поварихи не любили овсяного киселя. И жизнь потекла по обычному руслу. Гулять нас не пустили из-за обильного дождя со снегом. Я сидел в палате у окна, почесывая место уколов, и пялился на двор. Давно невымытые окна в разводах, пятнах застарелой краски и побелки были тем не менее заклеены полосками газет, а щели подоткнуты желтой старой ватой. Еще вчера я этого не заметил. И стал я думать о том, что уже почти зима, и что скоро новый год, и надо рисовать стенгазету в скорбном доме, о чем мне как-то напомнил Безобразов. От бытовых мыслей меня оторвал ворвавшийся в палату Правоторов-младший. Он бесцеремонно потащил меня за рукав больничной пижамы в коридор, громко пришептывая «Пойдем, пойдем». Не сопротивляясь ему, ибо я уже привык к тому, что в скорбном доме церемонии были не приняты, я был притащен кулем в палату Правоторова. Там я увидел вчерашнюю макабрическую старуху в форменном халате и косынке. Став на мощный табурет, она оклеивала бумагой окно, а половинкой ножниц засовывала в щели полоски ватина, вынимая его из кармана халата.

— Смотри, Костя, пришла, сволота старая, — торжественно произнес Правоторов-младший. Старуха, не обращая на нас внимания, продолжала оклейку окон, вытягивая вверх костлявые руки и демонстрируя старые шерстяные чулки в рубчик.

— Смотри, это она, убийца, — более уверенно сказал Правоторов-младший. — Спроси у нее, что ей надо.

— Да сам спроси, — неуверенно попытался я.

Старуха оглянулась на нас, взгляд у нее был вполне бессмысленный, глаза вскользь пробежали по нашим карикатурным фигурам, и она вернулась к своему мирному занятию.

— Глянь, у нее ножницы в руках, — сообщил у нее Правоторов-младший. — Надо отобрать.

— Да иди ты, — сказал я, — далась она тебе. Ну, клеит окна и клеит.

— Надо отобрать, — уверенно сказал Правоторов, но так и остался на месте.

— Это что за курултай тут? — зычно поинтересовалась сестра-хозяйка Галина. — А ну разошлись по палатам. Устроили тут курултай. Работать людям не дают. — И уже обращаясь к старухе, сказала: — Верка, заканчивай тут, еще в трех палатах клеить.

Верка грузно спрыгнула с табурета, и в этот момент к ней бросился Правоторов-младший, чего я совсем уж никак не ожидал. Он ловко завел старушечью руку за спину и вырвал из ее рук ножницы. Верка глухо застонала. Сестра-хозяйка Галина оттолкнула меня с силой, так что я завалился на койку Правоторова, и бросилась на помощь Верке. Но Правоторов-младший был не лыком шит. Он схватил Верку за плечи и стал ее трусить как грушу, приговаривая: «Что, сука? Ну что, сука?» Я захохотал истерическим смехом от бессмысленности всего происходящего. Подбежавшие санитары уволокли Правоторова-младшего, который, захлебываясь в возмущенном крике, вырывался и кусался. Сестра-хозяйка, обняв растрепанную старуху, почти нежно вывела ее из палаты. И я остался на койке Правоторова-младшего, все еще глупо хихикая, пока взгляд мой не упал на черную клеенчатую тетрадь, лежавшую на полу. Проворно вскочив, я подобрал ее и сунул под пижамную куртку. Я считал себя обладателем сокровища, рукописи, найденной в Сарагосе, тайных протоколов сионских мудрецов. Тогда я не отдавал себе отчета в том, что этой тетради суждено еще сыграть свою роль в моей жизни.

Разумеется, тетрадь искали, перерыв всю палату Правоторова и мою заодно. Обыскали и меня. Растрепанная полубезумная старуха носилась ураганом, ища пропажу, бессвязно бормоча что-то под нос. Недоумевавшие санитары смотрели со стороны, посмеиваясь. Сестра-хозяйка беззастенчиво обыскала меня. Ничего не найдя она кричала в лицо Верке:

— Да успокойся ты, нету твоей тетрадки, иди ищи в сторожку, там ты ее обронила.

Я прикидывался дурачком и тарачил глаза. Тетрадь была надежно спрятана в столовой за батареей. Я просто ждал момента ее прочесть, ждал ужина. За батареями век никто не вытирал и не убирал, среди пыльных лохмотьев клеенчатая тетрадь уютно поджидала меня.

Перед ужином ко мне подошел Безобразов. Он не смотрел мне в глаза, небритое лицо его было встревожено, а костистая лапа почесывала подбородок.

«Мнэээ, Константин... — задумчиво произнес Безобразов, — ...не видели ли вы такую вот тетрадку, хозяйственную, для учета инвентаря. Вера Адольфовна потеряла ее. Мнэээ... Очень нужно, понимаешь ли ты, найти».

— Да нет, не видел, да и санитары ее искали, не нашли. Не знаю, — честными глазами посмотрел я на Безобразова.

Но он неожиданно приблизил свое лицо, пахнувшее перегаром к моему лицу, и сказал очень четко:

— Вересов, тетрадь надо найти и вернуть.

Потом еще посмотрел на меня пристально и удалился быстрыми шагами, заложив руки за спину.

Я решил повременить вытаскивать тетрадь из-за батареи, и еще дней пять она лежала там, смущая меня. И каждый вечер в палатах нашего корпуса шел обыск. Верка, теперь я уже знал, что это Вера Адольфовна, искала свою пропажу, сердито и злобно посматривая на каждого из нас. И никто из пациентов не осмеливался в ее присутствии пошутить по этому поводу. Игры в «Большой шлем» прекратились. Правоторов-младший был переведен в палату интенсивной терапии, приезжал его отец, что-то бурно обсуждалось в кабинете Безобразова, но что — для меня оставалось загадкой. Но Правоторова-младшего вскоре перевели во второе отделение, к буйным.

Странная тетрадь мучила меня, а совесть, как ни странно, не мучила. Наконец, в субботний вечер после ужина, когда пришла моя очередь дежурить по столовой, то есть протирать столы мокрой вонючей тряпкой и собирать посуду, я улучил момент и вытащил тетрадь из-за батареи. Я незаметно сунул ее под пижамную куртку. А ночью при свете луны развернул ее на подоконнике палаты.

То, что я прочел в тетради, меня удивило и поразило. Я не мог найти тому объяснения.

Первые страниц двадцать содержали в себе довольно бледные и выцветшие записи пером и чернилами, потом были записи химическим синим карандашом, затем шариковой ручкой. Всего было заполнено только двадцать страниц толстой тетради. Первая запись была такая: «Мериносов Тимофей Гаврилович, 12 октября месяца одна тысяча девятьсот пятого года от Р.Х. Тиф». Потом было несколько фамилий довольно странных: «Беглов Парфен Мамонтович, 13 октября сего года (зачеркнуто), одна тысяча девятьсот пятый год от Р.Х. Тиф», «Ельшев Степан Федорович и Ельшев Федор Федорович, истопн. 13 окт.». Быстро пролистав записи, я наткнулся на первую пометку чернильным карандашом: «Ходаева Марфа Петровна, девица Крутикова Софья Афанасьевна и младенец Юрий, зараз трое. Сосуля. Шестаго марта осьмнадцатого года».

Часть записей была совсем нечитаема. Подряд густо и убористо были написаны имена и фамилии неизвестных мне людей с небольшими пометками. Непременно была написана дата, проставленная римскими цифрами или прописью, крупными и четкими буквами. Просматривая записи, я увидел знакомые фамилии: «Симонов Леонид Викторович. Ишемич. инсульт. 2 ноября одна тысяча девятьсот девяносто второго года», и следом — «Чупкало Дмитрий Арсеньевич». Дрожащими руками я перевернул последний лист и увидел, что последняя запись гласила: «Переезд. Коломна». Никакой инвентарной описи в тетради не было и в помине, и мне стало очень страшно, я захлопнул тетрадь и спрятал ее на животе под

курткой, после чего лег спать. Но заснуть мне не удавалось, в голову лезли странные и страшные мысли.

А наутро, сразу после того, как я спрятал тетрадь в столовой за батареей, я получил телеграмму от старинного приятеля Геры Хлебникова, который сообщал мне о том, что он приезжает меня навестить. Оказывается, телеграмма пришла еще позавчера и валялась в кабинете Безобразова. В нашем скорбном доме пациенты не получали ни телеграмм, ни писем, хотя писали сами их в избытке. И потому Безобразов попросту не знал, что делать с телеграммой. Не отразится ли ее получение на моем состоянии здоровья, вернее, нездоровья, позволено ли мне получение корреспонденции. Поразмыслив, Безобразов лично вручил мне телеграмму и сказал: «А сегодня и сам Хлебников ваш приедет. Выписать вас, что ли?» — и пыгливо посмотрел мне в лицо. Я пожал плечами, скрывая волнение, и сказал с деланным равнодушием: «Ну, решайте сами». Я вернулся в палату и стал ждать встречи с Герой, одновременно гадая, откуда ему известно о моем пребывании в скорбном доме и зачем он приезжает меня навестить, если мы с ним, почитай, уж десять лет никак не контактировали. Моя жизнь переставала казаться скучной и унылой. Я был в эпицентре циклона.

Геря Хлебников приехал после обеда. Он долго рассиживался в кабинете Безобразова, распивая с ним коньяк. Колбаса была толсто нарезана, балык сочился слезой. Красная рыба пахла на все отделение. Я недоумевал в своей палате. Потом был приглашен к лечашему в кабинет, к остаткам пиршества, под очи пьяного Безобразова и пугающе трезвого Хлебникова.

— Привет, старик, — радостно поприветствовал меня Хлебников и потряс мою холодную руку своими горячими и пухлыми ладошками.

Он хлопнулся в продавленное кресло, указав на стул рядом с собой. Я сел, не стесняясь, соорудив себе бутерброд под одобрительные возгласы Хлебникова, и стал жевать, поглядывая на Безобразова. В комнате плавали клубы сизого дыма. Безобразов лыбился, уютно опьянев.

— Вишь, старик, — на той же мажорной ноте продолжил Хлебников, — молодость вспоминали с Михаилом. Мы с ним в волейбол вместе играть бегали в Одинцово, клуб там был такой «Водник». Неплохо, кстати, играли. Да и к девчатам вместе бегали будь здоров.

Безобразов кивал и лыбился. Он был уж сильно пьян.

— Выписывают тебя, — тараторил Хлебников так же весело, — здоров ты уже, готов, можно сказать, к труду и обороне, на благо, так сказать страны и общества, и в целом даже ничего себе. Я вот узнал от Гусятникова, что ты вот попал в Привольное. Были тут «Лировцы» с концертом, у Гусятникова прямо сердце кровью обливается, с тех пор как он тебя тут увидел.

Решили вот помочь собрату по перу (на этом месте я невольно поморщился), пристроить тебя, новую жизнь начнешь.

Хлебников подливал мне водку в стакан, кидал на батон шпротины и весело совал подачку в мои костлявые пальцы. Я захмелел от выпитого и от счастья, которое внезапно нахлынуло на меня. «Есть же люди! — думалось мне. — Вспомнили меня, болезного, в беде не оставили. А я еще на Гусятникова пыхтел что-то. А он человек, человечество просто. Увидел меня, а не позлорадствовал, посочувствовал. Хлебникова вот нашел, уговорил меня забрать».

— Гера, а куда я поеду-то, жить-то мне негде, — спросил я на волне любви ко всем живущим.

— Да не парься, старик, перекантуешься пару дней у меня, потом пристрою тебя в «Шинник», пока внештатно или на полставки, потом в отдел писем. Общагу там быстро дадут. Не дурак будешь — пойдешь дальше, у нас оно знаешь как. — Гера доверительно подмигнул мне, налил себе на треть стакана и с удовольствием крякнул.

Я пил и ел вволю, радуясь своему нечаянному счастью. Ведь не надо ничего решать, ни о чем думать, нашлись добрые люди, устроят мою судьбинушку. Постепенно набравшись, я уже не помнил, как меня одевали санитары, всучивали выписку и документы. Во дворе урчал узик, я пристроился на заднем сиденье и сразу же заснул. Посреди дороги меня словно

кто-то толкнул в бок, и я проснулся. Узик трясся по лесной дороге в полной темноте, только метра три впереди освещались его фарами.

— Эх, — хриплым со сна голосом сказал я в тревоге, — с человеком одним я не попрощался. Мы с ним нормально так общались.

— С Правоторовым? — отозвался с переднего сиденья Хлебников. — Ничего, встретишься еще.

— Как это? — удивился я, но Хлебников шумно зевнул и ничего не ответил.

— А! — вскрикнул я. — Вещь я одну забыл, важную, вернуться надо.

— Нет, не надо, — веселым смехом отозвался Хлебников, — ничего ты не забывал.

Я лихорадочно пошарил по сиденью и нашел свою болоньевую торбу, с которой приехал в больницу. Порывшись среди мягкого хлама, я нащупал мятые углы клеенчатой обложки. И стало мне страшно, жутко и захотелось выть не зная от чего. То ли от того, что понял я, что еду я не к Хлебникову в квартиру, то ли от того, что он знает об этой тетрадке и ее таинственном смысле что-то, чего не знаю я, то ли от того, что жить мне осталось не так уж много на этом свете.

— Да ты спи-спи, подреми, до Коломны ехать недалеко, к утру только доедем, — посоветовал Хлебников и сонно засопел.

В Коломне было снежно, холодно и очень солнечно. Именно такую погоду я любил, в другие времена



я бы радовался переезду, смене обстановки. Но я был хмур, как типичный ноябрьский день. Узик подъехал к спортивному залу, весьма обшарпанному, но со свежей пристройкой сбоку, куда меня под руку ласково завел мой приятель Хлебников. Несмотря на раннее утро, в пристройке было жарко натоплено, был накрыт стол с богатой закуской и водкой. Сидел тучный господин в черном костюме и второй толстяк в костюме поплоче. Во втором субъекте я узнал Правоторова-старшего, который мне кивнул. Тучный господин указал ладонью на стул напротив, поздоровался с Хлебниковым очень радушно и сказал мне напрямик:

— Константин Александрович, я вас категорически приветствую. (Все вокруг заулыбались, видимо, это была дежурная шутка.) Меня зовут Андреем Денисовичем и я хочу взять вас на работу.

Я оглянулся на Хлебникова, который стоял позади меня. Хлебников на меня не смотрел, а с очень деловитым видом чистил свои ногти спичкой.

— А какая, собственно, работа и что за конспирация такая? — неуверенно спросил я.

— Работа необычная, — сказал Андрей Денисович, — научная.

— Научная? — усмехнулся я. — Не ожидал. Гера вон меня в «Шинник» пристроить обещал, — было продолжил я, но по взгляду тучного господина понял, что мои претензии вовсе неуместны.

— Да, работа научная. С архивами. Историческими, медицинскими. Работа с документами, — с нажимом пояснил Андрей Денисович, а Правоторов-старший покивал утвердительно, — вы поселитесь на квартире, вам укажут. Условия вполне удовлетворительные. Инструкции получите позже от Хлебникова. Мне нужно принципиальное ваше согласие. Ничего незаконного вам тут предлагать не будут, но о работе своей никому, кроме здесь присутствующих лиц, вы говорить ничего не должны. Добытую информацию вы будете сообщать только мне, — продолжил Андрей Денисович, а Правоторов-старший покивал удовлетворительно.

— Почему я? — спросил я, хотя ответ смутно маячил передо мной.

— Скажу без обиняков. Потому что вы грамотный, исполнительный и трудолюбивый человек, я навел о вас справки в газете, по прежнему месту работы.

Хлебников ободряюще похлопал меня по плечу сзади, чем еще сильнее напугал меня.

— Работать вы будете в паре с одним молодым человеком, его зовут Витя. Он будет вас повсюду сопровождать, решать текущие вопросы, обеспечивать вашу безопасность.

— И сторожить? — улыбнулся я.

— Да, вы все правильно поняли, Константин Александрович. Вопросы ко мне есть?

— Да вроде нет, — пожал плечами я.

— Что же ты, старик, про зарплату не спросишь? — зашебетал Гера Хлебников.

— Кстати, Константин Александрович, об оплате вашего труда мы и не поговорили. Вы какую заработную плату хотите? — поинтересовался тучный господин.

— Как у научного сотрудника РАН, — съязвил я.

— Эх вы, батенька, — заулыбался Андрей Денисович, — так, пожалуй, и с голодухи помрете.

Присутствовавшие в комнате услужливо засмеялись.

— Ладно, заработком своим будете довольны. Инструкции получите завтра. Сегодня отдохните, завтра Гера приедет к вам. Вручит «редакционное задание», — подмигнул Андрей Денисович.

Все встали, словно демонстрируя, что разговор окончен.

«Вот сволочи, — подумал я, — ну я и попал».

Гера повел меня к двери под локоток, а Андрей Денисович сказал:

— Тетрадь-то отдайте сюда. Сохраннее будет.

С этими словами Гера ловко выхватил мою болоньевую сумку из моих рук, вытащил клеенчатую тетрадь и передал ее Андрею Денисовичу.

Квартира, на которую меня привез Гера, была чистенькой двухкомнатной сталинкой. В ней было тепло, но пахло нежилым. В квартире меня уже ждал шкафообразный парень в новехоньком спортивном костюме, плоскомордый и плосконосый. На левой щеке у него был аккуратный длинный шрам.

— Витя, — представил мне охранника Гера.

— Ну, здравствуй, Витя, — сказал я, но руки не подал.

Витя что-то буркнул и продолжал сидеть, вытянув ноги в белых кроссовках.

— Я вас оставляю, приду завтра часиков в девять. Продукты в холодильнике, выпивка то да се, только, Костя, не увлекайся, Андрей Денисович этого не любит.

— Гера, ну мне хоть скажи, что происходит, — чуть ли не взмолился я.

— Костя, — серьезно посмотрел на меня Гера, — я сам мало что знаю. Меньше знаешь — крепче спишь. Одно понятно — ты попал в обойму. Мощные люди тобой заинтересовались, так что цени, мне потом спасибо скажешь, старик. — С этими словами Гера похлопал меня по спине и удалился.

А я поселился в квартире с неразговорчивым и угрюмым Витей.

Со временем я узнал, что Витя имеет кличку Сова, странную производную от фамилии Савельев, бывший детдомовец, охранник Андрея Денисовича Кукулина, главы администрации города Коломны. Трудо-

устроен я был в газету «Шинник», откуда мне два раза в месяц приносили ведомости на аванс и зарплату. Деньги же я получал в конвертике, приличную сумму, чтобы почувствовать себя человеком. Работа моя была непыльной, и я скоро привык к тому, что меня повсюду сопровождал Витя. Сова девчонок не водил, водку не пил и у меня отбирал лишнее, поскольку это мешало моей работе. А работа моя была такова: я должен был установить личности всех поименованных в черной тетради, найти о них все, что только возможно. Для этого я ездил в районный и областной архив, листал подшивки газет, неоднократно побывал в двух краеведческих музеях. Мне даже привозили истории болезни из архива скорбного дома. Через полгода я имел довольно полную картину жизни умерших обитателей скорбного дома Привольного. Но это ни на миг не приблизило меня к тому, зачем я собираю информацию и что потом с ней следует сделать. Ночами мне снились бесконечные мутные сны про Беглова Парфена Мамонтовича, умершего от тифа, девицу Крутикову Софью Афанасьевну, обольщенную заезжим торговцем и родившую во грехе младенца Юрия, убитых упавшей сосулькой с крыши больницы. Мне снился Чупкало, уместившийся в седле мотоцикла и приветливо махавший мне рукой, приглашая сесть позади.

С Витей я почти не разговаривал. Не о чем было. Хлебникова видел редко, а Андрея Денисовича — раз в месяц. Прошло полгода, и я уже начал томиться в предчувствии недоброго, потому что моя странная научная работа подходила к концу. Куклин меня к себе не вызывал, все записи у меня забрал, и последние пару недель я томился в безделье.

В один из дней начала мая, когда сады еще не начали прихорашиваться, я возвращался в компании Вити из поликлиники «Шинника», так как проклятый гайморит доконал меня совсем. В конце парка я столкнулся с уныло бредущим доктором Безобразовым. Я не сразу узнал в этом сутулом старике своего лечащего.

— Александр Романович, — радостно окликнул я Безобразова, — ну, здравствуйте, друг мой.

Безобразов вздрогнул, словно проснулся от тягостного сна, и посмотрел мне в лицо, поначалу не узнавая. Постояв недолго, он осклабился. Желтые кривые зубы в недоброй усмешке обнажились на мое приветствие.

— Здравствуй, висельник, — хрипло засмеялся он. И я уж пожалел, что остановился с ним. Сова спокойно наблюдал за нами поодаль. — Как живешь, скольких угробил уже? — продолжил он.

— Бог с вами, Александр Романович, — сказал я с некоторым недоумением, — о чем вы?

— Чем занят, где работаешь? — продолжал Безобразов.

— В газете работаю, обозревателем, в «Шиннике», — продолжал уверенно врать я, хотя сердце сжималось в недобром предчувствии.

— Ну, спасибо тебе, избавил меня от наследства неожиданного, — усмехнулся Безобразов и, качая головой, продолжил: — Вера Адольфовна померла недавно, вот схоронил я ее, матушку мою. В Коломне пожелала упокоиться, где и родилась. Отмучилась, сердечная.

— Так Вера Адольфовна была вашей мамой? — беспомощно прошептал я. — Да как же это?

— Была, — вздохнул Безобразов, — а теперь уж похоронил ее, — повторился он. — Бывай здрав, больше не вешайся, — сказал он печально и потопал прочь.

«Да что за бред, — удивлялся я. — Что он нес? Что за мать, что за виселица, что за чушь? Видно, свихнулся совсем со своими психами», — думал я, глядя вслед удаляющейся сутулой фигуре. И понимал, что не бред это вовсе, и мне очень надо поговорить с Хлебниковым. Беда только в том, что я совсем не доверял Гере.

— Витя, слышь, надо позвонить Хлебникову, пусть вечером приедет, надо обсудить один вопрос, — обратился я к Сове, который топтался поодаль с хмурым видом в промокших кроссовках.

— Чо за вопрос, не вопрос вабче, — сказал Витя и достал из кармана мобилу. Набрал номер, он буркнул: — Слышь, приедь седня, перетерка есть. Угум. Сделано, Вересов, — отрапортовал Сова. — Домой идем, ноги я промочил. Падла, кроссы за три куска, а мокрые, как плоскодонки.

— Ну пойдём, — вздохнул я, удивляясь безыскусной образности свиного языка.

Вечером с Хлебниковым разговор получался скудным. Вообще, за время моего рабства у Куклина Хлебников сильно изменился. Он стал настороженным, как собака, которая ждет крика «ату». Появилось нервное подергивание шей, беспорядочные жесты, словно он перебирал что-то в карманах. Разговаривал он односложно, боясь сказать лишнего, а слушал, напротив, тщательно. Общение с ним меня напрягало донельзя, но он был единственным, кто мог пролить свет на ситуацию. Я рассказал Хлебникову о встрече с Безобразовым, Гера покивал головой, пожевал губами, но продолжал молчать. Вконец доведя меня до злости, Хлебников собрался уходить. Но я не выдержал, схватил его за плечи и хорошенько встряхнул:

— Нет, Герка, никуда ты не пойдешь, пока все не расскажешь.

Я потащил его в кухню под хохот Совы, где силой усадил на табурет и заставил выпить стакан водки. Герка хлюпнул носом, заел соленым огурцом, помолчал и сказал:

— Ладно, дурак, расскажу я тебе. Если сам не догадался, дурак ты эдакий. Пеняй потом на себя.

То, что рассказал мне Хлебников, так или иначе уже носилось в моей голове в виде догадок, а если присовокупить к тому сегодняшнюю встречу с Безобразовым в парке, то складывалась такая мозаика, что ой-ой-ой...

— Пойми, старик. Это страшная тетрадь. Дьявольская. Не смейся, не смешно это. В нее записаны людские смерти. Смерти всех тех, кто жил в скорбном доме или приезжал туда. Ты, наверное, уже убедился, что некоторые в Привольном никогда не жили. Они становились жертвами, когда приезжали туда. Кто-то записывал их имена в тетрадку, а они вскорости умирали. Кто и зачем это делал — дело десятое. Важна сама тетрадка. Все они умирали не позднее суток. Сам уже это понял на примере Чупкало. Тетрадь эта большой силой обладает. Теперь, когда ты уже установил, кто были эти жертвы, не составляет труда понять, что все они были случайно выбраны. Случайно записаны. А кто их выбирал, зачем? — Гера глубокомысленным пьяным взором заглянул мне прямо в душу. Пойми, старик, если выбирать не случайно, а целенаправленно? Целенаправленно! Тем более что самому дьяволу угодно, чтобы эта тетрадка переехала в Коломну. Видел запись? «Переезд в Коломну».

— Гера, теперь Андрей Денисович будет решать, кого выбирать целенаправленно? — спросил я с усмешкой.

— Он или другой... Какая разница. Кто сильнее, тот и будет.

— Так надо же уничтожить ее? — убежденно спросил я.

— Попробуй, — усмехнулся Хлебников, откусывая сочащийся рассолом огурец. — Что же ты раньше не уничтожил? Хранил, прятал. Дурак.

— Да я не знал, — вздохнул я.

— Ну-ну, — подтвердил Хлебников. — Да все ты знал.

Затем Хлебников встал, вытер мокрые руки о мою рубашку, поплелся в коридор и стал надевать ботинки, но не попадал в них.

— А кто записывать-то будет? — спросил я напоследок.

— Назначат кого-нибудь. Кто захочет палачом-то быть? Судьей всем хочется, а палачом-то никому, — неприятно засмеялся Хлебников и хлопнул дверью.

Три дня я пил, изредка просыпаясь, чтобы продолжить пьянствовать. В пятницу утром Витя Сова затащил меня в холодный душ, попутно матеря от души. Нас вызывал к себе Андрей Денисович.

Мы приехали в тот же спортзал, где и была наша первая встреча. Но на этот раз ни накрытого стола с закуской, ни приятеля моего Хлебникова не было. А были там Куклин и, чему я очень удивился, Безобразов.

Витя бесцеремонно втолкнул меня в комнату и сказал:

— Здравсте, шеф. Пил три дня этот. Вот чуток вытрезвил.

Андрей Денисович посмотрел на меня хмуро и немало брезгливо.

— Поговорите с Александром, я сейчас вернусь, — сухо сказал он и вышел из комнаты.

Витя вышел следом. Я сел напротив Безобразова и заметил, что он дрожит мелкой дрожью. Вначале мне показалось, что это зеленый змий его колотит, но от лечащего не пахло.

— Холодно мне, — сообщил жалобно Безобразов, — в могиле я словно. И черви, черви меня едят.

— Успокойтесь, — сказал я и невольно подумал, что мы поменялись с Безобразовым местами.

Сначала в скорбном доме он меня призывал к споконью, а теперь вот я его.

— Костя, слышишь, они нас тут тестируют. Мы фамилии пишем в тетрадку, каждый по одной фамилии, а наутро записи все пропадают, а никто не умирает. Одну фамилию уже шесть раз писали, не умирает, хоть ты тресни, — сказал Безобразов и захихикал, продолжая трястись.

Я сел и обхватил голову руками. «Боже ты мой, — подумалось мне, — неужели мне доля такая выпадет — палачом быть?» В голове носились мысли беспорядочным роем. «Бежать, прятаться, торговаться, усыпить бдительность, сжечь тетрадь...» А Безобразов продолжал что-то бормотать. Тихо бормотать, покачивая головой. Из чего я разобрал только: «Мама моя, Верушечка, покойница дорогая, царствие небесное в ангелах-архангелах, сидела-записывала всю жизнь, да и тетка ее записывала, а у той тетки — дед записывал. И все тетрадку берегли, да все представились. А она не уберегла, и бог прибрал ее. Да зачем же мне такое горе, напасть такая, зачем же мне эта тетрадь...»

— Безобразов, слышишь, ты записывал кого-нибудь? — стал тормошить его я, трясти за плечи.

Но лечащий продолжал причитать, бормотать и похихикивать. Странно и страшно. Я не унимался, пытался до него докричаться.

— Безобразов, слышишь меня? Ты записывал уже? — повторял я.

И только моя пощечина вывела Безобразова из этого состояния.

— А? Я? Нет, я никогда не записывал, мать из рук тетрадку не выпускала, спала с ней, ходила с ней везде. Говорила, что у нее там инвентаризация, проклятая инвентаризация. Я и не трогал тетрадку, и смотреть ее она не давала. А сам догадался, только скрывал все, боже упаси.

— Да нет же, — нетерпеливо спросил я, — ты по просьбе Куклина фамилию записывал?

— Записывал, — засмеялся дробным смешком Безобразов, — наутро фамилия пропала. Куклин полез

в сейф за тетрадкой, тетрадка на месте, лист в ней на месте, а фамилии нет.

— Что за фамилия была? — стал допытываться я, но Безобразов только смеялся и трясся.

Я сел рядом и молча уставился в пол.

Из ступора вывел меня Куклин. Оказывается, он вошел в комнату и стоял в дверях.

— Твоя фамилия, Вересов, — сказал он спокойно.

— Моя? — встрепенулся я. — Моя фамилия? А меня-то за что?

— Не за что, а почему, — ответил мне также спокойно. — Проверял я. Много фамилий писалось в тетрадь, разве ж твоя только... Все записи пропадали. Или в тот же день, или наутро. А люди не пропадали. Живые все.

— Время их не пришло еще, время не пришло! — встрепенулся Безобразов.

— Может, и так, — рассудительно продолжал Куклин. — Только нам ждать некогда, когда у кого там время придет. Нам надо здесь и сейчас, в крайнем случае завтра, а лучше, чтобы вчера.

— Так что, наугад будем фамилии писать да тянуть сюда всех подряд, чтобы записи делали? — с насмешкой сказал я.

— Фамилии писать будешь ты, так что никого тянуть больше не придется, — сообщил мне с неким торжеством в голосе Куклин. — Вера Адольфовна умерла, тетрадь свою она потеряла. Так что Александр Романович способностей записывать в тетрадь не приобрел. Он уж у нас пять человек записал, а тем хоть бы что, да и записи чудесным образом пропадают, — продолжил Куклин, ласково похлопав Безобразова по плечу, — тетрадь нашел ты, стало быть, тебе и писать. Потому что ты у нас теперь инвентаризатор.

Безобразов захихикал, откинулся назад, трясясь и качаясь. Его глупое хихиканье постепенно перешло во всхлипывание, а затем и в плач.

Я стоял в холодном поту и взирал на Куклина, плачущего Безобразова и незаметно появившегося в дверном проеме Сову. Этого не могло происходить со мной, этого не должно было происходить со мной! Мне хотелось быть тургеневской барышней, упасть в обморок и очнуться где-нибудь в цветущем саду на скамье, в щебете канареек и соловьев. Но в обморок я не падал, а вместо этого меня вырвало прямо на брюки Куклина.

Сова наказал меня за это, прибыв на квартиру, он бил меня больно, но аккуратно. Да не в обиду я на Сову, работа у него такая. Только записал я его в тетрадь...

Это была моя третья запись. Записал его без ведома Куклина, Куклин к окошку отвернулся, а я взял

да и записал. И помер Сова в тот же вечер, был избит неизвестными возле бара «Синяя лагуна».

После этого случая Куклин стал хранить тетрадь в особом сейфе. Охранника ко мне больше не представлял. Да куда бы я делся? За Сову меня ругать не стал, но посмотрел в лицо пристально мне, словно с печалью. И понял я, что места своего мне забывать никак нельзя, я не Господь Бог, не судья, а простой инвентаризатор.

* * *

В должности инвентаризатора я работаю до сих пор, начальство меня ценит и даже, можно сказать, побаивается. Про тетрадь заветную никому я ничего не рассказываю, потому что от природы я скромный и даже застенчив. Да и немного мне надо, пища отличная, выпивка и того лучше. Живу в отдельной квартире, с видом на Чистые пруды. Забыл сказать, что переехал в Москву недавно совсем. На одном месте засиживаться ценному работнику никак не пристало. Не по чину это — в провинции век мыкать. Куклин не препятствовал переезду, потому что вниз головой да в бетонном колодце не слишком получается препятствовать чужим волевым решениям.

Передали меня, как красный вымпел, дальше, по инстанции. Двадцать лет уж инвентаризирую, подел совсем. Тетрадь заполнилась уже на треть. Знакомых в ней фамилий мало, да и не вникаю я в это. Ручку завел себе особую, «паркер». Дело ответственное, обставить его тоже надо в надлежащем виде.

«Инвентаризированные» меня не преследуют, вопреки моим ожиданиям. Сова только иногда смотрит укоризненно из моих снов. Может, это потому, что именно его я по своей инициативе записал? Иногда во сне вижу свою мать, но всегда улыбающуюся, молодую. Мы катаемся с ней на лодке по узкой речушке. Она поет песню, и синий поясok платья трепещет на ветру.

На похоронах у нее я не был, не пустили. Памятник, однако, установили ей хороший, мраморный, в виде арки с колокольчиком. Когда поднимается сильный ветер, колокольчик гулко звенит. Я себе так это представляю.

Из старых друзей и знакомцев переписываюсь только с Безобразовым. Зайду, бывало, на почту, спрошу, есть ли письма мне, а почтальон головой помашет. Мол, нету. А я все равно ему пишу, знаю, что живой еще и ждет писем моих. Пишу о погоде, о новых постановках на Таганке, о том, как купил томик хокку в переводе Веры Поповой. Не о новом же начальстве мне писать...



Наталья НОВОХАТНЯ

Наталья Новохатня — поэт, прозаик, член ассоциации русских писателей Республики Молдовы. Родилась и живет в Кишиневе. Автор двух поэтических сборников и сборника малой прозы «Побывать в тишине», изданного по итогам конкурса Министерства культуры РМ (Кишинев, 2015).

Лауреат германского международного конкурса «Лучшая книга года» в номинации «Малая проза» (Берлин — Франкфурт, 2016). Лауреат, дипломант, финалист литературных конкурсов поэзии и прозы.

Участница литературных фестивалей «Пушкинская горка», «Эмигрантская лира», «Акценты» (Кишинев), «Провинция у моря — 2017» (Украина, Черноморск), «Авторские мосты Мэрцишора» (Тирасполь — Рыбница).

ЗЛАТОВЛАСКА

Рисунок Марины Медведевой

Она появилась в нашей парикмахерской в конце августа, как раз перед Днем независимости¹. Кишинев изнывал от жары. Листья на деревьях стали бурными и скукожились, однако крепко держались за ветви — не время еще. Люди носили свои распаренные, как из бани, тела от кондиционера к кондиционеру. У нас кондиционера не было, работал только вентилятор, со старческим скрипом гонявший спертый воздух, отчего запахи лаков и шампуней накатывали удушливыми волнами. Неудивительно, что Татьяна с Родикой поругались. Хотя они всегда ругаются, неважно из-за чего, кто лучше стрижет или у кого больше клиентов. На этот раз и повода искать не пришлось.

Татьяна, эта хитрая гагаузка, по виду сдобная булка с маслом, на деле та еще провокаторша. Выключила гудящую басовитым шмелем машинку для стрижки и в наступившей тишине отчетливо произнесла: «Тоже мне праздник, этот ваш День независимости! Что тут праздновать, когда столько народу на заработки уехало, да так в других странах и осталось. А разбитые семьи, а дети, растущие сиротами... Стыдоба, а не праздник!»

Вот зачем сказала? И кому. Клиент, худосочный парень, крепко завязанный пеньюаром под самый подбородок, выглядел так, словно находился на грани обморока. В зеркале отражались бледное, без кровинки лицо и бессмысленно вытаращенные глаза. Проблема независимости его сейчас вряд ли волновала. Зато откликнулась сучавшая без дела Родика. Черноволосая пышногрудая молдаванка Родика лю-

¹ День независимости Молдовы празднуется 27 августа.

бую критику в адрес родины воспринимала как личное оскорбление.

— Ой, ласэ ворба¹, доамна² Татьяна! Вечно вы, русскоязычные, недовольны. Лично у меня праздник. А кому не нравится, тот пусть терпит. Мы же терпели столько лет...

Со стороны маникюрного столика послышался стук — что-то уронила на пол тонкая, как молодое деревце, Олеська. Вспугнутыми птицами взлетели ниточки бровей, скривились сочные, будто спелые ягоды, губы. Только потом пальцы вытянулись во всю свою неправдоподобную длину и крепко обвили упавший предмет, оказавшийся маникюрными ножницами. На внезапное объятие те ответили строгим, почти хирургическим блеском. Тут я наткнулась на Олеськин взгляд точно с таким блеском и отвела глаза. Знаю, знаю, я должна была что-то сказать, сделать, чтобы остановить разгоравшийся скандал. Все-таки администратор, какое-никакое, а начальство. Но жара высосала из меня все силы, я не смогла.

Так день и тянулся: Татьяна с Родикой ругались, а мы с Олеськой лишь молча переглядывались. С появлением клиентов наступало временное перемирие: пряди волос, мужские, женские, детские, беззвучно летели на пол. Мы наслаждались драгоценными минутами затишья. Но стоило клиентам, расплатившись, выйти за дверь, как скандал вспыхивал с новой силой.

Словно гонг на боксерском ринге, звонил телефон. То ли возмущенно сыпал проклятиями, то ли урезонивал: хватит-хватит-хватит! Но женщины не обращали на него ни малейшего внимания, продолжали свое. Прикрывая трубку рукой — чтоб не было слышно криков, — я сообщала о часах работы и расценках на стрижки. Я втайне надеялась на приход хозяйки, молодожавой дамы с по-мужски крепким подбородком. Одно ее появление — скандал стих бы сам собой. Но та не пришла, только позвонила. «Как там у вас?..» Я с трудом выдавила: хорошо. После чего не выдержала — сбежала на улицу.

Первый же вдох как кипятком обжег горло. Жара была повсюду. Она сочилась через поры нависшего над порогом козырька. Она так нагрела входную дверь, что прикосновение к дверной ручке еще долго отдавало болью в пальцах. Жара размягчила асфальт, отчего тот стал похож на пластилин. Август напоследок будто давал шанс — вылепить новый мир, лучше, добрее нынешнего. Но лепить было некому: прохождение, едва появившись, сразу исчезали. Птицы, все эти воробьи, синицы, трещотки-сороки, и те попрятались

в листву кленов и лип, дожидаться прохлады. Из звуков остались шуршание шин и дребезжание грузных, одышливых троллейбусов — доносились со стороны знаменитого Пьяного угла. Чем он знаменит? Сейчас в угловом тупоносом здании, похожем на корабль (повернулся кормой, хотел уйти в плавание, да так и врос в землю), находится обычная продуктовая алиментара³. А лет тридцать тому назад там был ликеро-водочный магазин, во времена горбачевского сухого закона единственное место в городе, где продавалось спиртное. К радости кишиневцев, а также местных алкашей. Эти последние, выйдя из магазина, открывали вожделенные бутылки прямо на ближайшем газоне. На газоне они потом и лежали, и бутылки, и сами алкаши. Сейчас ни магазина, ни вольготно раскинувшихся вокруг алкашей уже нет, а название осталось.

Со стороны Пьяного угла она и пришла, Златовласка то есть. Никакой Златовлаской она тогда не была, просто девчонка лет четырнадцати с длинными светлыми волосами. Чего мне вдруг почудилось, что от нее исходит какое-то сияние? Наверное, от жары в глазах помутилось. Зато походка была вполне земной. Так ходят взрослые женщины, когда знают, что желанны. И взгляд взрослый, будто все на свете видела. А Златовлаской ее окрестила Татьяна. Я вслед за девчонкой в парикмахерскую вошла, поэтому слышала. Татьяна как увидела, так с ходу и брякнула: иди, говорит, сюда, Златовласка. Та и пошла, спокойненько так, будто ее всегда так называли.

Женщины наши даже про ругань забыли. Не сговариваясь, запели на два голоса: какие волосы, да какой цвет... Златовласка лишь улыбалась. Видно, привыкла, что хвалят. Но улыбка скоро угасла, на смену пришло обычное невозмутимое выражение. Она вообще редко улыбалась (хотела выглядеть старше?). А прическу ей, конечно, сделали: подкрученные по моде золотистые локоны теперь мягко обрамляли нетронутое загаром молочно-белое лицо. Мадонна, да и только! Потом Златовласка часто к нам захаживала, то укладку сделать, то маникюр. И чаевые оставляла, будь здоров. Мы все удивлялись: откуда у малолетки такие деньги? Пытались разузнать, да без толку. Из девчонки слова было не вытянуть. Ну и ладно, в конце концов, что нам за дело, платит, значит, есть откуда.

Клиентов у нас полно, считай со всей Нижней Рышкановки⁴. Но запоминаются не все. Кто-то наверняка скажет, что парикмахерская память зависит от размера чаевых. Вот и неправда! К примеру, ходит к нам Пашка-мент. Вежливый, и чаевые всегда оставляет. Только мы его терпеть не можем — скольз-

¹ Ласэ ворба (здесь и дальше молд.) — в значении: перестаньте.

² Доамна, доамнэ — обращение к взрослой женщине.

³ Алиментара — продуктовый магазин.

⁴ Нижняя Рышкановка — район Кишинева.

кий. У него и движения такие: будто из тела вынули все кости, и теперь оно изгибается во все стороны. Смотреть противно. Зато профессор из университета, сутулый мужчина с по-собачьи грустными глазами, всегда желанный гость. Ну и что, что волосы в черный цвет красит. Мы вначале недоумевали: в сочетании с немолодым лицом эта чернота смотрелась как траур по неудавшейся жизни. Оказалось, совсем наоборот! У профессора жена молодая, вот он и старается быть под стать.

Что преподает? Разве я не сказала? Литературу! Однажды стихи нам читал, странные такие. Слова вроде все знакомые, но ничего непонятно. Я даже попросила еще раз прочесть, вдруг пойму. Слушала я, слушала, и тут меня осенило: это же мелодия, просто написана словами! Льет она в пространство, опутывая всех нас, Татьяну, Родика, Олесю, меня, профессора, жену его. Все вместе мы начинаем звучать. Как ноты. И ничего, что неслышно, ноты ведь тоже по-разному звучат, громче, тише — неважно. От этой мысли на душе хорошо так сделалось, даже слезы на глазах выступили, от избытка чувств. А вы говорите, чаевые... Но я отвлеклась, я ж про Златовласку хотела.

Той осенью мы видели ее почти каждый будний день, так получалось. Молдавская осень — время свадеб. На выходные в парикмахерской толкотня, впечатление, что весь мир срочно решил пожениться. Чтобы потом развестись, но это позже. А пока женихи с невестами, нанашки¹ с кумэтрами² красоту наводят. Зато с понедельника полный штиль. Хозяйка наша не верила, думала, мы парикмахерскую закрываем и по своим делам уходим, вот выручки и нет. Так она проверять вздумала: то придет неожиданно, то позвонит. А мы что, мы всегда на месте. Стулья на улицу вынесем и сидим, клиентов дожидаемся.

Клиентов нет, зато есть белки. Здесь парк недалеко, так они до нас добираются. Пронесется такая шаровой молнией и вдруг застынет совсем рядом. Глазки черные, внимательные — о чем думает? «Оторми», — беззвучно шепчу я, вспомнив детскую игру. Та будто слышит: хвостом дернет и шась на дерево, только ее и видели. А воздух какой... Осенний воздух вообще особый, ароматный, как домашнее вино. Не дышишь — пьешь его. Даже голова кругом идет, словно и впрямь опьянела. А тут Златовласка после уроков идет. Школа ее в двух кварталах от нас, близко. Мы еще издали ее замечали. Олесю — та локтем в бок меня толкает: глянь, какая юбочка да какие туфельки... Я только плечами пожимаю: хоть в листья

девчонку одень, все равно красивая. Кстати, о листьях — очень ей подходило это осеннее золото, жаль, недолговечно оно.

Одна Златовласка редко шла, чаще со свитой. Мальчишки круги возле нее навораживали. Голенастые, шумные. Девочки, те явно подражали. Но куда им до нее! До нас доносилось их щебетанье, прерываемое взрывами дружного хохота. Златовласкин голос, в общем, негромкий, был явственно различим в этом хоре. Слова она роняла небрежно, будто нехотя. Знала, что все равно услышат. Надо отдать ей должное: о свите своей Златовласка заботилась. Мы не раз наблюдали, как, достав из сумки кошелек, она, ни секунды не колеблясь, передавала его одному из мальчишек. И вот он уже мчится в сторону Пьяного угла и почти сразу возвращается с гордым видом. А в руках добыча: мороженое, на палочке, в стаканчиках — как заказывали.

Иногда, резко сменив направление, всей толпой они заваливали к нам. Но в кресло садилась только Златовласка. И пока кто-нибудь из наших колдовал над ее волосами, свита, устроившись на банкетке возле двери, не сводила со своей королевы восхищенных глаз: укладывать волосы просто потому, что вдруг захотелось, — это круто!

Я не помню, когда эта мысль впервые пришла мне в голову. Но когда это случилось, удивилась даже, почему я раньше об этом не подумала. Правда, нашим говорить не стала, чтоб лишней болтовни не было. А подумала я вот что: свита Златовласкина, все эти мальчишки-девочки — щенки бестолковые, от них даже на расстоянии молоком пахнет. Златовласка другая. Когда девичье тело с мужской лаской знакомо, оно будто соком наливается. Манит к себе — надкуси, попробуй. Мужики это чувствуют, вон как вслед смотрят, разве что не облизываются. Даже Серега на нее загляделся. Кто такой Серега? О, это отдельная история...

Светловолосый красавец Серега тоже наш постоянный клиент, часто приходит. А куда ему ходить, если он рядом живет? Хотя лучше бы не ходил. Нет, нет, ничего такого, Серега хороший, и поздоровается всегда, и пошутит. Но в его присутствии с нами со всеми что-то делается. Татьяна начинает говорить тоненьким-претоненьким голоском. Как девочка, честное слово! Родика непрерывно хихикает, будто ей кто пальцем щекочет по ребрам. Олесю вспыхивает таким свекольным румянцем, хоть сейчас в борщ.

«Может, у нее давление?» — беспокоится Татьяна. Какое давление в двадцать лет! От смущения это.

Я тоже смущаюсь, аж подмышки все мокрые. В Регину сторону стараюсь без надобности не смотреть. Получается плохо. Хоть в зеркале, но увидишь: по-мальчишески торчащие вихры, глаза, ласковые

¹ Нанашка — посаженная мать на свадьбе.

² Кумэтр (кумэтру) — крестный отец.



да смешливые, литые бугры мышц... С одного Серегоного плеча хищно скалится темно-синий вытатуированный тигр. Этот тигр мне даже снился, как он по моему телу туда-сюда разгуливает — тьфу! И ведь не то чтобы Серега мне нравился, просто есть мужчины, от которых определенные флюиды исходят. Волевым образом вспоминаешь, что ты женщина. За суетой об этом как-то забываешь.

В тот раз Серега на машине приехал, сына на стрижку привез. Сын — застенчивый тихий мальчик, от Серегина разве что цвет волос. Зато машина очень на Серегу похожа, такая же гладкая, ладная. Даже улыбается, как ее хозяин, — чуть насмешливо. И не надо говорить, что машины не улыбаются, Серегина точно улыбалась! Подошел он к нам с Олесьюкой — мы на улице сидели, — поздоровался. Смотрю: а тигра-то и нет, под рубашкой спрятан. На улице не холодно, но все-таки осень, вот Серега и приоделся.

Я облегченно выдохнула: очень этот тигр меня нервировал. И сразу осмелела. Даже разговор завела, по делу, конечно, про мальчишковые стрижки. Как вдруг Олесьюка голос подала. «Златовласка идет!» — пискнула. Что на нее нашло, может, хотела внимание к себе привлечь? Но Серега на нее и не глянул. А на Златовласку посмотрел, да. Потом заговорил, и слова вылетали из вишневого рта голыми косточками:

— Златовласка... Вот, значит, как.

Когда спустя несколько месяцев выяснится про их любовь, Олесьюка скажет, что еще тогда обо всем догадалась, по словам и по взгляду. Только задним числом что угодно можно придумать. Ничего особенного в его взгляде не было: так смотрят на стол или стул, без всякого выражения. А фраза... ну да, странная. Но ничего мы тогда не поняли, и понять не могли. Это только господу богу все видно, а люди и не замечают, пока их носом не ткнут.

Но это будет потом. А пока, пожелтев, покраснев и словно разозлившись на обилие цвета, деревья разом скинули всю листву. Рассчитывали на роскошный белоснежный наряд? Но зима в Кишинев приходит не по календарю, а когда захочется. И только струи дождя злобно хлестали будто провинившийся в чем-то город. Он был порядком измучен, когда наконец пошел снег. Дотошный, тот обходил квартал за кварталом, улицу за улицей. И вот уже нахлобучили мохнатые шапки дома; деревья, как диковинные звери, на глазах обрастали шерстью. Но следить за чудесным преображением было некогда, в парикмахерской начался предновогодний марафон.

Ждать его мы начинаем еще с осени. Оно и понятно: больше клиентов — больше денег. Но с каждым новым днем про деньги думалось все реже, зато спать хотелось все сильнее. Еще я вдруг с ужасом поняла,

что начинаю ненавидеть людей. Их слишком много, как и их желаний, капризов и, конечно, волос. А волосы были повсюду: они витали в воздухе, налипали на одежду, кололи, раздражая, кожу. Люди не виноваты, они просто хотели стать красивыми, но почему за наш счет? Движения наши стали замедленными, мы осунулись. Только улыбки будто навечно приклеились к лицам (не пришлось бы отдирать вместе с кожей). Все мы мечтали об одном: оказаться перед экраном телевизора с тарелкой салата оливье. А потом, едва пригубив шампанское, завалиться спать. И никаким петардам не пробиться через толстые стены усталости.

Про Златовласку с Серегой мы узнали, когда праздники были уже позади. А все Родика: ворвалась в парикмахерскую, лицо, как пожар, полыхает. Даже говорить не могла, так разволновалась. А когда наконец заговорила, обычно еле заметный молдавский акцент был таким сильным, мы и понять толком ничего не могли. Хотели попросить, чтоб по-молдавски рассказывала — через слово, но все равно пойдем, — но тут Родика взяла себя в руки и заговорила:

— Штиць, фетелор¹, иду я на работу. Вижу: машина стоит, на Серегину похожа, прям один в один. Подошла поближе — правда, Серегина! И он тут, на водительском месте сидит. А рядом — кто бы вы думали? — наша фрумушика² Златовласка! Ну, я-то не баба проастэ³, вида не подаю, что заметила, иду себе дальше. Только вдруг слышу: «Доамна Родика, можно вас на минуточку...» Даже имя запомнила! Я и подошла. А Златовласка стекло машины опустила и давай расспрашивать, как я сегодня работаю и можно ли записаться на стрижку. Конечно, говорю, пофтиць⁴. Она спрашивает, а я в лицо ей смотрю. Потом глаза опустила, а там... мамэ драгэ⁵!..

Родика занервничала, сбилась. Видно, до сих пор переживает. А дело было в Серегиной руке — та ползла по ноге Златовласки, как какое-то насекомое. То на коленке оседет, то выше двинется. Поглаживает, тербит, снова поглаживает. Потом вообще под юбку нырнула. Златовласка до этого говорила спокойно, а тут губу закусилась и молчит. И вид такой... сначала вроде как смущенный, а потом глаза словно пеленой заволочило. Тут Родика не выдержала: пробормотала что-то невнятное и прочь бросилась. Еще не хватало на чужие обжималки смотреть! Может, кому это

смешным покажется, но не смешно это вовсе, противно даже.

— Он ведь женат... ребенок... — только и сказала Татьяна. Тоже мне, открыла Америку.

— Он женат, — передразнила ее Олеська. — А она, между прочим, малолетка!

Сказала как отрезала. Молодец, Олеська, в самую точку! Я подумала, что Олеська очень умная и нечего ей с чужими ногтями возиться, учиться надо.

Златовласка так и не пришла тогда. Зато спустя неделю появилась вместе с Серегой. Поначалу было неловко на них смотреть. Будто мы сделали что-то постыдное. Но и любопытно тоже: как эти двое будут себя вести? А никак. Вели себя как обычно. Мы тоже расслабились. На самом деле, если забыть все обстоятельства, хорошо они вместе смотрелись: оба светлые, красивые — пара.

В зеркале отражалась насмешливая Серегина улыбка, словно догадался, о чем мы все думаем. Но улыбка сразу окаменела при виде зашедшего в парикмахерскую Пашки-мента. Меня неприятно поразило, что они знакомы. Не такой человек этот Пашка, чтобы знакомство с ним водить. А тот, покачиваясь из стороны в сторону, как змея перед броском, уже что-то шептал в слегка оттопыренное Серегино ухо. О чем говорит? Жаль, не расслышать. Зато последние слова прозвучали громко, даже слишком: «Смотри, я тебя предупредил!» После чего Пашка уходит. В каком-то остервенении хватаюсь за швабру — смыть все это непонятное, недоброе...

Не потому ли началась моя тревога? А может, это просто февраль... Тяжелый месяц, уж очень сурово глядит. Слово решает: засыпать город снегом по самую макушку или ливнями затопить. Так и не выбрав, пробует то одно, то другое. В результате все покрывается ледяной коркой. Темно-серая, бугристая. Будто скопище глубоководных медуз — всплыли за ночь из земных недр и облепили беззащитный город. Сверху на это безобразии щурится бледное, коматозное солнце. Ни сочувствия, ни тепла. Чего удивляться, что душу, как постиранное белье, выкручивает.

И вдруг все изменилось. Я шла от Пьяного угла вниз по улице и... Нет, я не гуляла, просто позвонила клиентка, сказала, что хочет покраситься. Но краску купить не успеет, и не могла бы я... «Конечно!» — радостно завопила я в трубку. наших аж скрутило от смеха. Глупые, ничего они не понимают. Как усидеть в помещении, когда на улице солнце...

А солнце ласкалось, как провинившийся и пытающийся загладить свою вину ребенок. «Простить?» — поглядывая посветлевшими глазами-окнами, будто спрашивали друг у друга пожилые и оттого недовер-

¹ Штиць, фетелор — знаете, девочки.

² Фрумушика — хорошенькая, красотка.

³ Баба проастэ — глупая женщина, дура.

⁴ Пофтиць — пожалуйста.

⁵ Мамэ драгэ — мама дорогая.

чивые хрущевки. «Простить!» — ослепительно вспыхивал крест на куполе Церкви Всех Святых. Даже люди — уж на что привередливые — выглядели умиротворенными. Как будто солнце служило гарантом: все в этом мире будет хорошо. Но когда со стороны Пьяного угла раздались отрывистые, сухие звуки, я, еще не осознав их природы, уже поняла, что хорошо не будет, а будет другое, страшное.

Спустя несколько минут в каком-то отупении я стояла и смотрела на развороченную, как квартира после взлома, Серегину машину. Это было похоже на кадр из боевика. Не может быть, чтобы это было по-настоящему! Но вот оно, совсем рядом: раскинутая по стеклу паутина трещин, осколки скошенного под корень бокового зеркала и, главное, — маленькие круглые отверстия, в беспорядке рассыпанные по всему периметру машины. Зачем-то стала пересчитывать: одно, второе, третье... десятое... Какая разница, что делать, лишь бы не видеть завалившегося вбок, да так и застывшего в неестественной позе тела, на котором, словно прорастая сквозь одежду, распускались жуткие алые цветы. Поэтому когда Пашка-мент (откуда взялся?) резко, почти грубо отодвинул меня в сторону, я даже обрадовалась. Почему я не сделала этого раньше и сама, непонятно.

Оглушив сиреной, примчалась скорая, как гигантские белые птицы, заметались санитары. По привычке оглядев мужские виски и затылки, я подумала, что санитарам пора стричься. Еще подумала, что они наверняка запачкают свои халаты. Подумала равнодушно, просто мысли цеплялись одна за другую. Но тут Серегу стали вытаскивать из машины, чтобы положить на носилки. Я отвела взгляд и уставилась вниз. Там шла своя жизнь и своя борьба: ледяная корка пока еще держала позиции, но ручки штурмовали со всех сторон, конец был предсказуем.

Когда я снова подняла глаза, носилок было уже двое. С одних, белое, как снег, смотрело Серегино лицо. Вторые носилки были накрыты полностью, лишь сбоку из-под простыни выбивались длинные светлые пряди. Я узнала их, я узнала бы их любыми, даже такими — тусклыми и безжизненными. Вдруг вспомнилась выброшенная на помойку кукла. Меня затошнило. Еле успела забежать за угол, и уже там, за углом, меня вывернуло наизнанку отвратительной желтой слизью. Поесть я не успела, и рвать было нечем.

С работы в тот день я отпросилась. Хозяйка — как раз зашла за выручкой — только глянула на меня и сразу руками замахала: иди, иди! Зато и разговоров было назавтра... Даже в новостях наш Пьяный угол упомянули. «В Кишиневе на улице Андрея Догги, в районе Пьяного угла, было совершено покушение на известного бизнесмена Сергея Царькова. Бизнесмен в тяжелом состоянии достав-

лен в больницу», — сделал серьезное лицо и подражая дикторской манере, проговорила Татьяна. Так похоже у нее получилось, мы с Родикой от неожиданности даже рассмеялись. Только Олеська не смеялась. Она вообще вела себя странно. Время от времени я ловила на себе ее взгляд, в котором читался невысказанный вопрос. Я догадывалась, о чем она хочет спросить, но, наконец озвученный, вопрос все равно застал меня врасплох.

— Ты ведь была там, правда? И не говори, что нет. Ответь только, он был один?

— А что сказали в новостях? — попыталась я оттянуть время.

— Один.

— Значит, так и было! — с непонятным мне самой раздражением ответила я.

Олеська посмотрела на меня удивленно, но промолчала, отошла в сторону. Думаю, она мне не поверила.

Женщины наши про Златовласку нет-нет да и вспоминали: мол, давненько не видно. Потом-то реже, конечно, все постепенно забывается. Но когда я увидела входящего в парикмахерскую Серегу, я все-таки надеялась, нет, я ждала — взгляда, жеста, хотя бы намека! Но он был таким же, как всегда, веселым, улыбочивым. Лишь когда садился в кресло, я увидела, как исказилось его лицо. Но это была гримаса боли, не больше. Да нет, я все понимаю, Серега вовсе не обязан раскрывать душу, тем более перед нами, посторонними людьми. Только мне вдруг стало так тошно. В эту минуту я поняла: работать здесь больше не хочу. Меня, конечно, уговаривали остаться, Татьяна, Родика с Олеськой, наша хозяйка, даже клиенты. Но я твердо решила — нет.

В мой последний рабочий день ощущение было как на вокзале, не только у меня — у всех. Волнение отъезжающих — меня! — грусть остающихся, и вечный вопрос: встретимся ли когда-нибудь. Неудивительно, что женщины наши выглядели потерянными. Олеська — та даже всплакнула. Я хотела утешить, что-то сказать, но слова все куда-то задевались, и я просто ее обняла. А потом пришел профессор, тот самый, что красит волосы. Пока я заканчивала дела с хозяйкой, собирала вещи, профессор стригся. Он нагнал меня уже на улице.

Я стояла на крыльце и наблюдала весну. Невыносимо голубое небо резало бы глаз, когда б не мохнатые брови облаков. Сдвинулись — на время исчезла голубизна. Там же, возле облаков, веселыми голосами переговаривались птицы. Ветви деревьев тоже отчаянно тянулись вверх. Но их облепили разжиревшие почки, куда в небо с таким-то грузом. А сквозь влажную, рыхлую землю уже пробивалась едва заметная

зеленая щетина. Но было что-то еще, неуловимое. Оно носилось в воздухе, пузырьками от шампанского ударяло в нос, в голову. И от этого невозможно, непоравимо хотелось жить.

— Скажите, я очень старый? — вдруг спросил профессор.

Я даже вздрогнула от неожиданности. Он так тихо стоял рядом, что я успела про него забыть.

Я открыла рот, чтобы ответить, но словно кто другой за меня говорить стал:

видишь как дымок из дымохода запутался
в орлином полете
и только снежное перо
режет узел пополам и разглаживает его
над полями

так жизнь моя — дым запутанный
и лишь перо орлов

рассекает меня пополам и рассеивает
любимая над полями¹

Это я стих вспомнила, что профессор однажды читал. Прочитала и смутилась, и в сторону смотрю, чтоб ненароком на профессорский взгляд не наткнуться. Потом все-таки посмотрела — а лицо у профессора светлое-светлое. Будто солнечный луч прикоснулся. И тут сквозь наслоения лет-морщин я увидела совсем юное лицо. И волосы... живые, без грамма краски.

«Спасибо», — только и сказал он. Но это «спасибо» получилось огромным, как облако. И как только во рту умещалось. Не говоря больше ни слова, мы двинулись вперед, дошли до самой дороги, после чего шагнули в противоположные стороны. Или в одну весну, так, пожалуй, будет правильной.

¹ Стихотворение Никиты Стэнеску (из книги «Узлы и знаки»), перевод с румынского Олега Панфила.



Алексей А. ШЕПЕЛЁВ

Алексей А. Шепелёв — прозаик, поэт, журналист, рок-музыкант, радиоведущий, автор нескольких книг стихов и крупной прозы, в том числе книг Echo (2003), Maximum Extremum (2011), «Сахар: сладкое стекло» (2011), «Настоящая любовь» (2013), «Мир-село и его обитатели» (2017).

Кандидат филологических наук, исследователь творчества Достоевского и Набокова.

Член Союза писателей Москвы, Евразийской творческой гильдии (Лондон).

Финалист (2010) и лауреат премии «Нонконформизм» (2013), лауреат международной Отметины имени Д. Бурлюка (2003), финалист премии «Дебют» (2002), премии Андрея Белого (2014), премии имени Иннокентия Анненского (2019).

Стихи переводились на немецкий и французский языки.

КЛЕЩ ПОД СЕРДЦЕМ

РАССКАЗ

Два или три года не косилось уже в саду — май месяц, а заросло все чуть не по пояс, да еще с прошлогодними сухими былками. В деревне кому до этого есть дело: тут всюду заросли, всюду завалы, кругом по-прежнему развал... И вот я начал — с пилой, лопатой и косой. Принял даже *меры предосторожности* — и в кепке, в заправленных в носки штанах и в рваной куртке, хоть и жарко. Но так увлекся — в один бы день все выкорчевать, опилить и первым делом — скосить.

Помню я эту пору, 25 мая, — прибежишь из школы, сразу в сад... А тут — ковром одуванчики, над ними — яблони в цвету, жужжат шмели, порхают стрекозы, бабочки, солнце... А нынче — только чистотел в тени и гнилости да непролазный бурелом в крапиве...

Намахавшись до упаду, я валился с ног. Стараясь соблюсти здешний обычай «лишний раз не лить воду»

(в переполненную канализацию), я только на третьи сутки, ложась спать, обнаружил у себя рядом с левым соском что-то черное, явно торчащее из кожи. Как будто капля железа от сварки или впившаяся стальная стружка. «Упал по пьяни», «подрался», — даже такое на миг мелькнуло, но тут же спохватился, что сколько уж не пробавляюсь ничем подобным.

Два дня я думал, что у меня болит сердце. Что и говорить, писательская жизнь приучила к такому чуть не ежедневному перенапряжению, к бессоннице и постоянной разбитости организма, что «болит сердце» — пусть как-то непривычно, жгуче, — и ладно. И никогда-то я этих клещей не видел...

Подскочил к компу — но Интернет здесь еле брезжит, и пока грузилось, я не вытерпел присутствия чего-то инородного, черного, копошащегося прямо под сердцем. Конечно, оторвал половинку. Эх, надо

было... И тут такое написано! Не только энцефалит всем известный, но и еще четыре не менее опасных недуга. Чего только не сулят: артрит, аритмия, отказ почек и печени, потеря зрения и слуха, паралич нервной системы, даже пневмония с эпилепсией. «Тяжелые формы сейчас встречаются реже», но зато при них «прогноз неблагоприятный», «полного выздоровления не наступает». В пять часов разбудил родителей, отец пошел за машиной в район ехать.

Ночью как раз прошел долгожданный дождь. Грязища, потому в калошах, калоши ледяные, да и так что-то потрясывает. Вот тебе и озноб, до кучи к головной боли и ломоте в мышцах. Диагностировать, пишут, не так просто, это могут быть недели, месяцы и даже годы. Есть еще и латентные, хронические формы. Болезнь может проявить себя даже через десять лет.

За братовой машиной увязались собаки — здоровый, но молодой еще их овчаренок и маленький косолапо-коротколапый Кузька. «До района будут бежать, тридцать километров!» Отец все останавливался и пытался их отогнать. Но наши 10 км до трассы дорожка была похуже самого извилистого серпантина — настоль понатыкано колдобин, и все их скрипучей рулевой обруливать! Даже собакам эти ралли надоели, и они отстали.

А на въезде в поселок какая тоже дорога — как макет лунной поверхности. Когда еще поедут тут небожители — спуститься ведь нужно: на луну, на землю!

И вот часов уже около семи мы входим в «покой», и навстречу...

Это была она — та самая Яна Касаткина! Вот уж где не ожидал ее встретить, хотя, конечно, слышал, что давно уже уехала в райцентр и медсестрой работает. Что муж ее, служивший, кажется, помощником депутата, отправился недавно в места не столь отдаленные. И при этом даже прибавляли: «Какая же Янина шикарная баба-то — во!» — так говорила мама, передавая разговоры в учительской. Вот ведь, помнится, в школе эти учителя ее не дуже жаловали! Но такие теперь настали времена, что и других моих погодков, которые вообще ни в зуб ногой были, приводят в пример, даже цитируют! Все в *новой* жизни устроились — оказывается, не надо было хорошо учиться и прочее, главное — в этом самоустроении. Но Яна и тогда была дерзкой. И тогда была фигуристой. Каштановой шевелюры, конечно, у пионерки не было, и крема этого, делающего кожу лица какой-то влажно-блестящей. Не могу представить ее сорокалетней, для меня ей вечно 14 или 16!.. 39 минус 14 равно 25. Вот для меня ее возраст! А крутые эти бедра, невольно ставшие, наверное, для меня эталоном: выходит Янина к доске — обтягивающая блузка с торчащим из-под нее воротничком, спортивные

штанцы весьма облегающие — ежедневная тогдашняя форма, как только отменили советскую. Стоит, длинная, с внезапно и всем на диво оформившимися юношескими формами, лопочет что-то о равнобедренном треугольнике — и я его вижу! И сзади часто вижу две полусферы, иногда с меридианами от трусов. Но не равны другим те бедра — потом я, конечно, об этом узнал, но — поздно!

И вот она предстала, мелькнула предо мной не в спортивных уже штанах, и даже не в лосинах, что было пиком празднично-дискотечной откровенности, а в чем-то между тем и этим средним, в современных обтягивающих легинсах, хорошо что хоть темных! А сверху толстовка с капюшоном — по провинциальной моде в обтяжку и короткая, с аляповатой надписью на левой... стороне — и впрямь на зависть всей деревне! Хорошо хоть не со стразами, и не Diog или Mocshino. Зато ведь камуфляжная — как я мечтал когда-то, чтоб на ней...

— Проходи, — приглашает она плавным жестом, — присаживайтесь пока тут, на кушетку.

Оказывается, она сама только что пришла и заступает на дежурство.

Посредине этой проходной комнатки, какого-то полукоридора, живописно стоят на старом кафеле женские босоножки — белые, на платформе, с носами в дырочках — неужели ее?

Когда я ее видел в последний раз? Лет двадцать назад. Волосы она тогда сожгла гидроперитом, губы изуродовала темно-бордовой помадой и вообще в своем медучилище отчего-то вмиг растолстела и обабилась.

И теперь вижу — она даже щелку в двери оставила, чтобы я мог с кушетки за ней наблюдать!

Пытаюсь смотреть в другую сторону. Вообще-то, судя по обстановке, весьма суровая, наверное, эта служба. Пара столов с канцелярским хламом. Телевизор в углу, на неплоском экране которого виснет квадратиками изображение — новости Первого канала... Мерзко хлопая дверью на подобающей тугой пружине, заходит типичный молодой полисмен с клеенчато-прозрачной мерзкой папкой. Перешагнув босоножки, подтягивает, чертя по полу, к столу стул с этой стороны, усаживается и что-то достает, подписывает, перебирает... Возникает еще какой-то дядя с такой же папкой, явно административно-хозяйственного школьного вида. И точно: про последний звонок заводит речь! Петровичем зовется — как я и предполагал!

А Яна уже, скрипнув дверкой, является переодетая в халат. Весьма пышна, накрашена, как будто какой-то сон — домашний постельный косплей с подержанным костюмом медсестры!

— Раздевайся, проходи туда. Паспорт и полис, — деловито распоряжается она безо всяких улыбок.

Сегодня именно 25-е, и ей 25! Помнит ли она тот *наш* последний звонок?!

Раздается звонок телефона. Она подходит. В дверь вваливается несколько человек в похожей на облачение дорожников униформе скорой помощи. Сгружают ящики с крестиками на залежи других ящиков у стены; «как аккумуляторы!» — читаю я мысли отца. Он тоже зашел, тоже поздоровался с Яной, суя мне ненадобную здесь дурацкую пимпочку с бахилами — как будто презерватив! Одна молоденькая врачиха в комбинезоне, сбросив грязные резиновые сапоги, по-домашнему впорхнула в те самые шлепки.

— Где клещи, сколько? — на ходу спросила Яна.

Я, быстро опустив снимаемую майку, показал пальцем, стараясь улыбнуться, но чтоб не выказать всей по-мальчишески нахлынувшей на меня радости.

И как будто только тут я вспомнил, зачем сюда приперся! Домашнее-то оно домашнее, и бедра еще крепче, но челюсти у меня почему-то так и начало сводить, словно оказался голым на нестерпимом морозе. «Боррелиоз, — вспоминаю-шепчу про себя, — йод... антипрен... йоданти...»

Я на кушетке в процедурной комнатке, а она старательно вписывает — все тем же знакомым мне до боли почерком с неправильным наклоном — мои *данные...* Я-то помню ее почерк, а она-то хоть что-то помнит, хоть что-то знает обо мне?

— Вот, угораздило, — наконец-то решаюсь выдать я, чтобы хоть как-то завести разговор, хоть как-то разрядить обстановку.

Если она совсем ничего не скажет, не улыбнется, не вспомнит, то как же мне будет потом.

— Та-ак, — говорит она, встав и выискивая что-то в шкафу.

Я, честно признаться, ожидаю спасительных суперинструментов, но она приступает ко мне с ваткой и спиртом, с обычным, таким же, как у нас дома, пинцетом, потом с иголкой от шприца...

Трястись мне сейчас совсем стыдно. Она наклоняется ко мне, просит меня повернуться на свет обычной настольной лампы и тоже немного *к ней* наклониться. Вдыхаю, и меня так и обдает жаром... Ведь никогда и раньше она ко мне не прижималась без одежды, никогда даже не видела...

Я говорю, что один паразит совсем микроскопический.

— Да уж вижу, — кивает она «стереоочками». — Верней, совсем не вижу...

Снова роется в шкафу и достает оттуда некое приспособление — дугу с очками-окулярами. Чуть ли не рукавом и моей ваткой протирает их от пыли и прилаживает вокруг лба на свои кудри.

— Та-ак, — снова протягивает она, делая что-то с иголкой у меня за плечом, так что мне сбоку не видно.

Я думаю все, что какое тут у нее может быть ма-стерство — это же Янина, та самая, по кличке Баламут! Ее любимое слово — «бли-ин», а группа — «Кар-мэн»!

Ведь сам таким же пинцетом драл первого клеща, который больше, и что? Такой же, Янка, блин, пинцет! Полночи с мамой мучились, пытаюсь вытянуть с помощью вакуума отрезанным шприцем, — все напрасно, только образовались «засосы», как будто боррелиозные круги с интернетовских фото. Нужно специальное такое приспособленище — миниатюрный пластиковый гвоздодер, вернее, клещедер, поди, в любой аптеке продается, но где ж тут — кругом Россия, у нас такие дороги, такая медицина — ведь этого не отнять, ни на что не променять и, верно, вовек уже не переделать. В избу горящую — пожалуйста, вперед, а клещей иголкой будем тыкать!

Смотрю — ого! — уже поддела, воздела, словно хромосому увеличенную, к тусклому свету лампы. И хоть не об босоножку обшмыгнула, а в пробирку, как и положено. Икры у нее мощные, и, кажется, все с теми же гусиными крапинками и расчесами от сухости.

Принялась за большую рану, за остатки большого прямо под сердцем. Терпи, говорит, и я с готовностью отвечаю, что совсем не больно, но где ж такими клещами кузнечными клеща подцепишь.

Долго роется в шкафу, достает другой пинцет, за-вернутый в бумагу. И уже без всякой обработки нор-овит мне вогнать его в грудь — он даже ржавый! Я не дергаюсь, не шелохнусь.

Но она лишь примеривала. Этот еще хуже!

— Надо пойти в реанимацию, — говорит она, — там спросить, может, есть что получше. Должен быть та-кой пинцетик — «москит» называется.

— А этот точно крокодил! — пытаюсь пошутить.

Наконец-то улыбнулась. Все та же непередавае-мая стяжка на верхней губе, те же непередаваемо тор-чащие клычки, но зубы уж темнее, с трещинами.

Я вдруг подумал, что любой мужик отписал бы нечто подобное. Да и откаблучивают, наверное, еще ядреней, ей не привыкать. Хотя вот те два товари-ща — Петрович и мент — уж точно как два клеща на теле живой жизни, все из нее высосали, даже всем доступные — *бесплатные!* — русские словеса. И клещей она, поди, снимает пачками, без всяких сердеч-ных заноз.

— В юморе теперь тебе не откажешь, в школе я че-то не замечала, — говорит она.

— Да уж какой тут юмор...

— Да как же, читала ведь твои книжки. (Я так и вздрогнул.) Особенно последнюю, про деревню, про молодость... нашу... (Все же *нашу!* Но на «молодо-сти» так и вздохнула, как о чем-то столетне далеком.) Где-то тут даже... — Она начала выдвигать ящики сто-ла и перекладывать в них тетради и книжки, — Ленка,

напарница, шас читает. Уж третий месяц, правда. Тяжело у нее идет. Донцова — вот это ее автор. Так-с...

Мне захотелось спросить, а как тебе, но по опыту едва ли не каждый писатель знает, что подобные вопросы ни к чему хорошему не приводят, только ставят в идиотское положение. «Читала — и что?» — вот что ответит, пусть и в других выражениях. Для писателя это, конечно, полный провал, но я-то внутренне все же за что-то цеплялся, как этот клещ. Пусть и не били себя в грудь, восклицая: «Ваша книга изменила всю мою жизнь!» — как показывают в попсовых фильмах или как постоянно писали читатели Солженицыну, но фраза «это вообще не с чем сравнить» была для меня привычной, правда, в начале 2000-х, теперь как-то народ стал более сдержанный или же я стал так писать...

Худо-бедно Инет этот и до деревни докатился, а с ним и слух, что написал я книжку о родном селе, меня возрадившем, да непростую — пасквиль! Не так давно, мне писали, движение-брожение целое меж аборигенами возникло, разбор полетов и прототипов персонажей. Родителям (от коих мне уже до этого досталось) стали предъявлять претензии, кое-кто даже разговаривать перестал, а мне грозили виртуально: «Пусть только придет!», «В суд подадим!» Так что я особо и не хотел нарываться, в минет бы этот Инет! Донцова! Москит!

Вместо книжки или диалогов о судьбе писателя она просто вышла.

Третий пинцет оказался «из той же серии». Теперь ей пришлось ковырять иглой наживую, орудуя под стук сердца. «Ой!» — это она ойкает, когда думает, что сильно уколола. Я же отважно советую не жалеть и уж все же выковырнуть мерзко торчашую где-то в глубине расковырянной ранки какую-то черную лапку, словно засохший хвостик от смородиновой ягодки.

Но без пинцета, конечно, ничего не вышло. Пришла еще другая медсестра, и меня попросили посидеть в коридоре, пока в восемь часов не пойдет на работу хирург, может, он даст нормальный инструмент.

Я решил, что можно уже написать жене, наверное, она уже встала. Но так далеко она была сейчас от меня — почти две тыщи километров, да дело и не в этом...

Как только он вошел, я сразу понял, что это он. Лысый, весь пружинистый и самоуверенный, напоминающий кого-то из нынешних телеперсонажей — блестящий костюм, так и распираемый перекаченным торсом.

— Скидывай! — приказал он на народном диалекте, и я скинул майку прямо в коридоре.

Он тут же схватил меня за сосок, надавил ногтями. Ручищи не пианиста, ногти цепкие, показалось, что грязные! Янина с напарницей объясняли ситуацию.

— Давай сюда! — И меня быстрее подтолкнули опять в комнатку с лампой. — Ну-кось, что за астролябия?! — Он повозился с прибором «виртуальной реальности», приладил его на лысый череп, опять схватил рукой за болячку и сдавил ногтями.

— До свадьбы заживет. Рассекать, что ли. После сгноем выйдет. Пишите как обычно: «клещ раздроблен». Гуляй, хлопец, наша Янка свободна! — И умыл руки, пошел, наверное, их умыть перед работой.

Добрняк еще, а в городе иной раз в неотложке как со скотиной обращаются. На меня нахлынула опять нервность: остается передняя часть членистоногого, самая опасная, поскольку когда он издыхает, впрыскивает слюну. Читал, что даже от так называемого стерильного клеща могут быть очень серьезные последствия.

На клочочке бумажки величиной в визитку она мне пишет: *докцикликлин по 1 кап. 6 дн.*

Приписки нет. Телефончика или сердечка. Хотя — вот он, сотовый!..

— По капле? — шучу я, но она серьезна.

Про йодантипирин и цефтриаксон она не слышала. Инфекциониста в больнице нет. Теперь надо кровь взять. Наверное, только на боррелиоз, и копеечный антибиотик только от него. Хотя, бывает, когда он еще с энцефалитом зараз — такая зараза.

Не спав, по сути, двое суток, я весь ослаб, но что тут делать — приходится, стиснув зубы в некоем подобии улыбки, смотреть, как густая, словно вишневое варенье, моя собственная кровь вливается в...

...Как вампир, надо мной усмехается... своей черневшей помадой с остатками ее на клычках... Из черного провала сует мне что-то — как факел со смолой, мохнато-черную клешню эту паучью — прямо в сердце!

...Всего лишь ватку с нашатырем. Но отшатнулся даже: боль на выходе из провала сознания ужалила адская — боль души, жуткий, мистический, запредельный страх. Но тут же вспыхнуло, мелькнуло что-то ярко-светлое — знакомое, родное лицо — и она схватила это черное жало, вырвала, оттолкнула сукуба. И я узнал ее: это Настя, моя жена.

2018 год

ЧЕРТИ НА ТРАССЕ

РАССКАЗ

*И вроде жив и здоров,
И вроде жить не тужить,
Так откуда ж взялась печаль?..*

В. Р. Цой

Литератором я не стал. И вы тоже наверняка не станете, поэтому и учите литературу, математику и прочую шушеру с пятого на десятое. Вообще не учите. Русский требуется хоть для общения. Английский?.. Англичанином я тоже не стал... Физика — она с трактором тесно связана, ее надо понимать и применять. На практике. А трактор — вещь в хозяйстве незаменимая, не роскошь, а средство производства, его нужно уметь собрать-разобрать с закрытыми глазами, или, как говорится, в полевых условиях. Чему я вас и учу. Вы же запустили это дело. Как будто механизация — последний предмет, мол, мы другие можем зазубрить, когда прижмут, а до этого руки не доходят. А я вам говорю: литератором я не стал и стихи не пишу — касаюсь с ними только когда провозглашаю: «Давай-ка выпьем, где же кружка?» — так говаривал часто Василий Петрович на уроках единственного предмета, который он преподавал, именовавшегося всеми «трактором» (сей курс профобучения есть только в последних классах сельских школ, причем специально для будущих механизаторов мужского пола).

Василию Петровичу, которого все заглазно звали просто Василием, а выпускники и отдельные ученики — приглазно, но без всякого бахвальства, было лет двадцать восемь, но по виду намного больше. Я никогда не интересовался сельхозтехникой, но на его уроки ходил с удовольствием: мне было интересно его слушать, он умел рассказывать просто о сложных, сухих вещах, снабжая рассказы жизненными подробностями, различными курьезами и какими-то добрыми шутками; объяснив параграф, он спрашивал, понятно ли, если нет, то разъяснял все снова, прерывался, задавал вопросы по мелочи или про частный опыт, опять все разъяснял... Другим учителям такая самостоятельная методика не очень нравилась, но куда больше им не нравилось, что Василий пил. Пристрастие это в принципе никак не сказывалось на его работе (он был еще и завхозом школы), кроме того единственного случая, когда он развалил на тракторе школьный сарай, правда, иной раз он не являлся на занятия или, поехав в город на школьной машине, приезжал без прав, и еще лучше — чаще всего он пил с учениками, потому что пил много и обычно ночью, когда работал наш клуб.

Как раз когда я учился в десятом, Василий перестал пить, держался — только по большим делам и праздникам. Но через год, в конце ноября, запил снова. Говорили, что, возвращаясь из города, он попал в аварию, скорее всего, врезался: его старенький ГАЗ-52, который он звал полторкой, пришлось выбросить, но сам Василий, по счастью, только сломал ключицу — вернувшись из больницы через месяц, он и запил по-прежнему.

Был понедельник, и клуб не работал. Вся братва собралась у памятника солдату-земляку, находившемуся за клубом и отделенному от домов непролазной полосой из корявых кленов, — тут мы, ученики, пили, даже если клуб был открыт. На каменной платформе примостились ребята в кругу, в центре сидел Фестиваль и разносил самым старшим. Я подошел, оздоровал¹ с каждого за руку, выложил три яблока, вскоре мне налили самогона, я выпил и сидел молча вне кучки, так как пить более не хотел, смотря в абсолютно черное пространство вокруг, — было тихо и морозно. Еще я все смотрел на Фестиваля: он пил уже три дня, тоже только вернувшись из больницы, и два раза я слышал забавный рассказ-притчу о двух братьях в его личном исполнении, но я тогда был сильно пьян и не помню ее содержания и сути (по-моему, я даже читал ее раньше), но помню реакцию «толпы» — молчали и чуть ли не плакали. Нет, *от них* я этого не ожидал! Однако же Фестиваль был как будто весел сегодня, подсел ко мне, спросив закурить (раньше он не курил), потом спросил, как дела. Мы сидели молча, курили — иногда бывали такие вот моменты — я и он: меня считали самым умным из братвы, а Фестиваль в свои двадцать лет был так крут, что его боялся каждый в селе и во всех окрестных селах и деревнях, — гора мускулов, сама жестокость и наглость, но вместе с тем он

¹ Оздоровать, оздороваться — по очереди, обойдя всех по кругу, поздороваться с каждым за руку (*диал.*). Далее также используются диалектизмы: *можть* (может), *рогими* (рогами), *щекотил* (щекотал), *округ* (вкруг), *черти надсели* (привязались; устойчивое выражение «как черти надсели!» в значении «напасть»), *частить* (говорить часто, неразборчиво), *чаврить* (болеть, быть в болезненном, вялом состоянии), *затресса* (затрясся), *завалаяла* (завалывшаяся), *прасенок* («поросенок», на шоферском жаргоне дифференциал), *ополз* (ополз) и др.

был «нормальным парнем», иногда даже приятным в общении и даже чем-то странным. Таким образом, нас сближало это противопоставление, больше общего меж нами не было, если не считать того, что оба мы родились в один день — 23 февраля, но с разницей в два года, и еще мне нравилась его сестра, из-за чего я часто попадал ему под руку или под ноги. Месяца четыре назад он подрался со своим братом (что у них было делом обычным), и брат серьезно порезал его ножом; отбыв в реанимации и в больнице, он опять умудрился попасть под нож в драке, едва залечил рану и вот недавно — опять... Все эти четыре месяца он пил (даже в больнице, в хирургии!), лез во все драки, пару раз его забирали, потом вроде остепенился, но спорт и проч. бросил, стал курить. Я все молчал, он предложил выпить. Я взялся за холодный стакан — закуска уже кончилась, и никто не рвался к нему — никаких оригинальных тостов я цитировать не собирался...

Тут подошел еще один человек с забинтованным плечом, все засмеялись, а я даже стушевался — учитель ведь, сегодня днем только был его первый урок после лечения. Василий всех оздоровил левой рукой, поздоровался и со мной, сказав еще: «И ты здесь, Алексей». Выпив полстакана, он начал было рассказывать про больницу, но запнувшись на первой детали — что-то о койках с сетками, — сразу сбился на свою службу в армии: мол, был у них какой-то смотр, начальство велело срочно прибрать территорию — подмести листья с асфальта и покрасить забор, а была осень, и шел дождь, листья подмели, но они опадали вновь, что раздражало начальство, а деревянный забор красить в дождь невозможно, но армия есть армия: пришлось лезть на двадцатиметровые вязы отрясать листву и красить забор «группами по три»: один держит зонт, другой сушит паяльной лампой, третий — собственно красит. Все смеялись (особенно Фестиваль, который всегда смеялся «от души», как-то по-особому навзрыд и повторяя по-своему смешные фразы, что очень заразительно), но ждали, видимо, не этого рассказа.

Проглотив еще полстакана, Василий сам догадался, согласившись:

— Ладно, не смотрите так... Длинный больно рассказ, попытаюсь сократить... тем паче я находился в довольно пьяном виде... а вообще вы скажете: беляк или может приснилось, однако ж... впрочем, лучше слушайте...

Он взобрался повыше — я подумал, что сейчас грянут аплодисменты. Да, рассказывать Василий умел мастерски, из самого заурядного случая он делал, так сказать, динамический и сатирический эпос; я запомнил его рассказ почти дословно. По ходу дела мы выпивали, вначале все давились от смеха, то, не выдержав, ржали на все село, перебивали, задавали вопросы, уточняли всяческие подробности, удивля-

лись — деревенские мужики очень любят такие именно рассказы, не простой разговор за бутылкой, а *рассказы* — сначала я *расскажу*, потом ты и т. д.

— Возвращался я из города на своей полуторке, как говорится, с дела. Проторчал я там почти что дотемна — сами понимаете, пока получил, пока подписал... вот... и на приличных рогах ехал по трассе...

Сумерки спустились внезапно, я еду, и кажется мне, что не просто вечереет, а прямо сами глаза застилают серый туман, отдельные пылинки которого — как пыль в луче солнца — изредка даже искрятся... На мгновение вообще потемнело в глазах, все как провалилось... Я испугался: расшибусь впотьмах, даже лбом нажал сигнал. А когда этот пылевой туман чуть расплылся, я немного в сознание пришел, думаю: уже в кювете (руль-то я отпустил!). Глянул: черт. Сидит на руле и рулит. А руки мои, как тряпичные, потерялись в тряпках. Я их вынул и вцепился в баранку так, что чуть не отломил роговуху, ей-богу! Оказалось, что при этом я прищемил чертов хвост и заметил это только тогда, когда черт копытцами нажал бициклку. Откуда-то подул ветер, принесший в себе тот же искрящийся порошок, сыпавшийся теперь сверху вместе с чертями. Еще два черта — такие маленькие, поросшие шерстью иль щетиной, с розовой свиной хрючкой и с пороссячьими же ушами, с хрупкими, как у ягнят, копытцами, рогими и хвостом во весь чертов рост — опустили ко мне на руль. Главное дело, я не удивлялся — ехал себе спокойно, рассматривал их как инфузорию — так-то ее мать вместе со школой! — в микроскоп. Насчет клыков сказать не могу; борода была у одного по виду уже старого, начавшего в некоторых местах сесть; глаза мелкие, показалось, зеленые с красным зрачками; зубы длинные, дряхлые, у пенсионного — вставные.

Все было нормально, но вдруг враги начали чудить: когда я поворачивал в одну, они, все трое, тянули руль в другую, при этом сидя на нем самом и опираясь как бы только о воздух — по законам механики, вы знаете, ребята, это невозможно... А я (нет чтоб уступить!) принялся состязаться с ними в силе. Моя бедная полуторка стала выписывать крендели, шараясь от одной обочины к другой и мешая встречным. Один резвый жигуленок даже слетел с трассы и заехал чуть ли не до лесопосадок. Я спьяну не заметил, как черти расплодились везде вокруг; один чертенок — враг народа — сидел у меня на плече и щекотил хвостом в ухе. Два неумных беса достали из сумки колбасу и драли ее и, как говорится, жрали — вместо того чтоб взять тут же лежавший ножик и отрезать. Кто-то включил дворники, и теперь на них катались черти. Другие, довольные своей тупой изобретательностью, качались на вымпелах и прочих побрякушках, о которых я пожалел, что повесил. Вся эта братия и отродь скакала и летала у меня перед глазами, как мартышки, отвлекая и вызывая

головокружение; многие не стеснялись и раз другой прогуляться по моей голове. Баранку я уже не держал, так как друзья-прохвосты до того увеличились в числе и силе, что я с ними тягаться не стал. На мою правую ногу, которая была на педали газа, взгромоздился жирный, как тещин кот, чертяра из отряда свинообразных. Он так ловко и усиленно давил, что нога моя сделалась как протезная. Засим соплеменники (ихние) пытались отломить рычаг, что производило эффект автоматического переключения передач, и я, конечно, был рад, что еду не прилагая никаких усилий. Естественно, радость долго не продлилась: менты!..

Маленький, в шапке, в валенках с калошами и красный от мороза, меня остановил сотрудник ГАИ. Затормозил я, правда, с трудом. Черти сразу спрыгнули и скопились все у пассажирского места внизу, в ногах, чтоб их не было видеть. Я говорю: «Гражданин инспектор, извините за выражение... в смысле... как бы выразиться... черти надсели. Замучили: не дают уп-правлять транспортным средством». А он на ответ: «Разберемся, — говорит, — с чертями, прежде всего прошу ваши документы». Я отдал. Не подумав. Появился второй, тоже в валенках, и начал что-то частить, смеясь через каждое слово. Я уловил почему-то только: «Эти черти оттуда... ха-ха!.. откуда и джинн Али-буба». Мне не до шуточек, тем паче под мухой; короче, я не понял фразы, но на всякий случай запомнил (алкоголь развивает, обостряет память). Теперь я уже смекнул и констатирую, что джинны поголовно бывают в лампах, нежели в тех знакомых нам всем емкостях. (К слову, ребята, раз мы из паяльной лампы самогон пили — запах бензина, может, даже его остатки только придали приятности, и, как говорится в книжках, эффект аффекта всерьез и надолго...) Вот... ну я от них не отстал (да и как же тут отстаешь — шутка дело: черти мерещатся!), обращаюсь: «Взгляните, говорю, на эту нечисть, заберите их к себе в будку». Тогда оба гаишника на меня так посмотрели, как будто у меня на голове росла елка, а Дед Мороз со Снегуркой водили хоровод вокруг ней. Этот маленький потребовал путевой лист; я сказал: не знаю где, черти унесли — к ним и обращайтесь. Он, как дельный, обошел машину и полез в пассажирскую дверь. Как только он занес ногу, чтобы поставить ее в кабину, я крикнул: «Тише! Чертей раздавишь! Не видишь что ли?!» Озадаченный сотрудник посмотрел внимательно на чертей, при этом покрутил пальцем у виска, но забрался на сиденье, не коснувшись пола, и сидел, держа ноги на весу. Он заметил путевку, прижатую магнитом: «А говоришь: черти взяли!» Я, конечно, не стал спорить с дальтоником, слепым (Пью) иль вообще недалеким человеком, как говорят вам по истории, убогим, но про себя заметил: «А что же ты уголок держишь — пресс качаешь?!» Посмотрев бумагу и поню-

хав ее, он заявил, что скоро приедет собственно спец по нечистой силе, а мне сейчас следует подъехать чуть поближе к их будочке и подождать его.

Так и сделал. Однако ждать пришлось довольно долго, и я сразу же задремал. Проснулся, по всей видимости, минут через сорок — сухой как лист, сушняк же меня и долбил пустой бутылкой по челдану. Чуть не забыл! Подъехал майор на «восьмерке», он меня и разбудил. И эти два лилипута подошли: «Ну, гражданин Песков, как будем вопрос с чертями решать?» Я замылся немного спросонья, с похмелья, удивляюсь: «С какими частями?! С запасными?» Тут началось неопи-сваемое: втирали очки. Представители власти, стыдно сказать. Ну ничего не поделаешь, пришлось принимать к сведению их бредовые факты. Вытерли очки, набредили кошелки две и взвалили их на мой и без того... горб. Я уж и сам усумнился — вроде во сне какая-то катавасия представлялась... бывает ведь так называемое дежавю, когда просыпаешься, ничего не помнишь, а потом тебе, допустим, говорят что-нибудь или просто случайно помотришь и видишь тот самый «кадр» (как в кино), и ты сразу как бы вспоминаешь, что это и снилось... Но их в принципе заинтересовало не это, а сами понимаете... ну конечно, и путевка, а там и накладные... В итоге преподнесли на блюдечке с голубой и золотой каемочкой изрядный штраф и несколько баллов, которые для шофера как замена колеса без домкрата. Мне в таком агрегатном состоянии было все равно, лишь бы в окно не дуло и во рту не сохло (это я к тому, что дуло и сохло). Я им говорю, мол, мои золотые, разберемся мирно-полюбовно, как всегда: лучше я переплачу, но баллы оставьте себе. У них рука набита. Баллы на погонах. Полез я в карман. Надеюсь там обнаружить семьдесят тысяч двухсотками школьных и своих кровных восемь. Нету. Я так голову и склонил, а на полу — две банкноты и резинка от бигудей, коей они были стянуты. Деньги оказались, как говорится, грязными: истоптаны какими-то странными следами, как будто маленькими копытцами...

Майор поднес мне лично легендарную трубку, замерил. Показал два удостоверения: одно сотрудника, второе — врача-психотерапевта какой-то спецклиники МВД. Я оторопел. Он еще крайне небрежно ошупал мои железы, рассмотрел с фонариком зрачки и вдобавок тяпнул какой-то монтировкой по коленке.

Меня, ребята, страх изъел. И не напрасно — разговор был таков: вы подлежите лечению в психиатрической клинике (освидетельствование уже окончено). Беляк плюс еще какая-то фигня. *Типичный случай.* Майор, почесав руки и, кажется, потеряв, обратился к подчиненным с просьбой заключить мои вибрирующие конечности в наручники для соблюдения общественной безопасности, на что менарь только пожал плечами и молча указал пальцем себе на глотку. Дол-

жно быть, из них сделали ошейник служебной овчарке, как тут не догадаться (а из нас всегда делают только дураков, только мы не всегда это чуем — мы же не доги, как говорят ваши англичанины). Пришлось им вытянуть из штанов ремень. Мой.

Один представил мне бумагу, где якобы с моих собственных слов было записано о нападении нечистой силы. В конце стояла моя длинная роспись, подписи каких-то свидетелей, печать и прочее. Второй ученик Шерлока Холмса и доктора Ватсона возился с двумя купюрами, измеряя на них следы и, по-моему, даже снимая «отпечатки пальцев».

Опять не подумав, не постеснявшись и не испугавшись (потому что это мне надоело и вообще стало нестерпимо физически), я буквально-таки взмолился: «М-мужики... господа, господа офицеры! Я вас очень прошу... ну вы же понимаете... как бы это сказать...» — «Тридцать пять кусков». — «У меня их нет с собой». — «Ознакомился с протоколом? Согласен со всем?» — «Давайте, ребята, сделаем так: я оставлю у вас права, поеду домой, а завтра и привезу сюда». — «Хы-хи, извини, мужик, не годится. Мы на то и оперативники... Нам тоже надо (мне прямо показалось, что он хотел сказать “опохмелиться”)... жить. Поехали, гражданин...»

Меня как громом ударило. Погодите, говорю, у меня тут рядом, в поселке Луговое, кум живет — два кэмэ — поеду одолжу, лады? Лады, говорят, давай газуй — мне даже не верится. «Че встал, кум, тебе же сказали: ла-ды!»

Я хотел было выписать рифму, но так как не литератор, промолчал.

Освободившись от оков, я завел полторку и был таков. Не помню, кажется, в дороге мне пришли в голову две мысли. Одна из них — что смываться бесполезно: дорожке встанет. Чуть не проскочил поворот на грунтовку, я уж и забыл, когда последний раз ездил по ней в Луговое. Машина ехала как бы сама собой, но потом, на ямах и ухабах, меня сильно протрясло и пришлось взять бразды управления в свои преступные руки — а они почти что не слушались, я рулил по этой дороге как на автогонках, так раззадорился, что даже весь вспотел...

Калитка почему-то была открыта и от ветра билась, расшатывая всю серую, дряхлую оградку. Из крошечного окна ослепила лампочка. Кум! Любил я его! И сейчас люблю... Я буквально влетел в незапертую дверь: кум со своей бабкой сидел за столом, просматривали какой-то сериал. Постарел, дурная голова, полысел, посерел. Бабка, в очках, клевала последними двумя зубами семечки, усыпая шкурками газету, готов спорить, что «Правду», еще из старых запасов. Дед как всегда пытался что-то прочесть в таком положении, сдвигая продукты производства

на стол, а бабка, естественно, ворчала, ругалась: «Во приспичило!» или «А то ты уже не читамши газету эту столетнюю! Все умыва из себе строит — смотри вон луччи телевизир!» Рады были мне знакомые с детства стены с заржавевшими обоями и картинками на них, все было совсем по-старому... Даже в одно мгновение — сразу, как я только вошел, я хотел кувырнуться и прыгнуть на развалившийся диван, но за окном (на той стенке одно это маленькое окошко) кипела, как говорится, ночь, и мне в ней еще вариться не провариться... Кошачьи глаза уже не маячили на часах, но кот как будто ухмыльнулся посредством какой-то паутинки и смотрел на нас, неумелых (уже потом начинается демонстрация могущества, а сразу не знаешь, как и повернуться).

Тонну угля с полторки разгрузить легче, чем пытаться отказаться от угощения моего кума Груни, состоявшего единственно из крупно нарезанного сала с луком и хлебом, выслушать справедливые упреки в долгом непосещении и в конце концов с неохотой опохмелиться (что смеетесь, ребята? — ладно, ладно, может, и с охотой). Как говорит кум, процесс противен — результат приятен. Потом еще больших усилий потребовалось, чтоб убедить кума поверить мне на слово (давай ему бумажку из милиции!) и выдать мне же и опять под мое же честное слово, что не пропью тридцать пять тысяч, заработанных им, оказывается, еще в грозные и голодные годы войны, в тылу, но в поте лица, а теперь-то уж получаемых в виде пенсии, которая, по его подсчетам, является денежным эквивалентом килограмму хлеба, килограмму масла да еще килограмму колбасы (последний килограмм он добавил совсем нехотя — видно было, что расчеты были произведены по заказу бабки, сам-то он всю жизнь все в литрах измеряет, даже то, что, на первый взгляд, никак нельзя).

Сотрудники были довольны сверх нормы, и, выказав мне сердечную благодарность и искреннюю признательность, на радостях предложили сообразить на троих — на них. Как знаете, денег у меня не водилось, но стаж имелся, поэтому меня и откомандировали за водкой, всучив «пока» семнадцать тысяч, только полчаса назад бывшими полфунтом колбасы в кармане у кума. Я очень невнятно возразил, что, может, майор удостоит съездить самолично или по крайней мере предоставит авто — мой рыдван только заводит минут двадцать... На что они, так же невнятно, пояснили, что майор уже «находится на отдыхе» и они без меня тоже уже отдохнули бутылочку. Короче, дело к ночи, а мне домой надо — не тут же ночевать! Велели ехать обратно в город, там, в ларьке, купить водки повкуснее, где на этикетке Пьер Смурнофф мигает третьим глазом, как светофор после третьей.

Однако я их надежд не оправдал, а именно: снова навестил кума, вернул ему семнадцать тонн, присово-

купив к ним найденные в бардачке черные от мазута 500 рублей и заверив, что так же скоро верну и вторую половину, а сейчас имею другую просьбу. Дело в том, ребята, что любимый мой кум работал на спиртзаводе и ушел в отставку, то есть на пенсию, всего шесть лет назад и не по собственному желанию, поэтому по сей день имел запас, как он говорил, лучшей жидкости на свете. Этот «золотой запас» содержался им якобы ради собственных похорон, которые всю жизнь, видимо, хотел приблизить, непрерывно пополняя и опустошая свой клад — каждый литр, каждая капля проходила не только через его руки, но и через него самого, через все внутренности, включая даже что-то наподобие... души. Он, можно сказать, мечтал об этих похоронах как о свадьбе какой-нибудь — как будто думал: вот тогда нажрись!

Я, как видите, не поспешил — чего не скажешь о куме: еле выпросил! Налил две пластмассовые бутылки, большую, полторалитровую — разбавил, маленькую — нет, и еще я прихватил родные пол-литра самогону.

Приехал я, изобразив чрезвычайную досаду и одновременно склонив голову, как провинившийся первоклассник, как будто мне и самому досадно и перед ними стыдно. Страждущие удивились этому (как, впрочем, и раннему моему возвращению), я объяснил, что водки не достал, что пригородный магазин закрылся, а в центр, к ларькам, я не поехал. Они уж совсем осунулись и намеревались со мной что-то сотворить, но я молча вынул из-за пазухи пол-литра. Внезапность фокуса произвела должный эффект: выхватив сосуд, они скрылись в будочке (поднести гонцу не собирались). Выждав минуты полторы — пили вторым, — я беру спирт и захожу к ним с удивлением на лице и хриплым возгласом типа: «Дурак! Как же я забыл?! Из головы вон...» ставлю на стол две емкости. К счастью, я ошибся не на много (опыт!) — возымела действие физическая алчная жажда, когда все остальное по барабану. Концессионеры не выпускали из рук большую бутылку, так что я, тоже не противник выведения из организма радионуклидов, вынужден был воспользоваться малой. Однако, дружно не докушав своей, они изъяли у меня мою — мою, как говорится, маленькую, — тем паче заметив, что я использовал ее не так охотно и умело, как следовало бы.

У каждого «изумленное состояние» проявляется по-разному; например, у моих новых знакомых оно развилось обыкновенно и переросло в состояние изумленной радости (но это, вы знаете, первый этап). Они как бы удивлялись, созерцая меня и одновременно называя старым корешом, обнимая при этом в соответствии с названием. Я не противился (скорешиться с властями — дело благородное) и пил вместе с ними, и пел, шатался и приплясывал даже с удоволь-

ствием... Что за прелесть сей настоящий спирт спустя минут сорок после приятия!

Не знаю, как могло случиться, что в бутылке осталась почти половина «огненной воды», и тогда старшина Степанов, мой матерый кореш, выскочил из кельи на проезжую часть с бутылкой в руке и тормознул первую попавшуюся машину.

Из обветренного, как говорят шофера, «запорожца» высунулся довольно свежий дед (лет шестидесяти пяти) и, видя упорно молчащего сотрудника, нехотя, но с подобающим почтением осведомился: «А в чем, собственно, дело?» На что блюститель порядка на дорогах ответил нагловатым смехом и, зачем-то поздоровавшись за руку с водителем, спросил стакан — причем не посредством слова, как заведено, а суя деду в нос бутылку, а впоследствии сего хватая его за горло. Вскоре дед разыскал запыленный пережиток застоя и, предварительно обтерев его жеваным платком, протянул гаишнику. Тот налил и вернул деду: «Каа спирт... тя-ни!» В этот момент обратила на себя внимание бабка, явно его заслуживающая даже впотьмах и издали визуальными определенными полторацентнеровыми габаритами. «Я те выпью! Токо попробуй! Нам еще девяносто километров ехать, а время — ночь! А ты, сопливый, — обратилась она к развевающемуся на ветру постовому, — не отвлекай, не то жаловаться будим!» Неустойчивый постовой неучтиво проигнорировал это замечание с угрозой, дед же, серьезно кивнув на соблазнителя, сразу проявил мужскую солидарность и не стал задерживать производство.

Занюхав приготовленными правами, пенсионер, не обращая внимания на возгласы спутницы жизни, доложил, что едет на аменины и везет три литра самогона. Почтенная его супруга засим с трудом вылезла из салона (машина стала выше сантиметров на десять), что-то запричитала, упоминая «как был алкаш, так и остался», и пошла по проезжей части по направлению кто ее знает куда. Степанов вяло пытался ее возвратить, посылая, по всей видимости, воздушные поцелуи, но дед сказал: черт с ней идет, потом догоню, а то машине тяжело.

Дед бросил машину на дороге, взял только банку и гармонь. Веселье пошло новым ходом при участии бывшего слесаря первого разряда Ивана Пименовича, который оказался незаурядным гармонистом, выпивхой, как говорят бабы, плясуном и даже бабником — то и дело твердил, старая, что надо бы пригласить веселенькую, молоденькую, хорошенькую, стройненькую, худенькую, но статненькую, длинноноженькую... и далее с подробностями...

Сотрудники не стали расстраивать нервы, без того потрепанные на работе, и пригрозили, как могли, что сейчас съезды за бабкой. Оскорбленный пенсионер умолк, а потом они с майором еще дернули и, обняв-

шись, сидя на полу в углу, как коты, забасили вдруг «Вни-и-и-из по ма-ату-ушш-ке...», причем под «матушкой», судя по жестам и мимике, дед имел в виду свой идеал женской красоты и материнства, а майор — «Волгу», но не водянистую, как в песне и на карте, а которую ему на днях должны дать. Майор, к сожалению, так и задремал на месте происшествия.

Пивший меньше всех рядовой, которого все весьма пренебрежительно обзывали Коля с особым ударением на «о», «поехал в город» — залез в майорову «восьмерку» и застыл там за рулем, вернее, на руле, а опосля и под ним. Тогда старшина Степанов в поисках новых кадров опять выполоз на дорогу. Как назло, никто не ехал. Неподъемные ноги неосторожно ломали, разбивали лед в лужах, осколки, белые на свету фонаря, зеркальные, звенели по черному, окаменевшему пространству, сделанному из замерзшей грязи. Он вдруг остановился и замер, согнулся, рассматривая чего-то под ногами, я подумал, что он тоже увидел чертей в земле. Я сидел в постовой будке, привалившись к боковому маленькому окну, и смотрел на дорогу (вообще я все отсюда и наблюдал); вскоре я до того увлекся, вернее, забылся, что выдавил лбом стекло, оно глухо раскололось, и я, высунув голову, увидел затхлые тучи наверху, очень высоко, небольшие снежинки на луне и услышал какое-то странное позвякивание — как будто эхо звона расколотого стекла — ветер гнал по земле тонкие льдинки с разбитых луж...

Бедному работодателю Степе приходилось изредка приплясывать и оглашать на всю пустую округу, что

Глеб Жеглов и Володя Шарапов
Заслужили в боях ордена.

А потом еще громче, что, де,

После мирного дня трудового
Спи спокойно, родная страна!

Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. От ветра, который то вроде прекращался совсем, то налетал очень сильно, у Степанова стучали зубы, он скалился, плевался, бил пяткой калоша в хрустящие болотца, весь выгибался, как парус, от порывов ветра. Только он вроде уже собирался уйти, как ветер, как нарочно, унимался. Я же думал: вот бы он отъехал, а я бы уехал.

Как черепаха, еле ползло какое-то транспортное средство, разгребая темноту и мерзлоту одной фарой. При остановке оказалось, что это явление трактора МТЗ-80 с прицепом, нагруженным сеном. Тракторист вылез то ли сонный, то ли чавряющий, весь грязный как черт. «Вы же м-меня уже седня останавливали,

когда я туда ехал... Ну... за сеном. Я вам с-ы-казал... док-кументов нету. Две версты — че возить... С колхоза за еду... и до колхоза... “Завет Деникина” я, а ездил в “План ГОЭРЛО”...»

Сотрудник пытался изобразить самую вежливость, то есть одновременно почти плюнул сквозь зубы и почти спросил, перебив: «Изини, ка-к завет?...» — «Деникина, эт генерал ихний... Название такое... намеи... наименование... А фара — я уже вам разъяснял — мне не нужна: еду почти по обочине, левая горит — габаритеры означены!..»

Степан Степанов чуть пошатывался, когда дул ветер, и слушал внимательно, но почему-то смотрел обоими глазами на свой красный фосфорирующий нос. Несколько раз он пытался что-то сказать, но выдавливал только невнятные гласные звуки и шепотом добавлял выражение, похожее на нецензурное. Наконец он нашел испытанный способ коммуникабельности: указал знаком. «Хто я? Ды ты што, начальник! Я н-на работи... Две недели уже... ни-ни... Пряма с-сохну...»

Старшина опять сказал «му», или даже «у» просто, икнул и, передернувшись, как пораженный током от впившегося иглой в позвоночник пронизывающего ветра, пригласил следовать за ним, наверное, представив себя Шварценеггером.

Мы были рады познакомиться с трактористом Федей, приведшим старшину. Он был тоже рад. Настолько, что когда ему вместо ожидаемой трубки предложили выпить, упал на колени, подполз к Одиссееву корешу (он так и назывался: Мент — единственное, что помню из мифологии) и стал целовать его валенки, приговаривая: «Толька с вашего раз-зрешения...» Степанов на это подавал отрицательные знаки, пытаясь сказать, что он не Толька, а Степа, что он и не Колька, и показывал в сторону «восьмерки», Федя не понимал и не знал, как быть: вроде как предлагают выпить, а разрешения не дают.

Взявшись за стакан, Федя весь затресся и долго не мог поднести его к заливной горловине. Когда же он «заправился», то вновь взялся благодарить и в знак признательности принес из трактора половину завалюлой булки, купленной им четыре дня назад по случаю выпивки при поездке на базу за какими-то болтами (в процессе чего его оштрафовали на две зарплаты за оторванный прасенок).

Вновь пошла гармонь и клятвы о дружбе до гроба. И пили. Вскоре остался последний стакан. Все мы дружно чересчур набрались (а некоторые уже и по второму разу) и предлагали вкусить его Феде. Но он отказывался, находя это хамством.

Говорят, все хорошее быстро кончается. Менты (один, вернее) стали разгонять (по привычке). Старшину заполнило «буйное изумление». Дед быстро

остепенился, пожал всем руки раза по три (два раза с закрытыми глазами) и поковылял к своей «экономичной модели», сию заводил полчаса. Сложнее дело обстояло с красноносом, как сам Степанов, дядей Федей: ни за что не хотел убраться и даже предлагал пропить колхозное сено (и так взятое в долг!). Как только ветеран тронулся, Степанов, словно жуя тесто, передал по рации, что в красном «запоре» номер такой-то едет пьяный дед по направлению туда-то. «А меня не заловишь, падла! Два километра осталось!» — проорал колхозник Федя, только когда окончательно вполз в коллективно заведенную сельхозмашину, однако, тронувшись, трактор прыгнул и заглох. Старшина пытался выковырнуть бывшего друга из кабины, дабы выяснить, кто это «пало» (для этого он ругался на чем свет стоит, но как бы на древнерусском языке и корябал, как котенок, тракторную дверь, которая была почему-то без ручки и открывалась только изнутри).

Я наблюдал за всем, развалившись на стуле-«диване» из окна дежурки. В процессе пьянства никто не только не заметил отсутствия стекла в малом сегменте, но и, думаю, никто не дифференцировал самое окно от стены. Показался друг Степанов, распахнул дверь и держался за ручку минут десять, тщетно пытаюсь или не пытаюсь отпустить ее, раскорячиваясь в разные стороны. Наконец, захлопнув дверь, упал — вернее, повис, — так и не расставшись с злополучной ручкой. Его чудо-шапка, доселе неведомо как удерживавшаяся на левом красном ухе, упала на пол в грязь. И сам он вскоре ополоз, жестикулировал, но я притворился спящим. Все, все готовы. Я встал, подкрался кое-как к столу, выдвинул верхний ящик и обнаружил три важных объекта: семьдесят тысяч, перетянутые резинкой, восемнадцать кумовы, и свои кровные восемь и присовокупленные к ним еще две. Век свободы не видать! Нервно-торопливо, переминаясь с ноги на ногу как хромой, я добрался до машины. Минут десять вжикал зажиганием, руки потели на морозе, нога скользила по педали газа...

Поехал! Оглядываюсь — вроде никого. Теперь я даже был доволен процентов на пятьдесят пять, что вся чертовщина осталась позади, а деньги грели карман. Остальные сорок пять процентов моих эмоций и ощущений составляли неясные тревожные всплски-воспоминания. Они как бы сами собой... алкоголь только обостряет все, помогает вспомнить, систематизировать, подвести все к одному целому...

Стекла запотели; снаружи, высоко впереди, как будто сеялся вместе со снежинками ледяной свет от очищенной луны; шквальный ветер гудел в каждой щелке моей полторки. Откуда ни возьмись полетел в лоб мокрый снег, бившийся в стекло, как тучные ночные бабочки. Стекла сделались непрозрачными с обеих сторон; дворники не справлялись; я почувство-

вал себя в тесном батискафе, погруженном в темную глубину холодных вод. Мертвая ледяная вода давила на хрупкие иллюминаторы, желая зажать меня своими липкими жидкостными щупальцами и вытащить в гнилой мрак, где скопились фосфорирующие придонные существа, какие-то нереально огромные омерзительные твари, щелкающие уже наточенными клешнями и разевающими игольчатые пасти. Вот что, образно говоря, мне представлялось.

Давило все: семья и работа, начальство и дети, растянутые цены и долгие вечера, и стаканы, которым счету уже нет... Каждая мелочь, теперь я понял, имела значение, яркой искрой отлетала вместе с другими на задворки сознания, сея неудобное, повседневное, не оставляющее ни на мгновение мелочное зло, и теперь только вспыхивала адским пламенем. Синее пламя «Ниагарского спиртопада», как пошутила однажды Наденька, но... Конечно, я жадно поглощаю этот поток, если подсчитать, сколько выпивается за жизнь, как раз и получится... И все равно каждый день жрешь так — до последнего, до упора, — как будто боишься пропустить хоть каплю из этого потока. Ну и что — все, поголовно *все* вокруг поглощают его, наверное, думая, что смогут им потушить возгорание, загасить заразу, но лишь распалая пожар внутри — как карбид тушить водой...

Я не знаю, чего мне не хватает. По человеческим меркам я имею все: жена, двое детей, непыльная работа, даже интересная, двойной оклад, квартира, жигуль-«копейка», двор со скотиной, 981 доллар на счету в банке на черный день, служебное авто, трактор, видак, японский телевизор, кухонный комбайн, тостер и кофемолка, игра «Денди», бар из четырех бутылок дорогого красного вина и полпачки «Мальборо» в кармане. Этого не много, но достаточно, и обладать этим мне не противно. Я не знаю, что можно придумать еще! Дворцы и яхты — не для меня, я привык к своему.

Непонятная туманно-зеленая тоска является мне в пьяных снах: противная до тошноты, маленькая, тощая девчужка, похожая на мою бабушку в молодости, только какая-то полупрозрачная, мутная, как в кино — проекция света... Ночь, темь, я просыпаюсь — один — где я есть, где Надька? (А может, я вообще сплю еще?) Появляется, мерцает на стенке она, подходит к постели, вся клубится, колышется, протягивает стеклянные холодные руки ко мне, обнимает бесчувственно, ломает ребра, затекает внутрь, добирается до сердца, до мозга, до всех внутренностей, до всего! Дальше все как бы чернеет изнутри... Я не могу! Я, взрослый, сильный мужик, пью и валяюсь, ухожу от действительности, глотая, как факир, синее пламя... Мне чего-то не хватает. Не хватает самого главного... как воздуха...

Когда я учился в школе — в конце 60-х, — я был беспечен и свободен, дышал полной грудью, любил и пел (вот вы сразу смеетесь, переиначиваете «пил» — потому что у вас только это на уме!)... да! — хоть жилось небогато, несладко... тяжело нам бывало с матерью, а тут еще сестры малые... Народу было — тьма! Не школа — бочка иваси... В футбол гоняли, в волейбол, в лапту... Праздник — всех заставляют в нацкостюмы убираться — кто хохол, кто армян... я таджиком был все время... Смешно! И попробуй не нарядись! Танцы — нас, малых, не допускали, смотришь в окно и рад. А сейчас — он и курит при тебе, и шатается... и посылает весь мир... Когда вкалывал — пот ручьем (опять гыгыкаете, э-эх!), а все равно не задыхался пылью... и в армии меня не смогли задавить... Наоборот — лучшие годы. Все прошло... и жизнь прошла... жисть... Тоска по прошлому, по советским временам и порядкам? Возрастная депрессия? Нет! Мне еще не сорок лет, вся жизнь, интересная и новая, или хоть даже и уже привычная, впереди, а она... прошла... это уже длится долго... Может, вы, ребята, которых я учил разуму, найдете выход, постройте мост через синий «спиртопад» и будете жить, как живут люди в книжках и фильмах. А я не могу, не умею... да и кого не спрошу, никто не ответит, как жить и любить жизнь, работу, жену... я же их люблю... Мне говорят: мол, так и так, и все ништяк, или вообще как на дурака смотрят, а стоит с этим человеком, извините, обхерачиться, как он сам начинает плакать и клясть свою судьбу... И тем более все эти практические советы, аутотренинг и прочая рекламная дребедень... Это пусть америкашки с белыми зубами, небритыми бородами и длинными волосами, которые пьют, как пидоры, в одиночку, этим лечатся — я и так здоров! Картинки из книжки, пародия, абстракция — что такое это счастье?! Покажите мне этого человека! Богато и красиво жить, когда все катится к черту? Вы скажете: опять минутное настроение, просто временный депресняк, а так все в порядке... Да вы посмотрите на себя, на своих родителей, младших братьев и старших сестер в институтах — кто вы такие, чем вы живете? Тем, чем и я, кровные мои братья, собраты по несчастью, ублюдки... Есть ли на свете человек, который может тебя понять? Мужики, а грех ли вино и наркотики или они есть универсальное средство для выживания? Над этими вопросами бились ученые, всякие философы и литераторы... вас же учат... но этому не учат в школах... субъект не объект... каждый решает сам... каждый за себя... но литератором я, как вы знаете, не стал, а стал «трактором» (раньше даже имя такое давали: Трактор!)... ну и все — что, я плохо преподаю?.. если я железки люблю...

Вы скажете, просто запутались вы, Василий Петрович, запутался ты, Василий, все проходит, а ты спасовал... подожди, расслабься, выпей да проспись... Нету! А-ха! Не-ту! Не на того напали!

Я ехал домой. Черные нити веток повисли на синих палках оледенелых тополей. Наши поля, напитавшиеся за лето кровью и потом, теперь в свете луны белели костями погибших и чернели крупными грачами, примерзшими к своей добыче, — из снега торчали черные куски пахоты... Я засматривался на эти картины через боковое окно, в котором было прозрачное место, и видел совсем странную, неузнаваемую картину — в отличие от того, что привык видеть днем, — какую-то сказочную, что ли, ненастоящую, даже страшно стало: куда я попал, автоматически давил на газ, голова кружилась... Вдруг меня поразил неведомый доселе страх при самом главном вопросе: бох. Я вспомнил прочтенную недавно в газете статью — что-то о связи аффектных состояний (особенно плюс алкоголь или наркотик) с потусторонним миром... впрочем, опять демагогия или надувательство нашего брата... пишут только те, кому делать нечего... вспомнил про чертей — самому смешно — может, этот майор меня загипнотизировал?.. Или я спал, или блячка прибегает уже — допился... Непонятно...

Незаметно я задремал. Наверное, через мгновение меня разбудил звуковой сигнал и, кажется, слепящий свет фар. На руле сидел горбоносый черт (прямо лицо в лицо, тьфу!) с колодой карт: «Тяни, Вася, быстрее, и ты узнаешь, что мы тебе приготовили!» Клянусь, что это было наяву. В других обстоятельствах я б посмеялся такой дешевости!

Тут я потужил, что не стал литератором.

Все молчали, даже поняв, что рассказ окончен. Фестиваль первый, разогнувшись с корточек, дотронулся до бутылки, налил полный граненый учителю — последнее, что оставалось. Василий Петрович выпил его, как воду, и только потом поморщился — нет, оскалился! — а именно тогда, когда малой Швырок спросил: «А че дальше-то было?» Никто не ответил. Василий поставил стакан и ушел. Все молчали, некоторые сказали «Совсем рехнулся» и даже заржали. Я хотел уйти домой или пойти за Василием, но не смог, сидел и слушал пошлейшую матерщину, разросшуюся, как сорняк, на основе его рассказа, и даже сам изредка подвывал. Я почувствовал тогда, что я являюсь одним из них, хотя представлял, что дифференциация давно свершилась, а это лишь крикливые слова... Вечером его жена с детьми перешла к бабке, сказав, что больше с ним жить не будет, а сам Василий, волочась домой, уснул в стогу у Семеныча, а стог сгорел.



Елена ПОГОРЕЛАЯ

Елена Погорелая — поэт, литературный критик, редактор отдела современности в журнале «Вопросы литературы». Сфера научных интересов — русская поэзия XX—XXI веков, современная литература, возрастная психология и педагогика. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Эссеистика» (2012), автор сборника стихов «Медные спицы» (2018).

Родилась в г. Заречном Пензенской области, живет в Подмоскowie.

ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК: НЕВЕРНАЯ КОМЕТА

Из главы «Еще одна дуэль на Черной речке»

Это случилось 19 ноября, в уже упомянутой мастерской Головина в Мариинском театре. На полу были разостланы декорации к «Орфею», все, кто собирался позировать, были в сборе. Гумилев стоял с Блоком на одном конце залы, Волошин с Маковским, все еще пребывающим в неведении по поводу мистификации Дмитриевой, — на другом. Внизу Шаляпин пел «Заклинание цветов»... Волошин дал ему допеть и направился к Гумилеву. Что было дальше, рассказывает он сам:

Я подошел к Гумилеву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. В первый момент я сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос И. Ф. Анненского: «Достоевский прав, звук пощечины — действительно мокрый». Гумилев отшатнулся от меня и сказал: «Ты мне за это ответишь» (мы с ним не были на «ты»). Мне хотелось сказать: «Николай Степанович, это не брудершафт». Но я тут же сообразил, что это не вязалось с правилами дуэльного искусства, и у меня внезапно вырвался вопрос: «Вы поняли?» (То есть: поняли ли — за что?) Он ответил: «Понял»¹.

¹ Волошин М. А. История Черубины. С. 283.

Маковский передает эту сцену несколько по-другому:

Волошин казался взволнованным, не разжимал рта и только посапывал. Вдруг, поравнявшись с Гумилевым, не произнес ни слова, он размахнулся и изо всей силы ударил его по лицу могучей своей дланью. Сразу побегрела правая щека Гумилева и глаз припух. Он бросился было на обидчика с кулаками. Но его оттащили — не допускать же рукопашной между хилым Николаем Степановичем и таким силачом, как Волошин! Да это и не могло быть ответом на тяжкое оскорбление.

Вызов на поединок произошел тут же. Секретарь редакции Евгений Александрович Зноско-Боровский (известный шахматист) согласился быть секундантом Гумилева.

— Вы недовольны мною? — спросил Волошин, заметив, что меня покорила грубая расправа его с человеком, который до того считался ему приятелем.

— Вы слишком великолепны физически, Максимилиан Александрович, чтобы наносить удары с такой силой. В этих случаях достаточно ведь символического жеста...

Силач смутился, пробормотал сконфуженно:

— Да, я не соразмерил...¹

Существует и еще одна реплика — Алексея Толстого, будущего секунданта Волошина, реплика строгая и лаконичная:

В Мариинском театре, наверху, в огромной, как площадь, мастерской Головина, в половине одиннадцатого, когда под колосниками, в черной пропасти сцены, раздавались звуки «Орфея», произошла тяжелая сцена в двух шагах от меня: поэт В<олошин>, бросившись к Гумилеву, оскорбил его. К ним подбежали Анненский, Головин, В. Иванов. Но Гумилев, прямой, весь напряженный, заложив руки за спину и стиснув их, уже овладел собою. Здесь же он вызвал В<олошина> на дуэль².

М. Кузмин, правда, пишет, что и в пятницу 20-го «Макс еще не получал оф<ициального> вызова», но это уже детали. Главное — то, что буквально в день ссоры Волошина и Гумилева симпатии разделяются, и разделяются вовсе не поровну. Это видно по тому, как различно проводят участники последние сутки перед дуэлью. Гумилева не отпускают домой, в Царское, он остается у Вячеслава Иванова, «окруженный трагической нежностью башни»; в Башню же торопится пристыженный Гюнтер с заявлениями, что-де он всецело на Колиной стороне; Гумилев диктует условия поединка, требуя стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников... Одним словом, его дни наполнены сдержанной героикой романтизма и заботой друзей. Ну а что же Волошин?

А Волошин в эти последние сутки спешно улаживает финансовые дела и торопится — нет, не обратиться к друзьям за поддержкой, но самому поддержать самых близких и адресовать им слова благодарности:

Дорогая Александра Михайловна!

Вчера я послал в уплату долга и в погашенье 10 р<ублей>. У меня действительно не было ничего до этого дня. Как мне благодарить Вас за Вашу внимательность? Я сегодня же перевожу Вам 6 рублей. Простите, что сейчас не могу написать ничего о себе. <...> Сию минуту все обстоятельства нашей общей жизни осложнились, но на этих днях<х> жду благотельного кризиса и тогда напишу во всех подробностях ретроспективно. Лиля пишет гениальные стихи. Аморя ее страшно любит. До свиданья, милая, заботливая, боль-

ная Александ<ра> Мих<айловна>. На будущей неделе буду платить свои письменные долги...³

Письмо датировано 21 ноября, на следующий день — поединок. Как видим, хотя Волошин и не верит, что дуэль может окончиться его гибелью (и тем более гибелью Гумилева), все его чувства обострены, а все его мысли — не о себе, но о Лиле. Лилю любит Аморя (значит, развод с Аморей и брак с Лилей — дело пусть не решенное, но кажущееся таким близким!). Лиля пишет гениальные стихи (значит, все это сумасшествие, вся эта петербургская чертовня завязались не зря!). Лиля, Лиля, Лиля... Не очень понятно, знала ли она о дуэли — и если да (могла ли не знать, если все в Башне и вокруг только об этом и говорили?), то как реагировала? Остановить дуэлянтов она не пыталась, в «Аполлоне» не появлялась, с общими знакомыми не контактировала. Сохранилась ее краткая записка к Вячеславу Иванову — записка, фактически обрывающая ее связи с Башней и показывающая, что Лиля довольно трезво воспринимала происходящее, понимая, сколь немного значит она для обитателей Башни сама по себе: «Мне очень жаль, Вячеслав Иванович, что после всего происшедшего я не могу бывать в Вашем доме. Но думаю, что вы не будете жалеть об этом»⁴. Собственно, ее свидетельства о тех днях — не более чем пара кратких записок: к Иванову, к Вере, к Петровой, которой она наконец признается, что «очень перемучилась за эти дни, да и за все время»⁵... Очевидно, единственное, что она могла делать, — быть рядом с Волошиным и ожидать исхода дуэли.

Дуэль между тем откладывалась, так как между секундантами шли напряженные переговоры: князь Шервашидзе и граф Толстой просили у Кузмина и Зноско-Боровского поменять смертоубийственные условия дуэли на более мягкие и стреляться не на пяти, а хотя бы на пятнадцати шагах. Секунданты как люди здравомыслящие согласились, однако надо было уговорить Гумилева. На это, как пишет Алексей Толстой, был потрачен еще день.

Как признавали свидетели, именно толстовское описание дуэли было самым исчерпывающим и точным. Обратимся к нему.

Наконец, на рассвете третьего дня, наш автомобиль выехал за город по направлению к Новой Деревне.

³ Письмо М. А. Волошина к А. М. Петровой от 21 ноября 1909 года. С. 199–200.

⁴ Собрание М. А. Торбин. Дом-музей Марины Цветаевой. КП 1531/302. Л. 1.

⁵ Письмо Е. И. Дмитриевой к А. М. Петровой от 22 ноября 1909 года // Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной... С. 46.

¹ Маковский С. К. Портреты современников. М.: XXI век — Согласие. С. 363.

² Толстой А. Н. Гумилев // Последние новости. Париж. 1921. № 467. С. 2.

Дул мокрый морской ветер, и вдоль дороги свистели и мотались голые вербы. За городом мы нагнали автомобиль противников, застрявший в снегу. Мы позвали дворников с лопатами, и все, общими усилиями, выставили машину из сугроба. Гумилев, спокойный и серьезный, заложив руки в карманы, следил за нашей работой, стоя в стороне.

Выехав за город, мы оставили на дороге автомобиль и пошли на голое поле, где были свалки, занесенные снегом. Противники стояли поодаль. Мы совещались, меня выбрали распорядителем дуэли. Когда я стал отсчитывать шаги, Гумилев, внимательно следивший за мной, просил мне передать, что я шагаю слишком широко... Гумилеву я понес пистолет первому. Он стоял на кочке, длинным черным силуэтом, различимый во мгле рассвета. На нем был цилиндр и сюртук, шубу он сбросил на снег. Подбегая к нему, я провалился по пояс в яму с талой водой. Он спокойно выжидал, когда я выбебрусь, — взял пистолет, и тогда только я заметил, что он, не отрываясь, с ледяной ненавистью глядит на В., стоявшего, расставив ноги, без шапки.

Передав второй пистолет В., я по правилам в последний раз предложил мириться. Но Гумилев перебил меня, сказав глухо и недовольно: «Я приехал драться, а не мириться». Тогда я попросил приготовиться и начал громко считать: «Раз, два»... (Кузмин, не в силах стоять, сел на снег и заслонился цинковым хирургическим ящичком...) «Три!» — крикнул я. У Гумилева блеснул красноватый свет и раздался выстрел.

Хотя эту дуэль и называют второй дуэлью на Черной речке, имея в виду поединок Пушкина и Дантеса, и, возможно, некоторые «онегинские» ассоциации (ср.: «За ближний ствол / Становится Гильо смущенный...» — «Кузмин, не в силах стоять, сел на снег и заслонился цинковым хирургическим ящичком»), на память приходит другой поединок — Пьера Безухова с Долоховым. С одной стороны — Волошин: толстый, мощный, добродушный, обладающий редкостной физической силой, к тому же масон. С другой — Гумилев: хладнокровный, надменный, прославившийся романтическим ранним цинизмом, да и реплики его лирического героя: «Я нигде не встретил дамы — / той, чьи взоры непреклонны», — вполне в стиле Долохова, помнится, говорившего, что женщин, кроме продажных тварей — графинь или кухарок, все равно, — он не встречал еще: «Я не встречал еще той небесной чистоты, преданности, которых я ищу в женщине. Ежели бы я нашел такую женщину, я бы жизнь отдал за нее...» (Кстати, это гумилевское стихотворение: «Он поклялся в строгом храме, / Перед статуей мадонны, / Что он будет верен даме — / Той, чьи взоры непреклонны...» было написано вскоре после дуэли. Не вслед ли напрашивающимся ассоциациям?) С одной стороны,

«ах, да, ужасно глупо...». С другой — «никаких извинений, ничего решительно». Волошин, как и Безухов, не умеет стрелять и боится, «по своему неумению», попасть в Гумилева. Гумилев, куда более искушенный в военном искусстве, настроен непримиримо. Саспенс нарастает. Окружающим и друзьям, приехавшим на щекочущее нервы театральное действие, становится не по себе: пожалуй, прав предусмотрительный Толстой, тайком подсыпавший в пистолеты тройную порцию пороха — чтобы уменьшить отдачу!

Прошло несколько секунд. Второго выстрела не последовало. Тогда Гумилев крикнул с бешенством: «Я требую, чтобы этот господин стрелял...» В. проговорил в волнении: «У меня была осечка». «Пусть он стреляет во второй раз, — крикнул опять Гумилев, — я требую этого...» В. поднял пистолет, и я слышал, как щелкнул курок, но выстрела не было... Я подбежал к нему, выдернул у него из дрожавшей руки пистолет и, уже в снег, выстрелил. Гашеткой мне ободрало палец. Гумилев продолжал неподвижно стоять. «Я требую третьего выстрела», — упрямо проговорил он. Мы начали совещаться и отказали. Гумилев поднял шубу, перекинул ее через руку и пошел к автомобилям.

К счастью, в отличие от дуэли Безухова с Долоховым, на поединке Волошина с Гумилевым не было пролито крови. И вот уже по возвращении домой Кузмин с явным облегчением протоколирует:

Граф распоряжался на славу, противники стояли живописные, с длинными пистолетами в вытянутых руках. Когда грянул выстрел, они стояли целы; у Макса — осечка. Еще выстрел, еще осечка. Дуэль прекратили. Покатили назад. Бежа <так!> с револьверным ящичком, я упал и отшиб себе грудь. Застряли в сугробе. Кажется, записали номер. Назад ехали веселее, хотя Коля загрустил о безрезультатности дуэли. Дома не спали, волнуясь. Беседовали. Грудь болела, прилег спать. <...> Отлично помню длинный огонь выстрела в полумраке утра.

Да, несмотря на «безрезультатность» (интересно, какого именно результата ожидал Гумилев? По свидетельству сочувствующих, сам он стрелял в воздух; впрочем, те же сочувствующие упрекали Волошина в попытке выстрелить в Гумилева в упор), дуэль произвела на всех ее участников сильное впечатление. Однако если Гумилев и вправду мог думать о том, чтобы кровью смыть нанесенное ему оскорбление, то на что надеялся и рассчитывал явно выглядевший агрессором и зачинщиком Макс?

Ясное дело — стреляясь, он вовсе не собирался сражать Гумилева. («Он промахнулся. У меня была

осечка. Надо ли говорить, что я целил в воздух», — сообщает он Александре Петровой в первом «последуэльном» письме.) Скорее всего, помимо естественного желания защитить честь возлюбленной, им руководила двойная — вдвойне утопическая и безумная — цель: во-первых, вывести Лилю на мысль, что между любовью (Волошин) и долгом (Васильев) следует выбрать любовь; во-вторых, как уже говорилось, — перевести буффонаду и фарс вокруг имени Лили в регистр высокой трагедии.

В итоге Волошину не удастся ни первое, ни второе.

Высокой трагедии не получилось. Газеты откликнулись на дуэль в пародийном и карикатурном ключе; тут, конечно, сыграла свою комическую роль злосчастная галоша, забытая в снегу одним из секундантов, а именно — Зноско-Боровским, которую, впрочем, тут же приписали Макс, припомнив его давнее прозвище — Вакс Калошин. Галоша и сделалась подлинной героиней всех репортажей — а их о дуэли было немало! Одни «Биржевые ведомости» дали три материала, в первом, от 23 ноября, — вкратце информируя читателей о поединке между «художественными» (и даже «модернистскими») критиками, а уж во втором и третьем — подробно прохаживаясь в фельетонах насчет нелепости поединка, после которого на снегу остается не окровавленный труп, а потерянная галоша:

*Жили-были два писателя, два поэта, два критика,
и вдруг воспылали друг к другу ненавистью лютою, непримиримою.*

*Тесно им стало жить на белом свете и решили, что
надо им друг друга истребить. <...>*

*...Когда дым рассеялся, на снегу вместо двух поэтов
осталась одна только галоша.*

*Говорят, что страха полицейского ради и Волошин,
и Гумилев притворяются живыми и показывают вид,
что с ними ничего не произошло.*

Никто, конечно, такому вздору не поверит.

*Разве могут остаться живыми люди, от которых
осталась одна галоша.*

*В надгробных речах необходимо будет подчеркнуть
скромность безвременно погибших писателей.*

*Люди, которые владеют пером, мыслью и словом,
настолько скромного мнения о своих силах, что пред-
почитают этому своему естественному оружию глу-
пую стрельбу из пистолетов.*

*Граждане великой республики слова — правда, ма-
ленькие, незаметные граждане — берут на себя чужие
роли, наряжаются в доспехи чужих варварских племен
и смело идут на всеобщее посмешище.*

*И как апофеоз, как неизменный чеховский штрих —
эта старая калоша, оставленная на поле битвы.*

*Какой необыкновенный символизм, какой необыч-
ный стиль в этой старой галоше.*

*Господина Гумилева, каюсь, я совершенно не знал
при жизни. Только из «Биржевки» я узнал, что был та-
кой писатель земли русской. А теперь его имя и его па-
мять для меня нераздельно связаны с этой проклятой
галошей...*

Это из фельетона А. Колосова (псевдоним А. Е. За-
рина, актуального публициста). А вот эпиграмма
А. Измайлова, над которой в конце ноября 1909 года
покатывался весь Петербург:

*На поединке встарь лилася кровь рекой,
Иной и жизнь свою терял, коль был поплоче,
На поле чести нынешний герой
Теряет лишь... галоши.*

То есть Волошин, конечно, отвлек внимание от
Лилиной скомпрометированной фигуры, но самого
себя выставил, как бывало, на общечитательское по-
смешище. Иначе как Ваксом Калошиным его теперь
никто и не называл.

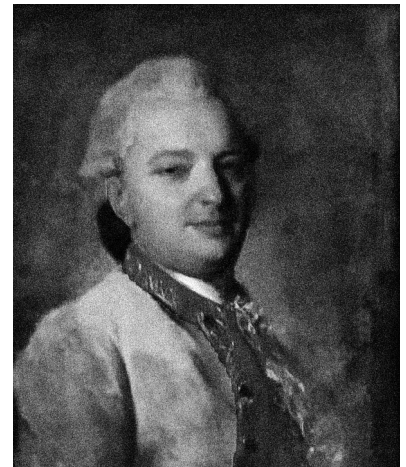


Алла МАЙКОВА

От редакции

Алла Майкова — из тех актрис, которые не останавливаются на достигнутом. Это — *regretium mobile*. В свое время она снялась в одном из ярчайших фильмов советской эпохи — «Агонии». На страницах «Юности» Алла Николаевна когда-то подробно рассказала о съемках и о судьбе этого фильма. А еще Алла Майкова много лет играла в Ленинградском театре комедии и запомнилась во множестве кинолент, среди которых «Враги», «Дульсинея Тобосская», «Не стреляйте в белых лебедей», «Мать Мария», «Гардемарины, вперед!» и другие.

После того как кино и театр стали воспоминаниями, Алла Майкова начала писать стихи, прозу, ведь она из великого рода Майковых, ее прямой предок — Василий Майков, чья комическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вах» будоражила воображение нескольких поколений российских читателей века восемнадцатого. И вот новая встреча с творчеством Аллы Майковой.



Василий Иванович Майков
(1728–1778). Худ. Федор Рокотов

ЗАПИСКИ

* * *

В субботу и в воскресенье я не приходила к Володе и Андрею в квартиру. Это было условие — не беспокоить их.

Но однажды в субботу в 12-м часу дня я к ним пришла. Приготовила что-то вкусное и принесла. Когда я вошла, Андрей заканчивал обед. Через несколько минут он должен был уйти в гимназию. Я воспользовалась этими минутами и обратилась к Андрею и Володе.

- Вы смотрели вчера вечером игру Козлова?
- Нет. Я делал уроки, — ответил Андрей.
- А ты? — обратилась я к Володе.
- Мне эта тупость неинтересна, — ответил он.

Но я продолжила:

— Там был вопрос к игрокам: «Что добавляли к еде для здоровья рабам, строившим пирамиды?»

- Чеснок, — ответил Андрей.



Андрей Майков, племянник

— Правильно. Игроки сказали — лук.

Но им дали возможность отыгаться, и они достали бумажечку с вопросом:

— Наполеон говорил, что у него хотят отобрать любовницу, которая ему дороже жизни. Назовите любовницу Наполеона.

— Власть, — мгновенно, четко ответил Андрей, вставая из-за стола.

— Правильно! — подтвердила я, опешив от точного ответа Андрея. — А игроки сказали «слава».

— Нет. Слава может быть и без власти. Власть, — уверенно повторил Андрей.

— Да что же это такое? — возмутилась я. — Ты в 8 лет ответил правильно. А игроки, которым за 20, не знают. Дураки, что ли?!

— Нет, Алла. Они умные. Они такие умные... а вопросы такие легкие, что они их просто не заметили, — оправдал игроков Андрей, надевая куртку и беря портфель.

Во дворе Андрея ждал его друг, одноклассник Антон. Я смотрю с балкона, как они идут по двору, вошли под арку, их уже не вижу, но знаю, что перейдут через дорогу и дальше... в гимназию. Учиться.

Андрей окончил МГУ имени Ломоносова, факультет вычислительной математики и кибернетики. Трудится.

ЛЕТО 1942 ГОДА

Лето 1942 года. Мама идет в город поискать магазин или ларек, чтобы купить хлеб, пшено. Я как всегда у нее на руках. А она сама худенькая, маленькая-маленькая. И на какой-то улице она подходит к очереди и становится в нее. Меня поставила рядом с собой. Но я отошла шага на три. Далеко нельзя! Подняла веточку, рассматриваю на ней листочки. Потом камешком черчу палочки, крестики. Метрах в пяти от очереди дорога для машин в рытвинах и камнях, грязная. И одна проезжавшая машина резко остановилась.

Из кабины выпрыгнул немец, а из кузова спрыгнули два немца. Тот, что из кабины, что-то говорит двум немцам из кузова. Жестко показал рукой на очередь, и эти два побежали к очереди и вырвали из нее мою маму. Грозно твякнули «юда» и потащили маму к машине. Очередь замерла. Но вдруг одна женщина крикнула:

— Нет! Нет! Она не юда — она русская!

Женщина кричит, идя к немцу, а следом идет другая и тоже кричит:

— Она русская!

Мама споткнулась, упала, и ее тащат по грязной дороге с камнями.

— Вот ее дочь, смотри, — показывает на меня женщина. — Иди сюда! Иди к маме! — подзывает меня.



Алла с мамой Марией Ивановной.
1942 год

Я стою, смотрю на происходящее: маленькая, чистенькая, вьющиеся светлые волосы и большие голубые глаза.

Офицер смотрит на меня, я на него, и, не отрывая от меня глаз, что-то жестко говорит двум немцам, державшим за руки мою маму. Резко повернувшись, выпрыгнул в кабину, а эти двое отшвырнули от себя маму, вскочили в кузов, и машина быстро поехала.

Маму подняли с дороги эти две женщины и повели к очереди, стоящие в ней эмоционально, но негромко говорили, говорили... Мама плакала, вытирая кровь с лица и ног.

Я подошла к маме и обняла ее ноги.



Алла (в центре) с подругой Цилей в детском саду. 1944 год



Алла (справа) со школьной подругой Светой Сапуновой

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

Вечер был, как говорится, в разгаре, когда в комнату (кабинет) вошла улыбающаяся, счастливая, что видит нас, В.В.

Мужчины встали, пропуская ее к столу. Она шутит, смеется. Я обратила внимание на кольцо на пальце ее руки. Удивилась размеру жемчужины. Сомнений не было в ценности увиденного и во вкусе В.В.

Цвет холодный, уверенный. Роскошно, думала я, уставившись на кольцо.

— Эта жемчуг? — спрашиваю я В.В.

— Это серебро, — мгновенно отвечает она, снимая с пальца кольцо, и передает его через двух сидящих между нами женщин.

Кольцо у меня в руках. Красивое, эффектное. Поднимаю глаза и вижу, как В.В. категорически снимает с ушей своих серьги, такие же, как кольцо, и через мгновение они уже у меня в руках рядом с кольцом.



Я оценила улыбкой и соответствующими словами прелесть ювелирного изделия с подмигивающими в них бриллиантиками, и возвращаю его, передавая в руки рядом сидящей женщины.

— Нет! Нет! — останавливает передвижение В.В., глядя на меня. — Я дарю вам, — заявляет счастливая, ничуть не померкнувшая без украшений В.В.

Ошарашенная поступком, подарком, понимая, что возможности отказать нет, что это приговор, начинаю сообщать, что же мне подарить в ответ.

О случай! Вспомнила! Достая из сумки жемчужное ожерелье, купленное накануне. Показывая его всем, счастливая, передаю его через руки двух женщин, сидящих между нами. Ошарашенная моим ходом, хохоча, В.В. ныряет в него, и жемчужины уже играют на ее добротной груди.

Все обалдели от этой импровизации, смеются, приветствуют, радуются.

Конец зиме. Март. За окном идет снег, взвиваемый резкими порывами ветра... На подзеркальнике одинокие, скучающие серебряные шарики. Нырнув в мою ладонь, они благодарно затеплились. Вот они уже в моих ушах, на пальце. Красиво. Взаимно уютно.

20 апреля 2011 года

ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО, АЛЕКСЕЙ КОРОВАШКО

В «Редакции Елены Шубиной» (АСТ) выходит книга владивостокского писателя Василия Авченко и нижегородского филолога Алексея Коровашко «Олег Куваев: повесть о нерегламентированном человеке». Это первая развернутая биография геофизика, писателя, полярника Олега Куваева, чья короткая (1934–1975) жизнь не менее интересна, чем его книги, включая самую знаменитую — дважды экранизированный и переведенный на десятки языков роман «Территория» о поисках золота на Чукотке после войны. «Территорию» еще при жизни автора называли советским «Моби Диком», самого Куваева — русским Джеком Лондоном. Он работал на Чукотке и в Магадане, в одиночку сплавлился по арктическим рекам, путешествовал по Кавказу и Памиру... «Юность» публикует фрагмент книги о Куваеве, любезно предоставленный издателем.

РОЗОВАЯ ЧАЙКА ДЛЯ ПОЛЯРНОГО СУПЕРМЕНА

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ОБ ОЛЕГЕ КУВАЕВЕ —
ГЕОЛОГЕ, ПИСАТЕЛЕ, ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ

С апреля 1959-го по апрель 1960-го Олег Куваев — начальник Чаунской партии, организованной для комплексного изучения четвертичного чехла и тектонического строения Чаунской впадины геофизическими методами. Задача — провести гравиметрические исследования в пределах Чаунской низменности, острова Айон и Чаунской губы¹. Слово Куваеву: «Чаунская низменность покрыта равниной, озерной тундрой и почти недоступна для обычного геологического изучения. В то же время знание ее структуры и мощности наносов в ней являлось принципиально важным... Происхождение острова Айон было совершенно неясным, так как он сложен песками и торфяниками четвертичных отложений, и геологические исследования коренных пород были на нем невозможны. Вообще, весь этот район относился к наименее изученным даже географически». Но наука и производство требовали данных на уровне середины XX века. «Необходимо было уяснить структуру дна Чукотского и Восточно-Сибирского морей и уя-

зять воедино разрозненные блоки изученных структур Колымы, Чукотки и острова Врангеля».

Это была еще более ответственная работа, тем более что ученый мог располагать лишь небольшим набором старой аппаратуры и несколькими техниками-самоучками. Не сорвать программу Куваеву помогло то самое «вятское упрямство». Из отчета Олега Михайловича о работе Чаунской рекогносцировочной геофизической партии за 1959 год: «Заброска партии началась 25 апреля тракторами... Основные затруднения заключались в отсутствие транспорта, поэтому первоначально рейс намечалось выполнить пешком. Однако в последний момент все же удалось нанять собачью упряжку, и рейс по льду Чаунской губы был выполнен на собаках... Наступившая в первых числах июня распутица вынудила прекратить работы... Для производства повторного рейса вертолет не явился, и после 6 дней ожидания было принято решение отправиться к месту летних работ пешком, с переносом самых дефицитных грузов на себе. Этот рейс протяженностью 110 км занял 8 суток, ввиду чрезвычайной трудности перехода по весенней тундре... Сплав по рекам Угаткын и Чаун проходил в условиях острого недостатка продуктов, т. к. организация заброски базы для партии в районе холмов Чаанай руководством райГРУ не была сделана... В Певек партия возвратилась катером 15 сентября».

¹ Местность на севере Чукотки, на побережье Ледовитого океана. В Чаунской губе расположен Певек — при Куваеве поселок, а ныне — самый северный город России. В Чаунском районном геологоразведочном управлении, которое базировалось в Певеке, Куваев работал в 1958–1960 годах, после окончания Московского геологоразведочного института и получения квалификации горного инженера-геофизика.



В записных книжках Куваева находим детали, не попавшие на страницы отчета.

13 июня

Отъехали от базы на 6 км. Сильный ветер, захлестывает волна. Из-за поломки мотора пристаем к берегу. После шестичасовой возни с мотором плывем дальше.

16 июня

Снег. Ветер. Продукты распределены на 3 дня. Норма выдачи сахара: кусок в день, галет: по три штуки на обед. Много уток...

20 июня

Люди предельно устали, по несколько минут стоят по пояс в ледяной воде, и только окрик заставляет двигаться дальше.

2 июля

Перемеряли продукты. 37 кружечек гречки, 15 варок макарон. Хлеб кончился. С самого начала по 0,5 лепешки на человека. Сахар кончается. При экономии можем протянуть 10 дней.

Дождь. Ветер... Ребята в маршруте... Перевернулась лодка с продуктами... Спальные мешки пропитались водой — не поднять. Сушимся — и снова в путь. Со дня выхода не было ни одного дня с сухими ногами.

7 июля

Чуть пригрело солнце, и снова все хорошо. Утром плыли, температура была +3°. Ветер тянет лодку назад, против течения, и от мокрого весла невообразимо стынут руки. Пухнут пальцы. Мокрые ноги сводит, и спина болит. Но днем стих ветер, пригрело солнце, и опять все хорошо. Плыдем дальше. Радостно причалить лодку и бежать по косе, собирая дровишки на «чифирик»!

16 августа

Солнце печет. Вот так август! И нерпы высовывают любопытные обтекаемые головы из воды. Глаза будто подведены для красоты тушью.

25 августа

Опять крепчает (в который уже раз!) ветер. Скажу прямо: страшно в темноте на волнах в такую погоду. Чтобы немного отвлечься, прошу Мишу спеть что-нибудь. Потом надумали вскипятить чай. Налили в ведро воды, на ведро — миску с бензином и сверху чайник. Все это повесили на веслах поперек бортов. Граммов 400 бензина хватило, чтобы чайник закипел.



1958 год. Отъезд молодого специалиста О. М. Куваева на место работы — на Чукотку

Отдельный сюжет — упомянутая в отчете история с собачьей упряжкой: в колхозе собак не оказалось, и Куваев на лыжах пробежал 15 километров от базы партии в Усть-Чауне до землянки охотника Василия Тумлука в устье реки Лелюеве: «Тумлук, низкорослый и сутуловатый, как большинство тундровых охотников, отлично говорил по-русски... Дать собак он отказался наотрез. Это было в общем-то справедливо, так как я сообщил ему, что в жизни не ездил на собаках. Ехать со мной он также не хотел, ссылаясь на занятость хозяйством. Я извлек содержимое рюкзака. Но через час добился лишь того, что Василий Тумлук стал считать меня неплохим человеком и потому подробно объяснил, почему нельзя ехать...

— Собачки устали, — объяснял Василий. — Длинный сезон, все время в работе. Сейчас весна. Тяжелый снег. Длинный перегон.

Но ехать все-таки было надо. И где-то во втором часу ночи Тумлук с этим согласился...»

Куваев заносит в записную книжку клички собак, записывает чукотские выражения... С Тумлуком они добрались до Айона, пройдя за сутки 90 километров. Обрато тронулись другим, более длинным маршрутом. «Этот затяжной непрерывный рейс продолжался около тридцати часов. После него собаки и мы два дня отлеживались и откармливались. Аня, жена Тумлука, кормила нас рыбьими брюшками, собак — обильно сдобренной жиром манкой. Нерпичьим жиром я мазал лицо, которое обгорело на весеннем солнце и воспалилось. Через два дня Тумлук сдал мне в аренду упряжку из шести собак, нарту, немного корма, подарил кухлянку, и я начал работать самостоятельно, без каюра, решив сделать как можно больше маршрутов, пока держится лед на губе», — вспоминал Куваев.

В те дни, когда партия напрасно ждала вертолета, Куваев впервые увидел розовую чайку, о которой он потом будет столько писать. Впервые эту птицу добыл английский мореплаватель Джон Росс в 1823 году на полуострове Мелвилл в Канаде. Нансен заявлял: «Я готов раз увидеть розовую чайку и умереть». Редкая птица стала символом Арктики. В 1904 году зоолог Сергей Бутурлин нашел гнездовья розовой чайки в Нижне-Колымской низменности, и долгое время считалось, что она гнездится только там. Но гнездовья обнаружили и прямо у базы куваевской партии — Олегу их показали местные рыбаки: «Мы отошли от базы не больше километра. Низовья Чауна изобилуют мелкими тундровыми озерами... Мы остановились у ничем не примечательного озера. Стая маленьких чаек кружилась над нами. Ей-богу, я не видел в них ничего особенного, необычным был только полет — чайки кружились в неровном, изломанном полете и совсем нас не боялись». Рыбак за-



1957 год, Чукотка.
Студент-дипломник Олег Куваев;
в сапоге счетчик Гейгера

стрелил одну из птиц, и она легла на ладонь Куваева: «Перья на груди были окрашены в нежнейший розовый оттенок. Такой цвет иногда приобретает белый предмет при закате солнца. Клюв и лапки были ярко-го карминно-красного цвета, верхняя часть крыльев, особенно плечи, жемчужно-серого или, скорее, голубоватого оттенка, и вдобавок шею украшало блестящее, агатового цвета ожерелье» (птица эта не в прямом смысле розовая, как фламинго; речь скорее о тонком «закатном» оттенке груди и брюшка, в полете эту розовость разглядеть непросто). Олег дал себе слово никогда не убивать эту птицу. В 1964 году он вновь встретится с ней в низовьях Колымы и сделает осторожное предположение о том, что ареал розовой чайки расширяется. В 1986 году журнал «Вокруг света» сообщил о новых находках гнезд розовых чаек на востоке Таймыра, в низовьях Лены, в Гренландии, на Камчатке... Розовая чайка, один из любимых куваевских образов, — это не синица в руках и даже не журавль. «Люди, видевшие ее, навсегда заболели двумя болезнями: противоестественной тягой к полярной стуже и отвращением к суете обыденной жизни», — говорится в «Тройном полярном сюжете» Куваева (сначала эта повесть, первый вариант которой написан еще в 1961 году, называлась «Розовая чайка», затем она выходила как «Птица капитана Росса»). Прототипом главного героя повести Сашки



1958 или 1959 год, на Чукотке

Ивакина, которому, как уже говорилось выше, Куваев дал девичью фамилию матери и часть собственной вятской биографии, стал Альберт Калинин — «приятель по... скитаниям в тундре и по льду, собутыльник и партнер по беспутствам» («Идеальный спутник. Сильный и, главное, спокойный», — характеризует его Куваев во время полевого сезона 1959 года в записной книжке).

Интересно, что в этой повести (имеющей некоторые параллели с каверинскими «Двумя капитанами»), помимо розовой чайки, появляется целый ряд героев, мелькающих в других произведениях Куваева: чукотская девочка Анютка, «авиационный циркач» с репутацией аварийщика — бортмеханик Витя Ципер (возможный прототип — Виктор Михальченко), бичеватый Васька Феникс...

Не менее ценным для Куваева было пройти по местам, впервые описанным в середине XVIII века полузабытым мореплавателем Никитой Шалауровым —

«доброй памяти отчаянным человеком». Эта фигура (как и другие здешние первопроходцы — например, Михаил Стадухин¹) притягивала Куваева не меньше розовой чайки.

¹ Михаил Стадухин (ум. 1666) — землепроходец, исследователь Восточной Сибири, товарищ Семена Дежнева. Одним из первых достиг рек Колымы, Анадыря, Пенжины, Гижиги. В 1964 году геофизик Куваев работал в низовьях Колымы, где Стадухин в свое время поставил острог; эти впечатления отражены в рассказе «Через триста лет после радуги», который сам Куваев считал у себя лучшим. Никита Шалауров (ум. 1764) — исследователь Командорских островов, Камчатки, арктического побережья Чукотки. Пропал вместе со спутниками, пытаясь найти путь из Ледовитого океана в Тихий. «Сей неистовый человек изменил купеческому предназначению ради морской гидрографии и открытия новых земель, — писал Куваев. — Для географической науки он сделал... больше многих прославленных путешественников, но имя его более известно как символ редкого упорства и редкой неудачливости».



Татьяна СОЛОВЬЕВА

Татьяна Соловьева — литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет.

Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной».

Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, сотрудник «Российской газеты».

«КАРТОЧНЫЙ ДОМИК» РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ШАМИЛЯ ИДИАТУЛЛИНА
«БЫВШАЯ ЛЕНИНА»

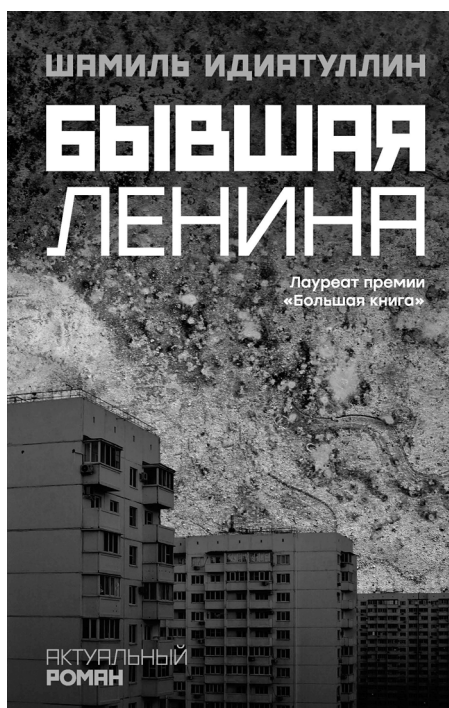
Литературные обозреватели, критики и прочие профессиональные читатели начали наконец получать то, по чему страдали последние несколько лет, — актуальный роман. В «Редакции Елены Шубиной», традиционно остро чувствующей тенденции рынка новейшей отечественной прозы, даже запустили новую серию под таким названием. «Бывшая Ленина» Шамиля Идиатуллина вышла именно в ней. Еще три года назад в обилии современной русской литературы, в частности, попавшей в короткие списки ведущих премий, трудно было найти тексты о дне сегодняшнем: писатели осмыслили исторический опыт, более или менее отдаленный (от «Тайного года» Михаила Гиголашвили об Иване Грозном до «Соколиного рубежа» Сергея Самсонова о летчиках Второй мировой), пару лет назад вышли сразу несколько романов о 1980-х: предыдущий роман Идиатуллина «Город Брежнев», «Бюро проверки» Александра Архангельского и «Душа моя

Павел» Алексея Варламова (последний должен быть поставлен Алексеем Бородиным в нынешнем сезоне Российского академического молодежного театра). Теперь начинает выполняться издательский и читательский запрос на современность. Вышли «Держаться за землю» уже упомянутого Сергея Самсонова и «Некоторые не попадут в ад» Захара Прилепина — о войне в Донбассе, «Брисбен» Евгения Водолазкина¹, «Дни Савелия» Григория Служителя², «Средняя Эдда» Дмитрия Захарова — и это далеко не полный список.

В «Бывшей Ленина» Шамиль Идиатуллин использует традиционные литературные приемы: хаос

¹ О романе было рассказано в интервью, напечатанном в № 8 журнала «Юность» текущего года.

² Роман Сергея Самсонова «Держаться за землю» награжден премией «Ясная Поляна» в номинации «Современная проза», а роман Григория Служителя «Дни Савелия» — в номинации «Выбор читателей».



в обществе совпадает с разрушением отдельно взятой семьи — и энтропией героев. Маленький город Чупов, живущий на огромной свалке, пронизанный миазмами разложения, охватывает предвыборная борьба за кресло городского главы. Фактически писатель использует тот же принцип матрешки, что и, например, Л. Н. Толстой в «Войне и мире»: от очень частного к очень общему и обратно. В центре авторского внимания оказывается проблема непонимания, глобально-дисконнекта. И речь здесь не только о снова отсылающей нас к русской классике теме отцов и детей, которые у Идиатуллина буквально говорят на разных языках. Это и непонимание между социальными группами, и нарастающее отчуждение между мужем и женой, и даже противоречия в мыслях, словах и поступках отдельно взятых людей. Что становится причиной разрыва между Даней и Леной, непонятно: формальной точки отсчета нет (может показаться, что это смерть Лили, однако она — катализатор, но не источник), раздражение мужа копится, нарастает, наконец, выплескивается наружу и запускает цепочку описываемых Идиатуллиным событий. Насколько Дания виновен в том, что происходит с Леной в конце, вопрос в известной степени риторический. Но проблема вины и личной ответственности здесь, хоть и безусловно заявлена, основной не является. Из двух вечных вопросов русской литературы «Бывшая Ленина» в гораздо большей степени про «что делать?» (и можно ли вообще что-то сделать), нежели про «кто виноват?».

Роман воспринят критиками неоднозначно: его упрекают, с одной стороны, в очевидной проговоренности многих вещей, которые следовало бы отдать на домысливание читателю, в по-журналистски, а не по-писательски прямо сделанных выводах. А с другой — в некоторой смазанности, непрописанности персонажей. Однако если присмотреться к «Бывшей Ленине» пристальней, становится ясно, что эта непрописанность и обрывочность — нарочиты и соседствуют с контрастной подробностью их рефлексий. Эти раздерганность и непоследовательность служат целям поддержания общей идеи движения от космоса к хаосу, энтропии, распада, прослеживающихся на разных уровнях романа. Свалка в городке как модель общественно-политической ситуации в стране, разрушение семьи, не смерть сама по себе, а умирание как процесс, которым начинается роман и которым (скорее всего) совершенно неожиданно заканчивается. Вообще в романе есть это неакцентированное противопоставление быстрой смерти (нелепо гибнущий из-за качества водопроводной воды Алекс), когда человек не успевает ее осознать, и умирания (Лиля, мать Дани, и включившиеся в организме Лены процессы). Особое место в романе занимает фигура бывшего городского главы Саакянца, который до конца своих дней живет на свалке, сортируя и сжигая мусор, — это одновременно и наглядная реализация принципа малых дел, и мотив искупления и служения идее: «В прошлом году он вернулся в Чупов чуть ли не в товарном вагоне, заметил свалку, добрался до нее, сел в вонючее кресло и сидел почти сутки, наблюдая за бесконечными вереницами “КамАЗов”, с чадным торжественным ревом создающих самое грязное место в мире — то самое, за право создать которое он, Саакянц, боролся яростно и беспощадно. И победил».

Вообще автор от главы к главе переключает оптику, фокусируясь последовательно то на одном герое, то на другом, создавая галерею образов и формально практически лишая роман главного героя. Однако больше других на эту роль подходит Лена — с ее рушащейся жизнью, самоанализом, комплексом жертвы, борьбой и смирением. В сорок лет все у нее оказывается заново и впервые. «Снятый» в баре незнакомец оказывается совсем не таким, как бывший муж, поэтому Лена ловит себя на ощущении нереальности, отстраненности. Этот эпизод становится индикатором жизни Лены в целом — она не столько живет, сколько словно наблюдает свою жизнь со стороны. Игра слов в названии завязана именно на ее имя: это и бывшая улица Ленина, и бывшая Ленина квартира, в которой начинаются события романа и которая проходит через него как лейтмотив. Это и бывшая Ленина жизнь, не имеющая ничего общего с тем, к чему она приходит к финалу.

По сути, Шамиль Идиатуллин после производственного романа «Город Брежнев» создал «Карточный домик» в реалиях российской глубинки. Писатель сталкивает персонажей на разных уровнях: семейное переходит в рабочее, в политическое, всеобщее. Бывшие супруги становятся политическими оппонентами. Когда кажется, что ради «светлого будущего» надо, чтобы победил юный активист Иван, а Даниил проиграл, личное для Лены снова выходит за рамки частного, межличностная месть приобретает статус сверхидеи. Человеческое, слишком человеческое становится инструментом пусть не очень большой, но политики. Дети перестают понимать родителей и оказываются совершенно не готовыми к реальной жизни: «Он никогда не работает, родительский опыт. Не только потому, что ребенок никогда не бывает копией родителя — он работающая совершенно иначе версия, в которой сходство с прототипом почти всегда поверхностное и почти никогда не влияющее на качественные характеристики. Не только потому, что половина детского возраста у каждого человека и так посвящена слишком старательному и оголтелому вбиранию родительских взглядов, вкусов, словечек и представлений о прекрасном, а вторая половина — столь же старательному и оголтелому отказу от этих взглядов и представлений, и итоговый коктейль никогда не сохраняет вкус сугубо первой или сугубо второй половины. Но и потому, что детям

приходится существовать и выживать совершенно не в тех условиях, к которым их готовят родители, учителя и современный мир. Детей готовят к жизни даже не в сегодняшних, а во вчерашних условиях, а жить приходится в завтрашних — все равно что фабрике, которая ухнула все силы и средства в производство видеокассет в момент массового перехода от дивиди к стримингу».

Обвиняя автора в излишней прямолинейности и упрощенности основных метафор, Ксения Грициенко на портале «Прочтение» говорит о том, что Идиатуллин в традиции позабытого формального метода наделяет персонажей прямыми функциями и речевыми характеристиками, а «все темы, приемы и схемы считываются легко и даже с удовольствием: город — свалка, люди — яд, правительство травит жителей, партнеры — друг друга и собственную жизнь (а та, в свою очередь, метафорически становится все той же свалкой и все тем же болотом)». Все вроде бы слишком просто и «в лоб» для романа такого объема. В чем-то действительно — прямо и очевидно, порой на грани с публицистичностью, без лишних украшательств, вычурности и иносказаний. И здесь, конечно, не хочется цитировать футболиста Аршавина: «Ваши ожидания — это ваши проблемы», — просто даже в литературе бывают случаи, когда лучше сказать прямо. Особенно если дело касается актуального романа.



София АГАЧЕР

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

Продолжение. Начало в № 6–12 за 2018 год, № 1–8 за 2019 год

КАРТИНКА 16.

Антикварная лавка «Старый Томас».

Маршрут: встреча с драккаром — ужас — асы и ваны — Агрис — эксперимент — находка на Печоре — дракон и медведица — ведуньи викингов — волоком через Катюнь — мысли в средневековом городе

Толкнув совсем неприметную дверь, скорее предназначенную для того, чтобы туристы проходили мимо, чем заглядывали вовнутрь, я как будто перешагнула несколько веков и очутилась в полуподвальном помещении с мощными сводами. Уйма непонятных старинных предметов, карт и книг громоздились на стенных полках. В центре лавки висела модель боевого корабля викингов с вырезанным драконом на штевне. Запах пыли, плесени и вечности ошарашил меня, я оглядывалась вокруг с неподдельным ужасом, не переставая чихать, сморкаться и вытирать слезы.

Страх раздвинул стены лавки и реальности, и вот я уже сама словно стою на берегу Таллинского залива, в лицо бьет колочий дождь и ветер, а из прибрежного тумана выныривает не антикварная реплика драккара, а красно-желто-черный дракон, который вот-вот воткнется просмоленным килем в берег, и с его бортов начнут прыгать в бушующую воду стройные, сильные белокурые бестии, дети дракона, возвращенные богами из его же зубов.

Они наводили мистический ужас на прибрежные территории Северной Европы и Англии в течение почти четырех веков, хаживали в Константинополь, на берега Средиземного, Черного и Каспийского морей,

за Кольванский камень или Урал и даже достигали берегов Северной Америки. И везде после себя, как истинные дети дракона, оставляли правителей с дружиной либо выжженную землю и безмолвие.

Корабли строились из дуба, пластины их корпусов пускались внахлест, так что обшивка напоминала чешую дракона как внешне, так и по прочности. Поединок между двумя драккарами заканчивался, если голова дракона на штевне была срублена, потом она хранилась в качестве трофея и доказательства победы в бою на корабле победителя. В драккарах хоронили знатных викингов. Тем, кто считал себя потомками асов, насыпали курганы, а тех, кто происходил из ванов, сжигали в драккарах на воде.

Поток моих мыслей и физическое ощущение соприкосновения с иной реальностью прервало появление мужчины средних лет, внешне мало похожего на прибалтийца. Своими карими глазами, смуглой кожей и быстрой речью он, скорее, напоминал человека с южными корнями, а вот волосы его были очень светлыми, почти льняными.

— Знаете, я, например, придерживаюсь гипотезы, что миф о битве богов — асов, или богов-воинов, с ванами, или богами-земледельцами, — это как бы прообраз завоевания викингами других народов, в том числе и венедов или древних славян, хотя под венедрами понимались и племена, окружавшие германцев, — непостижимым образом продолжил вслух мои мысли незнакомец, даже не представившись.

Хотя кто его знает? Может, находясь в состоянии мистического ужаса от созерцания всех этих древностей, я и начала разговаривать сама с собой.

— С обращением викингов и ливов в христианство в течение одиннадцатого-двенадцатого веков уходят

их сила и могущество, — продолжал вести беседу, вероятно, хозяин лавки. — Драккары начинают тонуть, терпеть неудачи, эпидемии поражают воинов. Рыцари-меченосцы настойчиво и успешно теснят детей дракона, предавших его. Дракон становится символом зла, хотя если вы внимательно посмотрите на ратушу Таллина или королевский Вавельский замок на холме в центре Кракова, то увидите водосточные трубы в виде голов дракона, символизирующие здесь мудрость и силу власти. Или, к примеру, эмблема медицины, где змея символизирует целительство. Викинги и ливы сражались неистово против насаждения христианства, убивали проповедников, откупаясь от меченосцев щедрыми дарами, но меченосцы были хитры. Они начали убивать носителей и хранителей древних знаний вольных народов. Причем к этим народам относились не только норманны, финноугры, германцы, но и другие, проживавшие по берегам и в устьях Вислы, Одера, Западной Двины, Днепра, Волги. К сожалению, мы знаем немного об этих событиях, и то из христианских грамот и книг, поскольку рунические источники были безжалостно уничтожены под видом искоренения языческих капищ и ереси. Одно из немногих, что осталось с тех времен, — это орнаментное письмо на тканых поясах или рушниках.

Простите, что сразу налетел на вас со своими рассуждениями, но, если честно, соскучился по заинтересованному собеседнику. Я вас ждал и сразу узнал. Ириса звонила мне вчера и хорошо вас описала. Меня зовут Агрис, я сейчас закрою лавку, и мы спокойно поговорим. Проходите и устраивайтесь поудобнее. — И хозяин лавки плавно, словно сам был кораблем, двинулся к входной двери.

По центру основного зала, в нише, как статуи в храме, стояли головы драконов с боевых драккаров. Вид их был ужасен, но резьба, которой они были украшены, была выполнена очень искусно, хорошо знакомый мне по поясу тети Оли змеиный ажурный орнамент покрывал их. Этот узор был не только на драконьих головах, но и на бортах реплик найденных кораблей. Кроме того, дальше висела целая коллекция стальных мечей, топоров, ножей, ножны и рукоятки которых покрывал все тот же змеиный рисунок.

— Знаете, дорогая гостья, несмотря на то что май в этом году необычайно теплый для Таллина, я осмелюсь вам предложить чай из лепестков роз, он своим ароматом взбодрит и согреет вас. Поскольку в пыли веков и холоде прошлого не так уж и уютно. Что интересно, национальные вышивки эстов — это цветы на черном фоне, их неоднократно использовали в коллекциях современные известные кутюрье, даже такие мэтры, как Кристиан Диор. А вот солярные и другие орнаменты переходят в Эстонию и дальше по другому берегу Балтийского моря — в Дании, Швеции и Нор-

вегии — со льна на шерсть: свитера, шапки, шарфы, варежки, одеяла. Что и неудивительно, ведь спасти от пронзительного, холодного северного морского ветра может только мягкая и ласковая овечья шерсть. Кстати, викинги использовали паруса, сотканые из овечьей шерсти, которые никогда не намокали и могли в случае необходимости использоваться как покров.

Я с удовольствием взяла чашку ароматного чая и невольно стала рассматривать на столе пряжки, браслеты, шейные гривны, украшенные струящимися орнаментами, понемногу впадая в некий блаженный транс.

— Вот и отлично, — прозвучал спокойный голос хозяина лавки, — вы очень устали и можете теперь, у меня в гостях, немного отдохнуть.

— Знаете, Агрис, я вообще человек энергичный и люблю общение, а сейчас меня немного клонит ко сну, что для меня необычно, — несколько озадаченно произнесла я, посмотрев на часы и убедившись, что с момента моего прихода сюда прошло не более пятнадцати минут.

— Не волнуйтесь, так почти всегда бывает с теми, кто впервые прикоснулся к подлинной культуре детей дракона. Мы ведь привыкли к очевидным вещам, к тому, чему нас приучили. Что до латиницы и кириллицы, письменности на территории Северной и Восточной Европы не было, и только с принятием христианства и развитием торговли в ганзейских городах началось и развитие языческих народов. На самом же деле начиная с тринадцатого века эти народы начали исчезать, или, как любят увещевать официальные источники, поглощаться и ассимилироваться близлежащими племенами. Но откуда взялись эти близлежащие племена и куда подевались викинги, ливы, вольные новгородцы, хаживавшие на Северную Двину, Югру, Обь, Лену, Енисей, привозившие оттуда соболя, золото, камня самоцветные и иные богатства невиданные и торговавшие с местными племенами, не совсем понятно. Далее они перевозили свои товары в Балтийское море двумя основными путями, как вверх по Ильменю и Ладоге с одной стороны, так и по Западной Двине с другой стороны, а потом в Ригу, Таллин и далее в иные прибрежные города, впоследствии организовавшие в Ганзейский торговый союз. Полоцк и Великий Новгород стали самыми восточными и удаленными от Балтийского моря городами этого союза. И вот что еще интересно: после исчезновения викингов и ливов в тринадцатом веке, о котором я говорил, путь вниз по Днепру, знаменитый путь из варяг в греки, по которому ранее осуществлялся транзит товаров в южную Европу, переместился на запад, — увлеченно рассказывал мне Агрис, привычными движениями полируя какие-то небольшие украшения из янтаря.

У меня опять слегка закружилась голова, вновь стало клонить в сон, поэтому я открыла сумку и хотела достать флакон нюхательной соли, чтобы взбодриться, но, стесняясь прервать увлекательный рассказ моего собеседника, опустила в сумку одну руку и пыталась найти флакон на ощупь. Перебирая содержимое сумки, я нащупала внутри мягкий и горячий предмет. Пораженная, я выдернула руку и увидела, что у меня в ладони зажат сложенный в несколько раз подарок моей тети. И тут я обнаружила, что самочувствие мое быстро улучшается: перестала шалить голова, появилась бодрость в теле, вернулась ясность мысли.

— Потрясающе! — воскликнул Агрис, быстро достал шкатулку из какого-то дерева и спрятал в нее пряжки, броши и гривны, все это время лежавшие передо мной на столе. — Извините меня, пожалуйста, за проведенный эксперимент, причем без всякого вашего предварительного согласия.

— Какой эксперимент? — растерялась я, машинально поглаживая руками пояс. — Вы напоили меня необычным чаем, приправив его заклинанием ливской ведьмы? — пошутила я в тему нашего разговора.

— Знаете, вы недалеко от истины. Когда вчера мне позвонила Ириса и сбивчиво рассказала, что сегодня ко мне придет женщина, у которой есть родовой «змеиный» пояс с рисунком, похожим на рисунок охранного или боевого пояса легендарной ливской ведьмы Качи, я не поверил. И решил устроить вам некий маленький экзамен. Видите ли, перед вами на столе почти полчаса лежали подлинные боевые древние украшения викингов. На драккарах в походы ходили не только мужчины, но и женщины. Я могу предположить, на основании своих находок, а именно женских украшений, которые сейчас лежали перед вами, что эти женщины были ведуньями и выполняли в походе соответствующие функции.

— Простите, вы говорите очень быстро понятные и очевидные для вас вещи, но для меня это темный лес, поэтому, пожалуйста, объясните вначале, причем здесь эксперимент, проведенный надо мной, и эти пряжки, броши и гривны, — прервала я Агриса, окончательно теряя нить нашего разговора.

— Викинги носили боевые украшения: браслеты, перстни, гривны, пряжки, броши, задачей которых было, к примеру, забрать энергию врага, рассеять его внимание, усыпить и ослабить. Один воин, обладавший таким амулетом, не мог навредить другому воину, носившему такой же амулет. «Заряжали» эти украшения ведьмы, участвовавшие вместе с викингами в походах или жившие в определенных местах, куда заходили драккары. Перед вами на столе достаточно долго находились подлинные украшения одной из знатных женщин, которая была похоронена в драккаре. Они попали ко мне много лет тому назад, после смерти моего деда.

Дед был интереснейшей личностью. По национальности он считал себя датчанином. Красивый, высокий блондин с серыми глазами, менявшими свой цвет, как наше родное Балтийское море. Они могли быть черными, когда он гневался, и небесно-голубыми, если играл со мной и смеялся. Это от него у меня такие льняные волосы. Дед был археологом и почти всю свою жизнь провел в экспедициях, раскапывая варяжские курганы. Сам он свои экспедиции называл походами и, действительно, готовился к ним как к военным походам. Из одного такого он привез свой самый главный трофей — мою бабушку, что была наполовину казачкой, наполовину турчанкой. Он мог носить ее на сгибе локтя, как ребенка, почти до самой своей смерти. Бабушка была миниатюрной и, как вы уже догадались, глядя на меня, смуглой и кареглазой. Брал он ее почти во все свои экспедиции, гонимая, что всегда может спрятать ее во внутренний карман своего рабочего комбинезона. Когда нацисты пришли к власти, к моему деду стали поступать их настойчивые предложения переехать в Берлин и возглавить скандинавский отдел в институте «Аненербе» или «Немецкое общество по изучению древних сил и мистики», возглавляемое лично рейхсканцлером Гиммлером. Нацистов очень интересовали маршруты и подробности походов викингов, особенно по рекам, причем не только в европейской части континента, но и за Уральским хребтом вплоть до Байкала. Но больше всего их привлекали артефакты викингов и знания, зашифрованные ведуньями драккаров в поясах и украшениях. Поэтому когда советские войска в 1940 году пришли в Таллин, мой дед был счастлив. И буквально через несколько недель ему поступило предложение из Москвы возглавить археологическую экспедицию на Печору, куда он с радостью и уехал вместе со всей семьей. Еще бы, сбылась его мечта: найти и исследовать древние стоянки и поселения викингов в устьях сибирских, или, как писал он в своих работах, колыванских рек.

— Позвольте, но ведь древнее название Таллина и есть Колывань! А я-то думала, что это от имени мифического богатыря Калева, что, по легенде, был упокоен на месте Вышгородского холма и засыпан камнями своей прекрасной женой Линдой! — искренне удивилась я, поскольку читала об этом многократно в различных путеводителях.

— Ну что вы! — заулыбался Агрис. — Это обычное заблуждение, здесь перепутаны причина и следствие... Письменных свидетельств, созданных самими финно-уграми, нет, за исключением рун на камнях и, конечно, орнаментов, язык которых современниками до сих пор не расшифрован. Но народу для формирования своего национального самосознания всегда нужны свои боги и героический эпос, поэтому

в первой половине девятнадцатого века образованные люди в Финляндии, Эстонии, Латвии, Белоруссии создали различные литературные произведения, написанные чаще всего языком баллад и основанные преимущественно на скандинавском и древнегерманском эпосе. А там уж змеев и героев-единоборцев хоть пруд пруди, начиная от драконоборца Зигмунда и заканчивая легендарными змеями Фафниром, Йормунгандом и Нидхеггом. Поэтому имя богатыря Калева происходит, скорее всего, от древнего названия Таллина, а не наоборот. Как принято говорить, «на основе народных сказаний и песен» Фридрих Крейцвальд, немец по национальности, написал наподобие карело-финской «Калевалы» эстонский героический эпос «Калевипоэг», а латыш Андрей Пумпурс создал «Лачплесиса».

Мой дед говаривал, что культура коло перевалила Кольванов камень или Урал, докатилась своим колесом до Балтийского моря, а вот переплыть его не смогла — драконы не пустили. В схватке дракона и медведицы верх взял дракон — и родилась современная цивилизация. А ведь и правда, викинги дали начало огромному количеству правящих династий от Англии до России, захватили власть, а потом, похоже, уничтожили тех, кто помог им это сделать, причем в том числе и путем смены религии. Так что под властью дракона пали не только служители языческих богов, но и сами языческие боги.

— Верно, верно... Лачплесис — сын медведицы, и, кроме того, по варяжским мифам боги-воины, асы, победили богов земледелия и ремесел ванов и закрепили свою победу, взяв одну из богинь ванов к себе, — выдала я обрывки своих знаний из скандинавско-германской мифологии.

— Дорогая гостья, вы начинаете двигаться в правильном направлении. Так вот, у моего деда была своя космогоническая теория. Он считал, что культура коло пришла к нам с пришельцами из созвездия Большой Медведицы, а Дракон прилетел намного позднее с пришельцами из созвездия Дракона. Приблизительно до 2700 г. до н. э. Полярной звездой считалась Тубан из созвездия Дракона, а не Полярис из Малой Медведицы. Древние шумеры отождествляли эту звезду с одним из своих божеств, а египтяне ориентировали на нее пирамиду. И здесь, на нашей планете, почему бы не пофантазировать, произошла битва пришельцев, которые использовали землян, поскольку те артефакты, которые находил дед во время своих раскопок, иначе объяснить нельзя. Кстати, пора вернуться к одному из них. Извините, меня, пожалуйста, я кажется, серьезно отвлекся от линии своего повествования.

— Что вы, что вы, по-моему, все очень по теме! — Я слушала Агриса заворуженно, погрузив-

шись в блаженное состояние, которое бывает в детстве, когда мама читает сказки из старой, потрепанной книжки.

— Мой дед с бабушкой и моим трехгодовалым отцом направились в устье реки Угры, или Югры, или как принято сейчас говорить, Печоры, в археологическую экспедицию. Вот там, раскапывая одну из стоянок викингов, дед и обнаружил драккар, в котором была похоронена женщина, и подтвердил свою теоретическую догадку, что на боевых кораблях викингов ходили женщины. Но кто же она была? Что делала на корабле? Вопросов было много, а ответов — увы... На найденных останках женщины покоилось много драгоценных украшений искусной работы. Советские археологи, участники экспедиции, их извлекли и начали интенсивно очищать и изучать. И дед на раскопках почти месяц оставался один, без присмотра «старших» товарищей. Самостоятельно, слой за слоем раскрывая захоронение, он обнаружил шкатулку из пропитанного каким-то составом дуба, где находились несколько неказистых брошей, шейных гривен, браслетов и пряжек. Да-да, именно тех, что были недавно были перед вами, — закивал головой Агрис, увидев мое крайнее изумление. — Находка деда не вызвала особого интереса, ведь там не было драгоценностей, и он взял шкатулку в свою палатку — поработать дома. Где и произошел тот судьбоносный случай, что заставил его посвятить всю оставшуюся жизнь изучению феномена присутствия женщин в походах викингов. А произошло вот что...

Мой маленький отец открыл шкатулку, достал оттуда украшения, начал с ними играть — и через несколько минут на глазах у своих родителей потерял сознание. Украшения спрятали в шкатулку, ребенка стали тормошить, поливать водой, побежали за фельдшером, что был в экспедиции. Но отец пришел в себя еще до появления эскулапа.

Потом и у деда, когда он начал очищать украшения, стала кружиться голова и пошла кровь носом. Он вспомнил случай с сыном и немедленно спрятал украшения, ничего не сказав моей бабушке. Каково же было его удивление, когда он вернулся в палатку на обед и увидел, что опасные артефакты аккуратно разложены на старом казацком рушнике, а рядом сидит его жена и читает сыну книжку. Причем орнаменты, вытканые на рушнике, чудесным образом напоминают узоры на украшениях, покоящихся на нем. Прервав изумленные и сбивчивые возгласы деда, бабушка объяснила, что это очень старый рушник, передававшийся из поколения в поколение в ее семье, и, по преданию, змеиный рисунок на этом рушнике хранил любого, кого покрывали им, от всех напастей и болезней. Вот она и решила вылечить их сына от неведомой хвори, а заодно и рассмотреть те

украшения, что прячет от всех ее муж. Это потом уже дед, чисто эмпирически, вычислил, что если держать в руках кусочки янтаря, то действие артефактов тоже ослабевает.

— Теперь понятно, почему вы протирали тканью янтарь, когда я пила чай и смотрела на ваши опасные украшения, — перебила я хозяина лавки и рассмеялась. — Вы хотите сказать, что пояс, подаренный мне моей теткой, подобен по своему действию казацкому рушнику вашей бабушки?! И что он действительно охранный?

— Как говорится, невероятно, но факт! Вы действительно обладаете охранным поясом, причем не чудом уцелевшим в музее среди археологических экспонатов, а современным и сделанным руками вашей кровной родственницы. А вот это уже очень интересно! — возбужденно говорил Агрис. — Если бы вы знали, дорогая моя гостя, как рад был бы мой дед этому факту. Ведь он всю свою жизнь ученого доказывал, что силу родов викингов составляли не только умелые и сильные воины, но и мудрые женщины-ведуньи, участвовавшие в наиболее значимых и тяжелых походах.

Продолжение следует.



Наталья СОЛОВЬЕВА

Наталья Соловьева родилась и выросла в Беларуси, получила образование в Париже, с 2003 года живет в Москве. Работала в международных компаниях в сфере маркетинга и рекламы. Окончила курсы сценарного и литературного мастерства.

Роман «На берегу Тьмы» — дебют автора. Это история, основанная на реальных событиях. В данный момент рукопись готовится к публикации в издательстве АСТ. «На берегу Тьмы» — своего рода энциклопедия деревенской жизни начала XX века.

НА БЕРЕГУ ТЬМЫ

ОТРЫВОК

Рисунок Марины Медведевой

Катерина маялась. Настал главный день в ее жизни, день, к которому мать начала готовить ее с самого детства. Именно сегодня все должно было перемениться: из отцовского дома она навсегда уходила в дом мужа. Но не только это тревожило Катерину: все станут смотреть, оценивать? красива невеста или нет, достойна ли жениха... Она же точно знала — нет, не достойна... Куда там! Безграмотная крестьянка без кола и двора — а тут купец! От волнения Катерину

слегка подташнивало: а вдруг в церкви выворачивать начнет? Вся деревня вовек не забудет, вся волость! Да еще скажут, что беременная... Мысли кружились, цеплялись одна за другую и не давали заснуть.

Но главное, что не давало покоя: вчера во время исповеди она так и не смогла признаться отцу Ефрему в чувствах к Николаю, которые была не в силах объяснить и которые ее терзали... теперь этот невысказанный секрет томил душу.

Катерина не спала всю ночь. Еще вчера ее водили в баню, снова долго, до одури причитали. Александр прислал жениховую шкатулку с белоснежной ажурной, как рыболовецкая сеть, фатой, сверкающими обручальными кольцами, стройными венчальными свечами, набором костяных гребенок, булавок и сладкими до головокружения духами. Рано утром Глаша новыми гребнями причесала волосы невесты, а Мотя, снарядиha, с причитаниями стала одевать Катерину к венцу.

Ее нарядили в глазетовое белое платье, заказанное Александром в Старице, в подол воткнули булавки от сглаза, а на голову надели фату, украшенную красными бумажными цветами. Приготовили и пушистую беличью шубку, которая будет оберегать от сглаза, когда невесту повезут в церковь.

Дуська, прослезившись, благословила Катерину и не поскупилась — отдала небольшую ладанку своей матери: она носила ее как оберег со дня свадьбы с Федором.

В усадьбе тем временем шли торопливые сборы — готовились ехать за невестой. Александр все никак не мог повязать себе шейный платок: пальцы не слушались, ему казалось, что он как-то неподобающе одет, поэтому невпопад спрашивал совета и помощи Николая, а Николай, не спавший всю ночь, молчал, пил кофе и курил одну папиросу за другой, словно не замечая происходящего. Только Петр Петрович оставался рассудительным и собранным: с утра сбежал на кухню и убедился, что свадебный обед готовят, как полагается, а сейчас командовал во дворе кучерами и указывал бабам, как украшать подводы. Наконец, помолясь на иконы, троица села в свадебный поезд с традиционно нечетным числом подвод и покатила в Дмитрово.

Приехав в деревню, Николай-дружка и Петр-полудружке отправились выкупать невесту, оставив нервничающего Александра дожидаться у саней. Как полагалось, ворота оказались заперты. Под веселое улюлюканье ребятишек и под присмотром деревенских зевак началась «торговля».

Николай дурным голосом, притворяясь деревенским мужиком, начинал:

— Мы приехали не за лисицей, не за куницей, а за красной девицей: есть тут у нас девушка сговорена, подарочком одарена!

Ему отвечал Тимофей Бочков:

— Я пустил бы, да выросла у меня среди двора береза — ни пешему пройти, ни конному проехать!

На что Николай, войдя в раж, отвечал:

— Нам твоя береза не помеха, мы приехали не одни: нас приехало семеро саней, по семеро на санях, по двое на запятках, по трое на заградках.

Так продолжалось около получаса: Николай, по научению Петра, бойко препирался с Тимофеем, припоминая шутки и прибаутки до тех пор, пока им не сказали «Просим милости» и не отперли ворота.

Николай понимал: вот оно, неизбежное, а значит, надо перенести эту боль, прочувствовать ее до конца — только тогда возможно исцеление. Он вернулся за Александром, взял его за руку и ввел в дом Бочковых. Невеста с подневестницами, Глашей и Полей, стояла у печи за перегородкой.

В белом подвенечном платье Катерина казалась такой трогательной и красивой, какой он никогда ее еще не видел. Николаю на мгновение почудилось, что это его она ждет, что это он, а не Александр, женится на ней сегодня. Перед глазами пронеслась вся их будущая жизнь, которая невозможна, представились и дети, которым не суждено родиться...

Николай, рассеянно заплатив девушкам по рублю, дрожащей рукой вывел Катерину к жениху и вдруг забыл, что нужно делать дальше. Ему со смехом подсказали, и он, как полагается, обвел молодых три раза вокруг обеденного стола.

Федор с Дуськой кое-как благословили жениха и невесту иконами и караваем: Федор так набрался с утра, что Дуське пришлось держать мужа и молиться, чтобы он чего-нибудь не устроил в самый ответственный момент. Счастливых Катерину и Александра вывели во двор и усадили порознь на подводы. Николай, куражась напоказ, шутил и щедро осыпал свадебный поезд хмелем и рожью, а Петр, как заведенный, щелкал вокруг кнутом, словно отгоняя нечистую силу. Наконец отправились в церковь.

Перед венчанием отец Ефрем посадил растерянную Катерину на скамью, строго приказав никому к ней не подходить. Она слышала, как у алтаря разговаривали Александр, Николай и отец Ефрем, шутили, но ей вдруг показалось, что сегодня любимая Тихвинская смотрела строго, с осуждением. «Знак, дай мне знак! Какая будет моя доля? Помогите мне, спаси меня! Прости мне грехи мои, Матерь Божья!» От волнения и от терпкого запаха ладана Катерине стало нехорошо, она заплакала. Слезы полились сами собой, обжигая щеки: ей стало жалко свою никчемную разнесчастную дозамужнюю жизнь, родителей, а прежде всего саму себя. Вспомнился Николай, как он плакал тогда, когда отвозил ее в санях к родителям, его бледное и несчастное лицо, когда он сегодня ее увидел. «Ох, что станет со мной теперь? Что меня ждет?»

Катерина, так сильно желавшая этой свадьбы, радовавшаяся ей, вдруг во всем раскаялась: что встретила и полюбила Александра, что согласилась выйти за него. Жил бы он счастливый со своей ровней, грамотной, благословенный отцом, а она всю



жизнь ему, змея, перекутила, от родни отбила! Грешница, пусть сама того не желая, влюбила в себя женатого! До этого мгновения ей казалось возможным передумать, все вернуть обратно, а теперь, сидя в подвенечном платье на скамье под иконами, она почувствовала неотвратимость происходящего. Захотелось скрыться, убежать, но что люди-то скажут? Мать? Как дальше жить? А с ним что будет, с Александром?

Мысли путались, сомнения обуревали Катерину. Каким он станет для нее мужем? Внезапно откуда-то взялся страх, что он, ее Александр, такой нежный и мечтательный, который на одну минутку приезжал с полей, лишь бы только пожелать ей доброго утра, станет ее бить. Откуда-то взялась дурная мысль: вот Любку муж забил — одна рука вдоль тела висит, нерабочая. А он загулял с бабой из Подсосенья: вся деревня знает.

Катерина не заметила, как Николай и Глаша под руки вывели ее к алтарю. Началось венчание. Певчие, специально приглашенные по этому случаю из Старицкого монастыря, запели псалом «...жена твоя, яко лоза, плодovита в странах дому твоего...».

Венчальная корона, надетая Николаем, больно сдавливала голову. Как терновый венец. «Не на радость я замуж выхожу. Это знак, знак! Не будет мне с ним легко. Не свою корону надеваю, ой, не свою.»

Вот постелили белый накрахмаленный рушник. Катерина вспомнила, что люди говорили: кто первый на рушник ступит, тому и хозяином в доме быть. Подождала, пока Александр занесет свою ногу, и только потом наступила сама: не хватало еще, чтобы худое говорили, что управляющий под пятой у бабы своей.

Не понимала ни слова, что говорил отец Ефрем. Покорно, не вдумываясь, повторяла слова молитвы и крестилась.

...а жена да боится своего мужа...

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, Слава тебе Боже!

Отец Ефрем крепко обвязал рушником руки молодых: как оковы надел, подумала Катерина, наблюдавшая, как волнуются их венчальные свечи, как медленно стекает по ним воск. Молитва не шла. «Как свеча горит — такой и жизнь будет, — говаривала мать. — Быстро прогорит — на жизнь недолгую, смерть придет». «Ах, какая же ждет меня? Долгая или короткая? Счастливая или нет?»

Священник начал неспешно обводить молодых вокруг аналоя. Длинное свадебное платье волочилось за Катериной, на каждом круге рискуя за этот самый аналой уцепиться и прервать процессию. Николай, не отрывавший взгляда от Катерины, заметил ее волне-

ние, наклонился и незаметно для окружающих распутал шлейф, не дав ему остановить таинство.

Венчание закончилось. Вот и все. Отец Ефрем давал молодым напутствие, говорил что-то хорошее и правильное про Божью благодать, про ангела, которого Господь дает каждой семье во время венчания... «Как я могла думать всякие глупости, сомневаться? Вот он, Александр — теперь муж мой, родной!» Будущая жизнь представилась Катерине: большая счастливая семья, смеющийся Александр. Безграничное блаженство завладело ей, захотелось кричать: как же все-таки хорошо! Александр улыбался своей доброй широкой улыбкой, и Катерина подумала, что не случилось еще в ее жизни ничего прекраснее.

Глаша и Поля заплели ей замужние косы, после чего новобрачные вышли к людям, дожидавшимся на паперти. Собралась толпа: все село и даже окрестные пришли посмотреть, как венчается управляющий. «Какая же, Катька, ты счастливая!» — шепнула Глаша.

Свадебный поезд тронулся в усадьбу. На первых санях, щедро украшенных разноцветными бумажными цветами, сидели Александр и Катерина; правил Александр. Снега к тому времени навалило много, поэтому новоиспеченный муж не гнал лошадей, боясь перевернуться. Но Катерине было неумно радостно, сердце бешено колотилось в груди — эй, выпустите меня! Она встала в полный рост и что есть силы погнала лошадей в гору, прытко стегнув вожжами:

— Э-э-э-эх, а ну, пошли-и-и-и!..

Гости, ехавшие в свадебном поезде позади, смеялись:

— Ну дает Катька! Лихая жена досталась Александру Александровичу!

Столбы во флигеле, перегруженные заплаканной с холода снедью, уже томились в ожидании. Николай предлагал для свадьбы всю усадьбу: гуляй, раз такое дело! Но Александр, посоветовавшись с Катериной, отказался — она не на шутку испугалась и даже расплакалась: только не там, прошу тебя! Посаженные родители — Ермолай и Агафья — встречали молодых рыжим глазурированным караваем и строгими потускневшими иконами, которые достались молодожену от родителей.

У дверей молодым постелили белый холст и налили две хрустальные рюмки водки. Александр и Катерина, как положено, пригубили, выплеснули остатки за правое плечо и махнули хрусталь под ноги. Рюмка Александра жалобно зазвенела, но не разбилась, а завертелась волчком у его ног: тогда он со всей силы придавил ее каблуком, крутанул, и она с треском распалась на мелкие кусочки.

«Вот так же и он меня растопчет, как рюмку», — подумалось вдруг Катерине, и она испугалась непонятно откуда взявшемуся предчувствию.

Александр с улыбкой подхватил Катерину и легко перенес через порог. Молодых снова три раза обвели вокруг праздничного стола и усадили во главе.

Агафья затянула жалостливую песню:

Ах, жарко в тереме свечи горят...

Остальные бабы подхватили:

Горят свечи воску ярого;
Ах, жалко плакала свет Хавроньюшка.
Унимал ее родной батюшка,
Уговаривала родна матушка:
Не плачь, не плачь, мое дитятко!
Уж я тебя не в полон даю,
Не в полон даю, не полонить хочу;
Уж я тебя замуж отдаю,
За умного, за разумного,
За белого, за румяного,
Ведь я тебя не одну пушу,
Не одну пушу, поезжан пошлю,
Поезжан пошло, сваху снаряжу.
Государыня моя матушка!
Я сама знаю, про то ведаю,
По домам гости все разъедутся,
И сватьяшки все разойдутся,
Одна я, младшенька, остануся
На чужой дальней на сторонушке,
У чужого отца, матери,
У чужого роду-племени.

Эта песня, как и все последующие, казалась такой безотрадной, что Катерина, забыв про радость, только что владевшую ей, плакала не переставая — бабы знали свое дело. Она оплакивала и себя, и свою судьбу, и молодость, и красу, и родителей — все то, о чем пелось весь вечер.

Тем временем гости веселились от души: вино, водка и брага текли рекой! Родственники Катерины удивлялись обилию: щи с мутной жирной поволокой, лоснящийся окорок, словно лакированный, молочный медовый поросенок, очевидно, подавившийся яблоком, ароматные куриные потроха. На десерт Агафья расстаралась: соорудила большой яблочный пирог со взбитыми сливками.

Николай весь вечер казался неестественно веселым. Гости были в восторге — сам барин дружкой их развлекал, байки рассказывал, бражки подливал: такого чуда еще не видели! Наконец он выдохся — притворяться не осталось сил.

Николай подозвал Дуську и попросил выслать на минуту Катерину:

— Слово мне сказать ей нужно.

— Нехорошо это, Николай Иванович, — засомневалась Дуська.

— Ничего, только слово сказать — и только. Посмотри, все пьяные уже.

И правда: многие гости спали, положив головы на стол, многие пели задушевные песни, попивая бражку.

Дуська, заметив, что Глашка с подружками куда-то убежала, а Александр о чем-то спорит с Петром Петровичем, отправила Катерину:

— Иди-тка, Катька, во двор, в амбар — там Глашка тебя дожидается, плохо что-то ей.

Николай ждал Катерину в темноте, вдыхая пыльный запах сена и смолоченного зерна. За стеной, в хлеву, возились сонные поросята. Дверь заскрипела, по стенам пробежали тени, и в амбар вошла Катерина. Николай тронул ее за плечо:

— Не бойся, это я.

— Да отпустите вы меня! — Она выскользнула, вырвав у него из рук край фаты и собираясь убежать.

— Катерина, постой. — Николай протянул ей руку, в которой что-то блестело. — Подарок — прабабкино кольцо. Пригодится тебе однажды.

— Нет. — Прижав руки к груди, она еще дальше отступила к двери.

Николай подошел к Катерине вплотную, сжал ее ладони и вложил в них кольцо:

— Возьми, в трудную минуту оно выручит тебя.

Катерина заупрямилась:

— У меня не будет трудных минут!

— Эх, Катя, тебе не миновать с ним горя. Впереди тяжелые времена — я точно знаю. Кольцо спасет твою жизнь. Возьми!

— Подарок дорогой. Я спрошу Сашу.

— Катя, живи своим умом.

— Почему же? Я теперь должна слушаться мужа. — Она попыталась высвободить ладони, но Николай крепко держал их.

Он почувствовал, как нечеловечески устал за сегоднешний день. Капельки холодного пота побежали у него по спине. Николай выдохнул:

— Наступит день, и ты поймешь, что больше не любишь его. Ты прозреешь. Тебе будет страшно и одиноко. Но знай: я всегда буду думать о тебе и разделю твою горе, где бы я ни был. Ты пройдешь тот же путь, что и я: семья, дети, но при этом одиночество, бескрайнее одиночество. Мы встретимся и будем наконец вместе. Я точно это знаю. А пока будь счастлива, пусть этот миг продлится как можно дольше. Я дождусь, — Николай крепче сжал ее пальцы, — возьми.

Он притянул ее к себе и обнял. Катерина почти не дышала. Ему казалось, что она мистически близка ему. Их секрет, их чувства навеки сроднили его с нею, они никогда отныне не станут чужими, что бы ни произошло в жизни каждого.

— Катерина, — не сдержавшись, прошептал Николай, взяв ее за подбородок: позже он ругал себя, что страстно целовал ее, такую нежную и беззащитную в тот момент, пока не почувствовал слезы щеке.

— Это в последний раз, обещайте!

— Хорошо. Я знаю, — сказал Николай, пытаясь запомнить запах ее волос.

Хлопнув дверью, он вышел.